

МЕССИИ ЛЖЕМЕССИИ ТОЛПА

Ю.М. АНТОНЯН

Ю.М. Антонян

**Мессии,
лжемессии
и толпа**

*Рекомендовано к изданию Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве монографии*

*Рекомендовано к изданию Научно-исследовательским
институтом образования и науки в качестве монографии*

Закон и право • Москва • 2015

УДК 930.2:17.021.2

ББК 87

А72

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Антонян, Юрий Миранович.

А72 Мессии, лжемессии и толпа: монография / Ю.М. Антонян. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 207 с.

ISBN 978-5-238-02694-7

Агентство СІР РГБ

Толпа всегда играла большую роль в распространении различных религиозных и политических учений..., и сейчас для этого у нее еще больше возможностей.

В числе таких учений те, за которые агитировали подлинные и мнимые спасители.

Книга посвящена мессии Христу и лжемессиям — Гитлеру, Ленину, Сталину.

Показана роль толпы в распространении их идей и в почитании учителей и лжеучителей.

Даны типология и структура толпы, механизм их участия в претворении в жизнь того, что проповедовали их наставники.

Особое внимание уделено личностям лжемессий и создаваемой ими субкультуре, охватывающей толпу, особому тоталитарному искусству.

Показана смертельная опасность для человечества лжемессий, обладающих политической властью.

ББК 87

ISBN 978-5-238-02694-7

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2015

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ). Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

Пилат, отвечая, опять сказал им:
что же хотите, чтобы я сделал с Тем,
Которого вы называете Царем Иудейским?
Они опять закричали: распни Его.
Мк., 15: 12, 13

Предисловие

Идея этой книги родилась в результате четкого уяснения и выделения в качестве самостоятельной проблемы неразрывную связь между мессией (а также тоталитарным лжемессией) и толпой.

Действительно, архетип мессии возник из потребности толпы в спасении и помощи, а когда он появился, например, в иудаистском мире, толпа пошла за ним, но потом, после его ареста, кричала: «Распни, распни Его» (Лк., 23:21).

Аналогично вела себя толпа по отношению к лжемессии Муссолини. Тела Муссолини, его любовницы Петаччи и еще шести приближенных к дуче фашистов привезли в Милан, где разъяренная толпа (та самая, которая всего несколько лет назад превозносила Муссолини и поклонялась ему как своему повелителю и покорно и добровольно принимала его диктатуру) подвесила их за ноги к перекрытиям бензоколонки на площади Пьяцца Лорето. Лицо Муссолини перед этим было обезображено. После этого кто-то подрезал веревки, и тела Муссолини и Петаччи упали в сточную канаву, где они пролежали четыре дня, когда их наконец предали земле на кладбище Музокко¹.

Мессии (и лжемессии тоже) возможны только в недемократическом обществе, где власть принадлежит или захвачена одним человеком, в обществе, в котором люди повышено тревожны, потеряли надежду и смысл жизни, очень боятся завтрашнего дня.

¹ См.: *Головненков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хельманн У.* Необыкновенный фашизм. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика. М., 2014. С. 46–47.

Толпа же — это не только скопление людей на одном месте, а некоторая человеческая совокупность, обладающая единой психологической и нравственной общностью. Но толпа может быть и скопищем людей, собравшихся для дурных или благих целей, например для чествования любимого артиста. У толпы нет единого сознания, и она часто действует так, как укажет ей ее вожак (вождь). Мессия с политической властью, ни тем более лжемессия, увлекающий за собой народ, не может появиться в демократическом обществе.

Из самой собственно христианской религии для построения церкви были взяты лишь ее самые общие идеи, но саму церковь создала толпа, поэтому церковь несла в себе все ее наиболее типичные черты — цинизм, жестокость, слепоту, непоследовательность, сентиментальную слезливость, боязнь нового. Идеи всепрощения и любви лишь провозглашались, но лишь иногда становились принципами практической деятельности.

Толпа рыдала над рассказами о муках первохристиан, ставших святыми, но костры инквизиции были ее любимым зрелищем, и она охотно посылала своих сынов на религиозные войны и в крестовые походы. Не менее твердо и активно поддерживала толпа и рабство, эксплуатацию рабов, то же делали светлейшие умы тех стран, где было рабство, например в России, где великие писатели очень редко и очень неохотно касались вопросов крепостного права. Все они, а также и святые отцы, эти самые грамотные люди своего времени, записавшие мифы, не представляют собой, конечно, толпу, но многие из них есть люди толпы, ее дети, разделяющие ее предрассудки и идущие за ней на поводу. Они невольно закрепляют в своих писаниях и то, что нужно было толпе. Это потом передалось писакам тоталитарных режимов.

Уже сейчас, в самом начале работы, следует вкратце изложить свое понимание толпы. Прежде всего это «просто» часть населения, огромная обывательская масса, в которой так много наименее мыслящих, наиболее невежественных и легковверных людей, верящих в сверхъестественные явления и существа, некритически относящихся к своим кумирам или лидерам и их обещаниям; в толпе есть и люди интеллектуального труда. Человек толпы разделяет ее верования и предрассудки, ее ценности и подчиняется ее стандартам. Это те, которые, не раздумывая, идут за своим лидером (вожаком, вождем), в том числе за таким, который убежден, что надо убивать и грабить, захватывать другие страны; это те, кто уверен, что их боги и их любимые футбольные команды лучше всех других; это те, кто отрицательно относится ко всем инаково-

рующим и инакомыслящим; это те, кто заполняет наши эстрадные залы и в восторге рукоплещет дешевым, глупым песням и плохим, неумным шуткам, получая от этого искренне наслаждение; это те, кто предпочитает всему самые простые решения, верит небывицам и готов видеть врагов вокруг.

Толпа обожает покопаться в грязном белье великих знаменитостей, это, по ее ощущению, приближает к ним, ставит на одну доску. В письме к П.А. Вяземскому А.С. Пушкин писал: «толпа в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего». При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы. Врете, подлецы, он мал и мерзок не так, как вы — иначе».

Одним словом, толпа может пониматься как часть общества, объединенная и укрепленная едиными идеологическими, духовными и интеллектуальными началами, часть общества — наиболее невежественная и легковверная, на которую всегда рассчитывали вожди и знаменитости.

Но есть еще один тип толпы — это сборище, скопление людей, знакомых или не знакомых друг другу. Они могут собираться по разным поводам и с разными, в том числе антиобщественными, целями. Я назвал такую толпу стаей. Конечно, это не только и не столько сборище людей, сколько их совокупность, отличающаяся теми особенностями, которые я назову ниже. Человек толпы в обоих смыслах может оставаться ее элементом, даже когда он один.

Разумеется, сказанное вовсе не означает, что толпа состоит только из злодеев и тупиц, глупых и неразборчивых людей, весьма похожих на стадо. Ее особенность в том, что в ней можно найти и высоконравственных людей, обычных обывателей наряду с подлецами и негодьями, как, собственно говоря, вообще в обществе, причем каждый к чему-то стремится, иногда вполне осознанно, и выбирает свои, как бы предуготовленные для него способы существования. У толпы свои законы и свои механизмы функционирования, которые делают ее особым субъектом жизнедеятельности общества и формой влияния на каждого из принадлежащих ей людей. Но подробно об этом далее.

Э. Фромм поставил вопрос, почему современный человек, освобожденный от оков доиндивидуалистического общества, которое одновременно и ограничивало его, и обеспечивало безопасность и покой, не приобрел внутренней свободы реализации и личностного потенциала, т.е. реализации своих интеллектуальных, эмоциональ-

ных и чувственных способностей¹. Прежде всего, трудно согласиться с тем, что доиндивидуалистическое общество обеспечивало личности безопасность и покой. Если в древности люди страшились духов, злых сил, соседей-врагов, колдунов и т.д., а в Средневековье еще и демонов, инквизицию, власть государства, своих сеньоров, войн и т.д., то в современном мире страх на людей наводят безработица, преступность, боязнь разорения и многие другие факторы, достаточно хорошо известные. Именно потому, что человек не ощущал безопасности и покоя, он, помимо своих, уж принятых богов, сотворил еще и мессию. Те старые, так сказать, исконные боги, как, например, Яхве, уже не удовлетворяли их, нужны были новые божества, которые давали бы надежду.

Толпа всегда была защитницей отдельного человека. Он в ней находил понимание, поддержку, истинные для него ценности и цели, если нужно — лидера, хотя бы и временного. Люди толпы находят друг друга, они знают, где их искать и как сойтись с ними, места, где это возможно. Это не музеи или театры, а рынки, площади, стадионы, парки и т.д.

¹ См.: *Фрамм Э.* Бегство от свободы. Минск, 2004.

1.1. Понятие мессии

В жизни человечества, особенно в ее духовных, политических, психологических, идеологических составляющих заметное место занимает архетипический и виртуальный образ мессии (спасителя), на которого возлагаются особые надежды и даже обязанности по обеспечению справедливости и вообще лучшей жизни на земле, а на некоторых — и ее продолжения после смерти. В политеистических религиях эти обязанности не были сосредоточены на одном сакральном персонаже, они были рассредоточены среди отдельных фигур пантеона. Мессия как бог появился в монотеистической религии, ставя под сомнение саму идею единобожия, можно даже сказать, что монотеистическая религия есть мессианская религия. Например, в иудаизме появилось христианство, которое стало мировой религией, оставив иудаизм религией небольшого по численности народа. В свою очередь, и христианство не удержалось в монотеистических рамках, породив культ богоматери, любящей, поддерживающей, прощающей, по существу богини, хотя ее никак нельзя назвать мессией. Можно предположить, что единый и единственный иудейский бог был слишком жесток и суров и, главное, не оправдывал надежд обрести справедливость и благополучие на земле и вечную жизнь на небесах. Спаситель оказался крайне необходим как раз по этой причине.

В мессианских монотеистических религиях бог-творец подчас оказывается забытым, во всяком случае, отодвинутым на второй план. Активно развивающемуся, а тем более секуляризированному современному христианскому обществу, как оказывается, уже не так важно и даже безразлично, что этот бог сотворил землю, всю природу, космос и жизнь, главным на новом этапе оказывается то, как живут люди и что их ждет. В таком обществе вера скорее является данью традиции, символом добродетели, порядочности и иных этических ценностей. Христианский мессия, открывая новые ценности, обещал их, говорил о будущем, и он оказался в центре внимания. Забвение творцов особенно заметно в годы острых внутриконфессиональных диспутов и внутрирелигиозных войн.

По мере изменения роли и значения религии в западной цивилизации круг мессий заметно расширился за счет вполне земных людей, которые стали считать себя спасителями мира, и в это поверили другие. В первобытной же древности спасителей не было, во всяком случае, в отчетливой форме они не проявлялись по той достаточно простой причине, что в этом не было общественной потребности, в социуме не сложился критический уровень усталости и разочарования от напрасных ожиданий и несбывшихся надежд. Поэтому в тот период идеи спасения не возникали, а самые первые робкие движения в их сторону ограничивались тем, что могли дать примитивные боги и божки. Однако достаточно рано появилась потребность улучшить жизнь и преодолеть свою брэнность, и именно она стала прокладывать дорогу мессиям.

Конечно, в христианстве Иисус стал спасителем не только по той причине, что обещал бессмертие. Дело в том, что у значительной части древних иудеев значительно ослабла вера в то, что Яхве способен решить все их проблемы, к тому же он был чрезмерно суров и даже несправедлив и жесток. Нужна была иная могучая сила, которая смогла бы утвердить новую идеологию и мораль. Такой силой не был ни один из пророков.

Среди живших в эпоху иудаизма и богов природы было столько ужасов и страданий, что это не могло не отразиться в мифах, например, о всемирном потопе. Поэтому был совершенно прав П.А. Кропоткин, утверждавший, что

главное отличие христианства и буддизма от предшествующих им религий было в том, что вместо жестоких, мстительных богов, велениям которых должны покоряться люди, эти две религии выдвинули — в пример людям, а не в устрашение — идеального богочеловека, причем в христианстве любовь божественного учителя к людям — ко всем людям без различия племен и состояний, а особенно к низшим, — дошла до самого высокого подвига, до смерти на кресте...¹.

Вместо страха перед мстительным Иеговой или перед богами, олицетворявшими злые силы природы, проповедовалась любовь к жертве насилия, и нравственным учителем в христианстве было не мстительное божество, не жрец, не человек духовной касты и даже не мыслитель из числа мудрецов, а человек из народа. Если основатель буддизма Гаутама был еще царским сыном, добровольно ставшим нищим, то основателем христианства является плотник, оставивший дом и родных и живший как живут «птицы небесные»².

¹ Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С. 105.

² См.: Там же.

Зародившись в иудаизме, мессианская христианская религия сотворила бога наполовину человеком (он называл себя «сыном человеческим»), сделав тем самым гигантский шаг в максимальном приближении божества к людям. Христос представил новую мораль, свое видение мира и разрешения его проблем. Этим он кардинально отличается от Заратустры и Мухаммада, которые обладают божественными статусами, и это тоже мессии, но они проповедуют учения своих богов, внедряют их и т.д. Христос, по существу, заслони́л Яхве, он излагал свое учение, резко отличающееся от того, что было известно как религия Яхве. Так называемые простые верующие, не задумываясь, назовут своим богом Христа, даже не вспомнив о боге-творце.

Давно установлено, что христианство зародилось в наименее обеспеченных и образованных слоях иудейской диаспоры Римской империи. Представители более состоятельных, а тем более высших классов вначале лишь эпизодически начинали исповедовать новую религию. Первые христианские литераторы писали в духе тех ранних христианских общин, в которых они жили и действовали. Мифологический образ Христа, однако, начинался не с них, а с устных рассказов о нем, которые передавались от одного человека к другому и сплывали людей вокруг этого имени¹.

Спаситель обещал уже в скором, хотя и неопределенном времени установление на земле царства божия, искоренения несправедливости, угнетения и боли, воскрешения мертвых, причем в новом и, надо полагать, намного лучшем виде. Сам мессия воссядет на престоле и воцарится всеобщая радость. Все это родилось в головах невежественных и легковверных людей, но явственные следы такой слепой веры можно легко обнаружить в новозаветных книгах. В целом мессианские ожидания первых христиан мало отличаются от общих иудейских надежд.

Согласно иудаистскому мышлению, спаситель обязательно должен быть царского рода, о чем прямо говорится, например, во

¹ Немецкий историк Карл Беккер писал, что низшие классы древнего общества предавались самым странным суевериям и самым необыкновенным, отвратительным таинственным учениям (мистериям), поклонялись и египетским, и финикийским, и персидским божествам. Но сердце человеческое, требовавшее внутреннего удовлетворения, не находило в этом богослужении того, что искало. Здесь, среди низших и средних слоев общества, в громадной массе «удрученных и униженных, бедных и несчастных» находилась почва, где могла пустить свои корни радостная весть Искупителя. В высших слоях христианство распространилось гораздо медленнее. Ему оказывал противодействие горделивый дух образования, а также необходимость расстаться с укоренившимся порядком вещей, например, с рабством, почестями, властью и богатствами (см.: *Беккер К. М.*, 1912. С. 868—869).

Второй книге Царств. Но ранние христиане повысили статус мессии и сделали его сыном бога. Уже то, что спасителем может быть лишь лицо очень высокого происхождения, даже царского, таит в себе мощный мифологический заряд. Переход от этой ступени на еще более высшую представляется относительно легким, тем более что именно эта последняя давала мессии возможность сделать на земле то, что было не под силу полностью смертному.

К. Каутский вполне обосновано предположил, что Иисус был бунтовщиком и именно за это был казнен. Действительно, зачем нужно было распинать человека, который призывал лишь к любви и смирению. Каутский полагает, что бунтарский мессия, соответствующий иудейскому мышлению, в условиях относительного мира и спокойствия в Римской империи больше не годился. Но так как христиане привыкли почитать в Иисусе своего бога и воплощение всех добродетелей, то они не отказались от личности Иисуса-бунтаря, не противопоставили ему другой идеальный образ, другую личность, более отвечающую новым условиям, но взяли и устранили из образа бога Иисуса все бунтарские черты и превратили его в страдальца, который был убит не за восстание, а только по причине его бесконечной доброты и святости и вследствие низости коварных завистников¹.

Представители состоятельных слоев, примкнувшие к христианам, взяли на себя функции идеологического и литературного оформления христианского учения, поскольку именно они были образованными людьми. Благодаря их усилиям первоначальные крайности христианства, его духа протеста и революционно-демократического неприятия действительности стали постепенно исчезать, хотя и не были преодолены полностью. Соответственно этому изменился и образ Иисуса, он перестал быть ярко выраженным бунтарем, но неизменным в его учении остаются симпатии к бедным и обремененным, которых он считал солью земли. Восхваление бедных и порицание богатства принимали все более условный характер.

Гонимым и страдающим людям уже не нужен был бунтарь, поскольку все бунты и восстания до этого заканчивались их поражением; им теперь необходим был образ воплощенной кротости, смирения и доброты, т.е. того, что они хотели бы видеть в окружающем мире. Но следы бунтарства явно присутствуют в новозаветных священных текстах. Это потом оказалось на руку церкви, которая, отказываясь от милосердия и прощения, всегда могла сослаться на соответствующие места в этих текстах. Но даже наделенный всеми добродетелями, Иисус никогда не приобрел бы такой значимости,

¹ См.: *Каутский К.* Происхождение христианства. М., 1990. С. 343—344.

если бы миф не дал ему возможности собственного воскрешения и воскрешения других. Для толпы (людей толпы) это имело решающее значение, поскольку она хотела всего и сейчас, была невежественна и легковерна. На небо вознесся и Мухаммад.

Прав Каутский, что никто не оставляет по себе память, выходящую из узкого круга людей, знавших его лично, если он не оставляет какого-нибудь произведения, которое производит впечатление. Пока такое создание продолжает существовать и действовать, продолжает также жить и интерес к личности его творца. Иисус, как он изображен в сохранившейся традиции, был представителем, передовым бойцом и основателем организации, которая пережила его и разрасталась все больше, становилась все могущественнее¹. Сообщества иудаистских пролетариев, проникнутых мессианскими идеями, существовали еще до Иисуса, но именно он был их наиболее выдающимся организатором и пропагандистом. Вполне допустимо предположить, что этот проповедник утверждал, что он мессия. Миф закрепил за ним этот статус.

В современных демократических условиях, в частности свободы совести, нередко появляются люди, объявляющие себя мессиями и создающие для собственного процветания соответствующие секты, иногда очень крупные. Они формируют новые религиозные догмы, но часто оказываются не в состоянии отвергнуть многие из тех, которые составляют основу того или иного вероучения, в рамках которого они пытаются что-то сделать (тоталитарные сайентологические и мученические, псевдоиндуистские и псевдобиблейские секты и др.)². Эти секты достаточно постоянны, но, к счастью, не оказывают заметного влияния на общество.

Происхождение и конкретные дела некоторых спасителей трудно определить, их духовный профиль несколько размыт, но в них все равно верят. Таким является Махди. Большинство суннитских богословов ведут его происхождение от семьи пророка. Для суннитов он не является непогрешимым «ведомым» (Махди — буквально «ведомый», т.е. «тот, кого направляет бог»), каким его провозглашают шииты. Шииты отождествляли его с Двенадцатым имамом. Пребывая вечно живым, он лежит в гробнице на горе Радва, откуда приверженцы ждут его возвращения. Божественное явление Махди откроет для мусульман эпоху небывалого благочестия и процветания. Царствование Махди продлится пять, семь или девять лет. Многие политические деятели, провозгласив себя Махди,

¹ См.: *Каутский К.* Указ. соч. С. 350.

² См.: *Дворкин А.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2002.

предпринимали попытки (часто удачные) прийти к власти¹. Махди — тоже типичный мессия.

Можно предположить, что идея спасителя заимствована исламом из иудаизма и христианства. Но гораздо более обоснованно думать, что она родилась в исламе естественно, так сказать, самостоятельно, не случайно Махди пользовался и пользуется широкой популярностью среди народных масс, его имя лежало в основе многих освободительных движений. Мухаммад, конечно, принес «единственно верное» учение, но оказалось, что оно недостаточно в плане облегчения земной ноши и обеспечения блаженства на небесах. Поэтому понадобился Махди.

Ему, конечно, предшествовал основатель ислама Мухаммад. Его рождение и детство вполне соответствуют мифологическому сценарию жизни, типичному для спасителей, отмечает М. Элиаде. Будучи беременной, мать его услышала голос, возвещающий о том, что ее сын будет владыкой и пророком своего народа. В момент его рождения весь мир озарился ослепительным светом (сравни рождение Заратустры, Махавиры, Будды). Он родился чистый, обрезанный и с уже перерезанной пуповиной. Когда ему исполнилось четыре года, два ангела уложили его на землю, вскрыли грудь, взяли из его сердца каплю черной крови и омыли его внутренности талым снегом, принесенным в золотой чаше².

Если Христос оставил после себя достаточно мощную организацию, то Мухаммад — могущественное теократическое государство, и тот и другой — учения, горячо поддержанные толпой и развитые потом учениками и бесчисленным количеством теологов. Но поддержка толпы — толпы, верящей в чудеса и сверхъестественные силы, легковерной и невежественной во все времена, — исходный момент. Поэтому можно утверждать, что мессия является продуктом общественной потребности, которая во многом, хотя и не во всем, формируется толпой.

Почву, из которой вырос дух христианства, нужно искать в мудрости мистерий, считал Р. Штайнер. Недостаточно лишь господства той основной мысли, что этот дух должен еще больше проникнуть в жизнь, нежели это совершалось в мистериях. Но и эта основная мысль уже получила распространение в широких кругах, писал далее Штайнер, что можно считать впитыванием этой мысли толпой. Штайнер обращал внимание на образ жизни эссеистов и терапевтов, которые существовали задолго до возникновения христианства. Эссеи были замкнутой палестинской сектой,

¹ См.: Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. III: От Магомета до Реформации. М., 2008. С. 153—154.

² См.: Там же. С. 81—82.

и ко времени Христа в ней числилось около четырех тысяч. Такой же замкнутой и малочисленной сектой были терапевты в Египте¹.

Я полагаю, что обе эти общины могут читаться предтечами христианства только в смысле того, что они исповедовали мессианские идеи, вели в сущности коммунистический образ жизни в самом примитивном варианте и ждали конца света и наступления царства всеобщего благоденствия.

Однако таким сектам, а это были именно секты, еще очень далеко до христианства, точнее, последователей Иисуса, которые совсем не стремились к замкнутости, а, напротив, старались как можно больше увеличить число своих сторонников и единомышленников. Надо полагать, что даже ранние христианские общины носили открытый характер, хотя и старались не провоцировать власти по отношению к себе. Христианство стремилось к тому, чтобы сделать достоянием всего человечества все то, что было их достоянием.

Штайнер поясняет, каким образом дух христианства вырос из мудрости мистерий: в мистериях человек искусственным образом готовится к тому, чтобы на известной ступени развития в его душе пробудился высший духовный мир. Внутри же общины ессеев и терапевтов душа работала над своим созреванием, для пробуждения в себе «высшего человека». Следующий шаг заключался в предчувствии того, что индивидуальность в повторной смене земных жизней может подниматься на все более высокие ступени совершенства. Обладавший таким предчувствием мог воспринимать в Иисусе высокодуховную индивидуальность². Возможно, мистерии сыграли важную роль в зарождении христианства, но можно полагать, что весомым его источником все-таки следует считать мессианские ожидания иудеев, существенно переработанные уже позднее христианами. В таинственном мраке мистерий лишь чистый дух вряд ли мог соблазнить толпу, без которой распространение, успех этого учения был бы невозможен.

Христианство развивалось в Римской империи в условиях глубоких противоречий, и не следует думать, что толпа всегда поддерживала новое учение и его адептов. В первые века становления этой религии ненависть к христианам, отмечал Ю. Николаев, несомненно, существовала среди широких масс и доходила до такого неистовства, что представителям власти нередко приходилось вступаться за обвиняемых и защищать их от разъяренной толпы.

¹ Штайнер Р. Христианство как мистический акт и мистерии древности. Ереван, 1991. С. 116.

² См.: Там же. С. 117—118.

В этих случаях сказывалось невежество грубой толпы, ее бессознательная вражда к мистическому идеализму и ко всему возвышающемуся над ее собственным миром. К сожалению, самые нелепые обвинения воспринимаются легковерной народной массой быстрее всего, и вокруг имени христиан обвилась легенда об ужасных преступлениях, будто бы неразрывно связанных с христианской этикой. Важнейшим поводом к таким обвинениям были некоторые подробности христианского быта, известные также лишь понаслышке и недоступные ее пониманию.

Народ твердо верил, что христиане в общей массе являются ужасными злодеями, и поэтому охотно склонялся к объяснению всяких стихийных бедствий — пожара, голода, землетрясения и пр. — гневом богов, возмущенных успехами христианской проповеди. Брожение ненависти к христианам поэтому никогда не могло улеяться и постоянно выражалось в кровавых вспышках по самому незначительному поводу. Это настроение народных масс оставалось неизменным в течение более чем двух веков¹. Конечно, то была другая толпа, не та, что благоговейно внимала своему учителю и твердо надеялась обрести царство небесное. Причем после гибели Иисуса проповедников стало больше, и они завоевывали все больше сторонников. Но это на первых порах не ослабляло ненависти к христианам других людей, людей толпы, тоже, естественно, невежественной и легковерной, сразу не способной усвоить ранее недоступные им идеи. И непонимающая толпа отвечала, как всегда, ненавистью, нелепыми слухами и злобной клеветой. Сущность христианского учения она не понимала, следовательно, по ее мнению, это учение было бессмысленно и под его символами скрывалось нечто скверное. Помимо гнусных обвинений в разврате и всяких злодействах, толпа бросала христианству упреки в нелепости. Ходили слухи, что христиане поклоняются какому-то богу с ослиной головой или просто боготворят осла.

Мессиями были люди, и конечно мифологизированные, никто из них не был небесным существом. Из этого можно сделать очень важные выводы: во-первых, значимость богов-творцов, в первую очередь в христианстве, ослабела, на смену им практически пришли мессии. Поэтому для церкви стали неактуальными диспуты о том, кто является творцом земли, космоса и человека (но не только по этой причине); во-вторых, это означает десакрализацию цивилизации, причем прежде всего западной. Других религий этот процесс коснулся значительно меньше, но, возможно он будет иметь место и там. Мессия-человек лучше, чем боготворец, понимает людей, их нужды, заботы, стремления хотя бы

¹ *Николаев Ю.* В поисках божества. Очерки из истории гностицизма. Киев, 1995. С. 103—104.

потому, что он тоже человек. Не случайно Христос страшится казни и погибает на кресте в муках и страданиях — совсем как простой смертный. Процесс замены бога-творца на бога-мессию можно назвать гуманизацией.

Идея божественного мессии не появилась, скорее всего, лишь со времени оформления религии и написания священных текстов. Она существовала, по-видимому, всегда — вначале в виде очень смутных и не до конца ясных надежд на какую-то сверхъестественную силу, которая придет в этот мир и изменит его «неправильные» порядки, накажет зло и восстановит справедливость, которая, возможно, была в сверхдавние Времена Сновидений. Не исключено, что в некоторых культурах на эту силу возлагались надежды, тоже весьма смутные, на продолжение жизни после смерти. Иногда спасающая сила частично или даже полностью сливалась с божеством-творцом, в других случаях выступала в качестве отдельного, но еще не до конца оформившегося персонажа, первопредка, героя и т.д. Но герой — еще не мессия или только частично мессия, так сказать, начинающий мессия — он лишь восстанавливает справедливость и совершает подвиги, которые затем становятся образцами мужества и храбрости, наподобие некоторых сегодняшних киногероев. Но у него нет духовного учения, способного не только объяснить этот мир, но и коренным образом преобразовать его.

Человечество давно и упорно, не ослабляя усилий, разными способами и в разных сферах жизни ищет того, кто указал бы ему путь, облегчил страдания и дал бы счастье, по возможности полное и навсегда. Это должен быть идеальный, фантастический персонаж со сверхъестественными способностями, причем его идеальность понимается и создается в разных культурах соответственно им. В христианстве, например, он не только определяет нравственные ценности, духовность и общее направление духовного развития, но еще и обещает продолжение жизни в невозвратной стороне. В этом и заключается его идеальность — вот в этой необычной сочетаемости различных элементов, каждый из которых дополняет другой и каждый очень важен.

Другим религиям тоже знакома фигура спасителя, например индийским. В джайнизме это был Махавара. Сын главы знатного рода, он зачат в лоне супруги одного брахмана, но боги переносят эмбрион в лоно другой принцессы. Пророческие сны рассказывают обоим материям о грядущем рождении спасителя, а ночь его рождения освещается ярким заревом. Махавира прославился жестким аскетизмом и того же требовал от своих адептов. Отрицал

существование бога, но не божеств — они наделялись святостью, но не бессмертием¹.

У мордовского народа есть сказание о грехопадении людей, и что замечательнее всего, несколько совпадающее с христианскими верованиями о жизни и смерти спасителя.

Первые люди находились в блаженном состоянии. Скота у них было много, земля не требовала никакого удобрения, урожаи были отменные, на каждом дереве были бортни с пчелами. Все были богаты, и имущество у всех было равное. Бог Чами-паз послал им для управления Нишке-паза, которого назвал своим сыном. Он помогал людям во всем, лечил больных, обеспечивал урожай. Но злой дух Шайтан научил людей пить хмельное, они перестали слушать Нишке-паза, схватили его, били и убили, но мертвый Нишке-паз воскрес и вознесся на небо².

Научные исследования такого явления, как мессия, неизбежно приводят к необходимости отмечать его схожих персонажей. В первую очередь надо провести грань между мессией и пророком.

В качестве пророка М. Вебер понимает обладателя личной харизмы, возвещающего в силу своей миссии религиозное учение или волю бога. При этом Вебер не проводит резкого различия между пророком, возвещающим действительное или предположительно данное раннее откровение, и пророком, притязающим на то, что он приносит в мир совершенно новое откровение, следовательно, между тем, кто восстанавливает религию, и тем, кто основывает ее. Эти два типа пророчества могут переходить друг в друга, к тому же от намерения пророка обычно не зависит, возникает ли на основе его учения новая община; поводом для этого могут служить учения реформаторов, не являющихся пророками. Решающим является личное призвание, что и отличает пророка от священнослужителя, авторитет которого основан на священной традиции. Напротив, пророк притязает на этот авторитет в силу личного откровения или своей харизмы. Не случайно в подавляющем большинстве случаев пророки выходят не из среды священнослужителей³.

Думается, что пророком может считаться только тот, кто умеет или пытается назвать (определить, предсказать) будущее. Это Иисус, несомненно, умел. Разделяю мнение Швейцера, что Иисус основывал свою легитимизацию и свои притязания на том, что он, и только он знает отца и что только вера в него есть путь к богу, т.е.

¹ См.: *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. II: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2002. С. 75—76.

² См.: *Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 56.

³ *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 112.

полностью на магической харизме¹. Да, действительно, он основывал свои притязания на том, что только он знает отца, но вместе с тем он проповедовал совершенно иную мораль, даже принципиально иную мораль (см., например, Нагорную проповедь). Тем самым прежнюю мораль, установленную отцом, он практически полностью отрицал. Все это позволяет говорить об Иисусе как совершенно самостоятельной фигуре, не только как пророке, но и основателе новой религии.

На основе учения Христа возникла новая община. Ни он, ни Мухаммад не использовали в качестве повода для своих взглядов учения церковных реформаторов. Созданная Христом община, т.е. кружок последователей, вначале была мала, но впоследствии она значительно разрослась, захватив широкие круги невежественных, некритичных, малограмотных людей, т.е. толпу, которая вначале его не поддерживала и требовала его казни. Что касается магической харизмы, о которой говорит Вебер, то она пророку необходима, но для пророка такого уровня, как Иисус, она совершенно недостаточна — главным в его учении было само новое учение, но не только харизма.

Моисей, вполне возможно бывший историческим лицом, тоже был пророком, но еще он установил социальные и экономические основы жизни еврейского народа, а главное — создал иудаизм. Никто из последующих пророков не мог сравниться с ним, никто, кроме Иисуса. Действительно, Моисей, по словам Фрейда, был для еврейского народа освободителем, законодателем, основателем религии², а Иисус был первым, кто коренным образом реформировал ее (хотя слово «реформировал» здесь совсем не подходит). На ее базе он создал совершенно новую религию, причем отец, создатель земли и вселенной, остался тот же. Эта часть прерогатив Яхве осталась в неприкосновенности.

Мессию Иисуса ждали и звали (как и пророков), но никто не назначал его на эту роль. Он сам стал мессией, поскольку его, как он утверждал, посетило божественное откровение и он желал сообщить народу новое учение, в особенности новую этику. Поэтому Иисуса можно назвать учителем этики, которая была призвана установить новые отношения между людьми, а это было им важнее всего. Можно отметить, что новая этика господствовала в учениях и лжемиссий (лжепророков) новой истории, насыщенная злом и ненавистью. Как и в прошлом, современных лжемиссий связывают с их учениками отношения полного подчинения и по-

¹ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 113.

² См.: Фред З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 136.

читания, учитель обладает всей полнотой власти над умами и поведением своих учеников. Особенно верили мессиям (лжемиссиям) фанатики, но не только они, но и люди толпы, не умеющие критически относиться к чему-либо, «идушему» сверху, озаренному «высшим» знанием.

Христианином обычно называют того, считает американский протестантский теолог Ричард Нибура, кто верует в Иисуса Христа или является его последователем, кто считает себя принадлежащим к общности людей, для которых Иисус Христос, его жизнь, слова, дела, судьба являются высшей ценностью, ключом, открывающим им самих себя и окружающий мир, главным источником познания бога и человека, добра и зла, постоянным спутником их совести. Нибура пишет, что Иисус Христос Нового Завета существует в нашей реальной истории, определяющей нашу веру и поступки, которую мы помним и в которой мы живем¹.

По мнению Ричарда Нибура, Иисус нигде не заповедал любви ради нее самой и нигде не обнаруживал такого полного господства дружелюбных чувств и эмоций над враждебными, которое подтверждало бы идею, что в нем и для него любовь должна полностью заполнить душу и что его нравственные принципы основаны на идеалах любви. Здесь Нибура делает важное добавление: добродетель любви к Богу и ближнему в Боге, а не просто любви ради любви².

Эти предположения кажутся принципиальными, а поэтому нуждаются в комментариях.

Прежде всего, все, кто веруют в Христа, веруют еще в Святой Дух, Богородицу и Бога Отца, а когда возносят молитвы, часто не конкретизируют, отца или сына они имеют в виду. Кроме того, есть множество святых (православных в том числе), которым тоже молятся и поклоняются, молятся их изображениям (например, Казанской Божьей Матери).

Что касается утверждения Нибура, что Христос проповедует не просто любовь ради любви, а любовь к ближнему в боге, то это неверно, потому, что Христос призвал: «Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф., 5:44). Это совсем не похоже на любовь к ближнему в боге, ведь Иисус говорит здесь о «врагах и ненавидящих вас».

Наверное, можно согласиться с тем, что Иисус Христос — это солнечный бог, но не только в традиционном, мифологическом смысле, а как нечто необычно радостное, светлое, провозгласившее совершенно новую гуманную этику, указавшее на новые цели

¹ См.: *Христос и культура*. Избр. труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М., 1996. С. 18.

² Там же. С. 21.

и ценности в жизни. Он совсем не повторяет таких персонажей, как племенной вождь (царек) или его сын, которые подвергались обряду ритуального убийства. Христос — максимально приближенный к людям бог весьма незнатного происхождения, наделенный эсхатологическим самосознанием; он мог быть реальным лицом, впоследствии мифологизированным, или собирательным мифологическим образом. Для науки это не имеет принципиального значения, она призвана исследовать все мифологические атрибуты образа мессии наряду с изучением причин возникновения и победы этого экзистенциального персонажа.

В связи с христианством у науки есть еще один очень важный объект — огромная литература о Христе и христианстве. В том числе это сочинения богословов первых веков этой религии, в которых заложены основы христологии, и они имеют философское и общекультурное значение. Другая, не менее сложная задача — исследование образа Христа и других священных фигур в художественной литературе и искусстве (основные черты, тенденции, толкования, типологии и т.д.).

Итак, научно не доказано, был или не был человек, назвавший себя богочеловеком и создавший принципиально новую религию, но вполне допустимо, что существовал странствующий проповедник Иешуа, страстный, уверенный в своем призвании и в себе, осознающий свою исключительную духовную мощь и свою единственную миссию в качестве сына божьего, призванного судить живых и мертвых. Но в то же время вполне допустимо, что Иисус Христос есть собирательный образ как коллективная продукция духовного фантазирования и прогнозирования не критичной толпы, которая не могла мириться с жестокими порядками в мире, установленными суровым Яхве, и ей понадобился другой бог — добрый, любящий, прощающий.

Однако она оказалась не в состоянии совсем порвать с богом-творцом и сделала Иисуса его сыном. И в том и в другом случае сын получал новые и весьма значительные возможности и более чем определенную легитимность.

Говоря церковным догматическим языком, «Он единосущен Отцу по бо и Он же единосущен людям по человечеству».

1.2. Мессия как общественная потребность

Мессия — это посланец небес и сын бога либо провозглашенный учитель и вождь нации и всех, кто объединяется под победоносными знаменами его идей, естественно, бессмертных, или проповедник, ранее безвестный, но обладающий единственно верной конечной истиной. Мессия — лидер, но не просто лидер, но и

духовный вождь. Но главенствовать ему предначертано потому, что он указывает путь, создает идеологию, определяет идею, точно зная, как реализовать ее и стать счастливым, возглавляет все движение к ней.

Духовный мессия бескорыстен, его выгода лишь в обеспечении торжества своей идеи и той власти, которую он приобретает, возглавляя своих сторонников или даже все общество, которое следует за ним. В этих случаях, иногда даже сам того вначале не желая, он начинает уподобляться богу и может поверить и убедить себя и других, что он и есть бог или равный ему, поскольку может все. Путь к божественности ощущается им субъективно простым и неустойчивым, особенно тогда, когда претендующий на это страдает расстройствами психической деятельности. Придание себе божественного статуса во многих случаях не очень страшно, если мессия — местного калибра, а его бред и галлюцинации принимаются лишь кучкой последователей, как откровение свыше и потусторонний голос, избравший его язык. Это для них свидетельствует об особом предназначении такого лица, во что его последователи свято верят.

С.С. Аверинцев полагает, что внутренняя неизбежность как самой идеи мессии, так и переосмысления в связи с этой идеей состава религиозных представлений в целом заложена в самой структуре религии господина, требующего от своего народа беспрекословной верности и особой «святости» на его историческом пути (особенно в будущие эсхатологические времена), не достижимых без вождя и проводника, без вмешательства сверхчеловечески сильного целителя, который обладал бы высшей мерой святости. Древневосточная идеология обожествления царской власти закономерно трансформируется в контексте религии господина (не царь как бог, но бог как царь) в мессианскую идеологию: именно потому, что вся власть принадлежит господу, полномочия царя действительны в меру того, насколько его власть есть власть господина, и оба они — как бы одно (сравни слова Христа: «Я и Отец одно» (Ин., 10:30))¹.

С этими соображениями Аверинцева можно согласиться. Во-первых, древневосточная идеология обожествления царской власти в трансформированном варианте, о которой говорит Аверинцев, действительно имеет отношение к идее мессии, на которой основывается христианство. Но слова Христа «Я и Отец одно» вообще сказаны по другому поводу. Царь, конечно, мог восприниматься в меру того, насколько его власть есть власть господина, но даже такой царь далеко не всегда является спасителем. Нередко

¹ См.: Аверинцев С.С. София—Логос: Словарь. Киев. 2006. С. 389.

царя считали спасителем и даже могли мифологизировать его, что мы находим в истории многих народов. Между тем и мифологизированный, даже обожествленный царь еще далеко не спаситель в духовном понимании, если у него нет особой программы именно спасения.

Потребность в мессии обусловлена не структурой иудаизма, требующей от своего народа верности и особой святости, недостижимых без вождя и проводника, без вмешательства сверхчеловечески сильного целителя. Не один только иудаизм требовал от своих последователей беспрекословной верности и особой «святости», были другие религии, которые тоже предъявляли своим последователям аналогичные требования. Однако именно в недрах иудаизма возникла непреодолимая потребность в спасителе. Это исключительно важное обстоятельство требует объяснения. Суровость и строгость иудаизма определялись суровыми условиями жизни еврейского народа, которому постоянно приходилось обороняться от врагов. Особенности религии, ее требовательность стали гарантией сохранности этого народа, притом едва ли не самой главной, защищая его от растворения среди других этносов.

Однако Яхве, как уже отмечалось, был слишком суров, часто жесток и несправедлив, о чем более чем красноречиво повествует, например, Книга Иова. Поэтому требовалась новая идеология и мораль, более четкое, чем в иудаизме, обещание жизни после жизни. Все это давал мессия Христос — и новую мораль, основанную на любви и прощении, и вечную жизнь после смерти. То, что ему приписывалось происхождение от династии Давида, отнюдь не свидетельствует о том, что в его лице возвратился Давид, который олицетворял для израильтян годы процветания их страны. Но все равно как-то связывать с ним мессию было весьма «выгодно» для последнего, учитывая авторитет этого царя у еврейского народа. Версия о царском происхождении Иисуса (предположение об этом в мифологии резко противоречит версии о его вифлеемских родителях) вполне в духе древнего мифотворчества: древний человек своих самых значимых персонажей часто ставил на высокий царский пьедестал, поскольку великие дела могли творить те, кого само рождение поднимало над массой.

Между тем в Ветхом Завете и в неканонических мифологических сочинениях можно обнаружить множество сведений, что времена всеобщего блаженства наступят обязательно, что придет сверхчеловек, который принесет людям счастье, покой и вечную жизнь, избавит их от грехов и заблуждений. Это дает основание думать, что идея спасителя была разлита в воздухе за много лет до появления бродячего проповедника Иешуа.

Итак, мессия в христианстве нужен был потому, что Яхве был слишком суров, слишком требователен, даже жесток и несправедлив. Иисус с его проповедью любви, доброты и милосердия тем самым провозглашал новую мораль. Правда, ее придерживались лишь первые христиане, во все последующие века даже сама церковь не проявляла ни любви, ни доброты, ни милосердия. Доктрины мессии не смогли преодолеть извечную человеческую природу.

Вообще в древнеримском многобожном мире искание, даже жажда нового божества были весьма актуальны. В этих поисках теплилась надежда не только на улучшение собственного положения, своей жизни, но и на решение исконных вопросов, которые тогда возлагались только на религию, вопросов о том, кто создатель мира, вселенной, человека, его ответственности и т.д. Ответы на эти вопросы дало христианство, предложив для этого еще одну из своих составных частей — иудаистскую Тору и другие книги Ветхого Завета, одновременно провозгласив новую этику Христа.

Иудаистские предания и мифы, принадлежавшие одному небольшому по численности народу, стали всемирным достоянием, хотя ранее они были известны в греческом переводе (так называемой Септуагинте), осуществленном иудейскими учеными Александрии. Как часть христианской религии Ветхий Завет был принят, таким образом, многими народами.

Богоискание было активностью толпы, поисками ответов на вечные вопросы, и формированием нового отношения к человеку на ранних этапах занимались, прежде всего, наиболее пытливые ее представители. Мистическое брожение на заре христианства было заключено в рамки общественного и индивидуального бытия, соответствующая тому уровню интеллектуального развития, которое к тому времени было достигнуто. Знаменательно, что новый бог — Иисус Христос — был наполовину человеком и жил среди людей, тем самым максимально приближаясь к ним и понимая их потребности и интересы. На него поэтому можно было возложить надежды, что нельзя было сделать в отношении бога-творца — абстрактного, грозного, иногда жестокого и даже свирепого.

Названные потребности Ю. Николаев называл мистическими, отмечая, что

веяние мистики проносилось по всему древнему миру, пробуждая в толпе религиозный инстинкт вместо грубого суеверия, в просвещенных умах религиозное сознание и потребность трансцендентального созерцания... Никогда человеческая жизнь не слагалась в такие благоприятные условия для общего синтеза. Римская империя давала внешний мир, необходимый для расцвета духовных потребностей¹.

¹ Николаев Ю. Указ. соч. С. 13.

На самом деле мистика не так уже далека от суеверий, а и то и другое весьма характерны для толпы, собственно, она и создает необходимые условия для их существования.

Действительно, веяние мистики пронеслось по всему древнему миру, пробуждая в толпе религиозный инстинкт вместо грубого суеверия. Религия, несомненно, — более высокий уровень веры в потусторонние силы, чем грубая мистика и суеверия. Хотя следует признать, что даже при господстве христианства сохранились и мистика, и суеверия. Римская империя действительно была веротерпима. Но в ее границах были народы, которые чувствовали себя глубоко несчастными — к ним принадлежали и евреи. У них был суровый и грозный бог Яхве, а они на фоне всех своих несчастий желали более доброго и любящего.

В аспекте познания причин возникновения христианства весьма важно мнение Э. Фромма.

Как пишет Фромм, оно выросло как значительное историческое мессианско-революционное движение в среде бедных, необразованных, революционных масс. Подобно проповеди Иоанна Крестителя, христианская доктрина была обращена не к образованным людям и обладателям собственности, а к бедным, угнетенным и страдающим. В основе раннехристианского учения была проповедь Иисуса о близком эсхатологическом наступлении божьего царства. Деятельность Иисуса была представлена им началом этого царства, которое близко, но никто не знает начало его. Это давалось сверхъестественными отношениями с богом, что нашло свое выражение в раннехристианских политических выступлениях и мессианских фантазиях. Последнее выразилось в раннехристианской вере в миссию Иисуса и его связь с богом¹.

Фромм напоминает, что, возможно, ранее существовали и другие еврейские эзотерические традиции умирающего бога или умирающего мессии, но все они не могут объяснить то огромное воздействие, которое учение о распятом спасителе оказало на евреев и другие народы. В раннем христианстве Иисус был человеком, возвеличенным до бога после своей смерти, который вскоре должен был вернуться, чтобы совершить суд, сделать счастливыми тех, кто страдал, и наказать правителей. Страдающий народ чрезвычайно очаровывало христианское благовестие, позволявшее им найти в мире фантазии все то, в чем им отказывала действительность².

Христианская фантазия несла удовлетворение надеждам на лучшее будущее и на отмщение. Но можно идти еще дальше и говорить о ненависти к тому, кто установил столь жестокие и неспра-

¹ См.: Фромм Э. Догмат о Христе. М., 1998. С. 40—48.

² См.: Там же. С. 49.

ведливые порядки — и это был их «старый» бог. Но на него они не смели роптать, а поэтому свой протест выразили через сотворение спасителя и, чтобы не отрываться от древних и, как им казалось, прочнейших корней, сделали его отцом Иисуса. Последний был им близок тем, что тоже, как и они, страдал.

Распятьх и страдающих на кресте и до Иисуса было более чем достаточно, но его именно воспринимали как самих себя, ибо он позволял христианам в фантазиях довольствие и счастье, отмщение и потустороннюю жизнь. Фромм обоснованно считает, что здесь получило скрытое, бессознательное отображение желания смерти Яхве с передачей его властных полномочий сыну. Поскольку же верующие в Христа идентифицировали себя с распятым, они тем самым искупали свое греховное отношение к его отцу. Происходило замещение Яхве путем идентификации со страдающим Христом¹. Естественно, что удовлетворение насущных потребностей в религиозных фантазиях было необходимо не только еврейским неимущим массам, но и низам во всем средиземноморском мире.

Но постепенно эсхатологическая идея отодвинулась, о ней забыли уже к началу IV в. н.э., постепенно ослабели и этические требования. К началу инквизиции они вообще исчезли. Между Яхве и Иисусом установились отношения гармонии; массы, толпа идентифицировали себя с распятым Богом уже не для того, чтобы сместить отца в фантазии, а чтобы, слив их воедино, возрадоваться их любви и милости.

Я думаю, что Иисус с его проповедями любви, смирения и милосердия был очень близок, причем на бессознательном уровне, первым христианам еще и потому, что наглядно олицетворял в себе их раннее детство, которое осталось в их памяти как время любви, заботы и попечения со стороны родителей, как бы бедны они ни были. Учение Иисуса зримо напоминало людям то счастливое время. Полагаю, что этот же фактор привлекал к христианству в первые годы его распространения людей и вполне обеспеченных, но с большими проблемами в жизни и несчастьями. Преподобный злой бог-отец постепенно преобразовался в доброго и милосердного, в первую очередь потому, что принес в жертву своего сына ради людей. Все они находили в нем утешение и покой. Культ Марии, Богородицы, которая стала центральной сакральной фигурой Средневековья, подтверждает мои слова.

Христос стал чем-то вроде маленького ребенка на коленях этой Великой Матери, а постоянное изображение на иконах именно этого сюжета как раз и говорит о фемининном восприятии спасителя и всего, что связано с его появлением и верой в

¹ См.: Фромм Э. Догмат о Христе. С. 50—51.

него. Христианская Великая Мать постепенно стала отделяться от культов Яхве и Христа и сближаться с многочисленными культами богини во многих других религиях. Здесь дело не столько в психоаналитическом подходе, продемонстрированном Ш. Радо в его мыслях о страхе перед голодной смертью и оральной удовлетворении. В те годы люди уже не так, как прежде, боялись голодной смерти, а поэтому кормящая Мадонна стала символом могущественной религии, кормящей народ. Она дарует прощение, заботу и попечение, как та конкретная женщина — мама, которая вскормила данного человека. Но младенец во всех случаях символизирует пассивный элемент, и поэтому люди призывались к пассивной, инфантильной реакции на жизнь. Однако не на всех иконах мы видим только сосущего младенца, очень часто Иисус изображался уже сравнительно большим мальчиком на коленях у матери.

В контексте предпринятого здесь исследования о мессии для нас неважно, кем его считали первые христиане. Как, например, Арий, который учил, что бог единствен, рядом с ним нет другого, что его сын не был независимым существом, принципиально отличающимся от Яхве. Христос, по мнению Ария, не был истинным богом и обладал божественными качествами только как приобретенными и только отчасти. И он не был вечен, а знания его не были совершенными. Следовательно, он не имел права на ту же славу, что и бог-творец. На Никейском соборе в 325 г. Арий и его учение были осуждены, а сам Арий был отлучен от церкви.

Были и другие религиозные учения, отрицавшие официальное учение о Христе. Для нас здесь неважно, какими качествами его наделяла церковь, а главным является только то, что в мессии была общественная потребность, облеченная в религиозные формы, и эта потребность была удовлетворена. То, что догмат о Христе постоянно развивался, не меняет сути — мессия остался мессией. Бог Отец остался у христиан в пассивной позиции.

По причине, названной выше, нас не должна интересовать проблема историчности Иисуса, хотя я думаю, что он действительно существовал. Как уже отмечалось, это был бродячий проповедник, очень талантливый, фанатичный бунтовщик (это отмечал и Каутский), умеющий убеждать слушателей, но их было немного, судя по тому, что толпа (а это уже большая группа людей) требовала распять его.

Разумеется, вопрос об историчности Христа очень важен, но не стоит его преувеличивать, как это делал А. Швейцер, утверждавший, что история критического изучения жизни Иисуса имеет более высокую внутреннюю ценность, чем история исследования

древнего учения. С этим трудно согласиться, если учитывать, что понять Христа и христианство невозможно без познания древних учений, которые им предшествовали. Швейцер считал, что Христос правил миром не только во благо, но и на погибель, что он разрушил мир, в котором родился, и он же уничтожает истину и добро, которые его дух создал в нас¹. Непонятно, что означает утверждение христианина Швейцера, что мессия уничтожает истину и добро, которые его дух создал в нас; скорее всего, здесь имеется в виду присущее христианству внутреннее противоречие. Но нельзя согласиться с тем, что он правил миром на погибель — христианство открыло новую эпоху в западной цивилизации. Это была эпоха вперед.

Вопрос об историчности Христа очень интересен, но не столь важен потому, что, был ли он «живым» человеком, или это целиком сотворенная легенда, богом он стал исключительно благодаря тому, что в реальности существовавший человек был мифологизирован или миф был сформирован только на объединенном образе давно ожидаемого спасителя (мессии). В том и другом случае главная роль здесь должна быть отведена мифу, давшему миру спасителя, в котором он, этот мир, остро нуждался. Я полагаю, что Иисус реально существовал и это был очень активный, фанатически убежденный, харизматичный оратор и организатор.

Швейцер неверно полагал, что раннее христианство проявляло полное безразличие к жизни исторического Иисуса. В тот, ранний, период историческая подлинность мессии была христианству нужна и как пример для подражания, и как возможность воскресения из мертвых конкретного человека, что убеждало в божественной сущности этого человека. Поэтому не следует соглашаться с позицией Швейцера, что апостол Павел якобы не хотел ничего знать о Христе после его телесной смерти. Послания Павла говорят об обратном.

О жизни Иисуса написаны тысячи работ, в подавляющем своем большинстве это теологические труды, тот Христос, который предстает нам с этих страниц, для нас важнее всего, ибо это *всегда мессия*, провозвестник нового исторического времени.

Причина нашего совсем не полного представления об Иисусе, как считает Швейцер, лежит в природе источников о его жизни. Эти источники содержат только сведения о его служении людям. Но, по-моему, Швейцер зря сокрушается по этому поводу, так как ничто так не раскрывает личность, как то дело, за которое она борется. Если смотреть на вопрос о реальности Христа с изложенной точки зрения, пусть даже в процессе мифологизации ему

¹ См.: Швейцер А. Вопрос об историчности Иисуса. Религиоведение: Хрестоматия. М., 2000. С. 323. Об историчности Христа см.: Крывелев И.А. История религий. М., 1988. Т. I. С. 38—43.

было приписано очень много, чего не было в действительной жизни, его дела, его служение людям говорят чрезвычайно много о нем, о его личности.

Нас не должно смущать, что Иисус нигде не называет себя прямо мессией, однако все, что он делает и говорит, его проповеди и поучения, его утверждения, что он излагает новое учение, имеющие исключительное значение для людей и общества в целом, его слова о новой духовности, несомненно, свидетельствуют об этом. Он знает о своей особой миссии на земле, о своем чрезвычайном назначении, т.е. о том, что потом будет названо мессианством.

Мессию люди воспринимают как посланного им вестника из бесконечной неведомости, в которую обычно погружался бог; речи миссии не похожи на речи других, даже выдающихся людей. Мессия вовсе не задумывается над тем, искренен он или нет, это вопрос перед ним просто не возникает. Он не говорит ходячих фраз, его суждения новы, неожиданны, весомы и в то же время чрезвычайно актуальны; в его словах люди слышат само дыхание бога, истории или судьбы, ибо он говорит только о самом главном. Такие люди как-то незаметно и исподволь создают представление о себе, хотя и как о вполне земных, но в то же время и не от мира сего. Спаситель не бывает неестественным, фальшивым и суетным, а тем более материально корыстным, поскольку весть, которую он несет миру, имеет неземное происхождение и всегда содержит в себе прежде всего духовные ценности.

Между тем появление миссии, а появление означает признание, возможно тогда, когда он необходим людям, которые ждут его прихода, т.е. имеется потребность в его слове, которое должно определить, как им жить дальше и куда следовать. Они сами не знают этого, а он не сомневается в том, что это как раз ему известно, причем он не колеблется в своем знании, не ставит вопроса перед собой, прав он или нет. То, что можно было бы считать заблуждением или ошибкой, у него никогда не вызывало ни тени сомнений.

Точно так же главарь толпы возникнет тогда, когда появится потребность в нем. В противном случае это будет пустой болтун, презираемый даже близкими людьми.

Образ Иисуса был не литературным воплощением идеи героя, а именно идеи миссии, а его признание и исключительная привлекательность для самых широких слоев общества обусловлены острой потребностью в спасителе. Но не случайно христианство зародилось и начало свое распространение в еврейской диаспоре греческого мира — здесь не было того давления иудаизма, которое имело место в Израиле, где, вполне возможно, не потерпели бы нового учения, столь резко противоречащего господствующей там религии.

Отличительная черта мессии: он не сомневается в своей правоте, а поэтому в ней не должны сомневаться и другие, его слова продиктованы высшими силами, которые, конечно, не могут ошибаться, либо его неистребимой уверенностью в собственной мудрости, в глубочайшем знании жизни и всех сил, которые им движут. Последние обстоятельства особенно характерны для таких разновидностей архетипической фигуры мессии, как политические лидеры типа Гитлера или Ленина. Такие лидеры-спасители, как правило, фанатичны и убеждены, что призваны дать стране (обществу), группе новое ускорение, новые направления, новые ценности, бесценные идеи. Такие фигуры могут быть нарциссичными.

Иисус — типичный козел отпущения, и фигура спасителя, нетрадиционная для иудаизма, именно в таком виде описана в Книге Исаяи. Позже сами христиане, и среди них Иоанн Предтеча, назвали Иисуса Агнцем Божиим, имея в виду не только его кроткий нрав, но и то, что ягненок приносился евреями в жертву богу за их грехи. Но тем не менее Иисус все-таки козел отпущения, умерший на кресте за прегрешения и ошибки человечества, т.е. взявший их на себя. Иначе понять это невозможно: он взял их на себя и умер на кресте, чтобы с его смертью они закончились. К сожалению, это не удалось сделать, хотя эта деталь — возложение на себя чужих грехов — весьма красочно дополняет архетип спасителя.

Само завещание Иисуса, чтобы его последователи ели хлеб и пили вино как его плоть и кровь, есть не что иное, как воскрешение в новой форме древнейшего обычая поедания живого бога. Это, по представлению первобытных людей, передает им от этого бога его силу, мудрость, значимость и другие, весьма ценимые качества. Таким образом, образ Христа включает в себя и подобные древние компоненты.

Евреи, ставшие в древности христианами, сделали выбор, который не мог им показаться неверным. Этот выбор делал неудовлетворенный жизнью человек, но такой человек был человеком толпы, и он не мог быть свободным от влияния ближайшего социального окружения. Вооруженный новой верой, такой человек мог убедить себя, что он достиг истины и взял свою жизнь в собственные руки. С верой в Христа он способен не только уверовать в то, что стоит жить, но и что стоит умереть.

У. Джеймс писал, что есть люди, всей душой верящие в бессмертие, и такие, которым трудно представить себе, чтобы это понятие могло быть реальным. Последние связаны своими чувствами и ограничены своим опытом; кроме того, некоторые из них в силу своего рода интеллектуальной честности так «преданы» фактам, что их прямо шокируют свободные экскурсии в область невидимого,

предпринимаемые другими людьми исключительно ради удовлетворения чувства¹. Надо полагать, что среди первых христиан, людей толпы, некритических и необразованных, было очень мало таких, кого шокировали свободные экскурсии в область невидимого.

1.3. Посредник между богом-творцом и людьми и искупитель

Ожидание прихода того, кто принесет спасение от земных бедствий и, возможно, обещает жизнь после жизни, несло в себе мощный заряд чувств, грозивший со временем взорвать всю существующую систему духовных и религиозных ценностей. Но пришествие спасителя первоначально определялось устройством, прежде всего, земной жизни, идея об обеспечении им бессмертия появилась позже. Еврейский народ, в греческой диаспоре которого зародилось и стало развиваться христианство, был, вероятно, не более несчастным народом, чем некоторые другие, в которых, однако, подобная идея не сформировалась с такой силой и совершенством. Но евреи, находившиеся под жестким покровительством Яхве, более остро и болезненно, как можно предполагать, чувствовали все несправедливости, выпавшие на их земную долю. К тому же этот народ с его строгим монотеизмом и ритуальными и культурными особенностями находился в определенной социальной и, главное, психологической изоляции по сравнению с другими народами.

Суровый монотеизм иудаизма во многом предопределил то, что христианство появилось среди иудеев, но вне Израиля. Однако идеи спасения и особенно новой морали были столь востребованы в средиземноморском мире, что получили небывалое распространение сначала в этом регионе, а затем во всем мире. В эмиграции призвание Христа как глашатая и открывателя желанного мессианского царства приобрело первостепенное значение и стало выступать как имя нового божества.

Христос стал как бы посредником между Яхве и людьми (людским миром). Христиане не забывают о боге-творце, но в первую очередь поклоняются Христу и верят в него. Именно он смягчает их тяжкую участь, сеет добро и милосердие, любовь и прощение в отличие от своего сурового отца, слишком жестокого, порой жестокого и даже несправедливого. Людям кажется, что Христос смягчает удары, даже нейтрализует бога-творца и защищает их.

Мысль о посреднике в религиозной философии не нова. Так, Владимир Соловьев развил учение о Мировой Душе как посреднице

¹ См.: Джеймс У. Воля к вере. М., 1997. С. 33.

между богом и тварью. В своем идеальном аспекте эта Душа, по Соловьеву, является святой Софией, премудростью божьей, — началом, соединяющим мир с его творцом. Н.О. Лосский вносит в эту мысль существенную поправку, полагая, что Мировая Душа способна наводить на недоразумение, поскольку соотносительна с телом. Поэтому он вводит другое высшее посредническое начало — «царство Духа». Одним словом, этим теологам хотелось бы видеть некое единство мира, но эта их структура носит чисто мифологический характер. То, что люди видят в Христе посредника между богом-отцом и людьми, является психологическим, в этом качестве он дан им в их ощущениях.

Достоинство отдельного рассмотрения то обстоятельство, что Христос не был «полным» богом, его матерью была вполне земная женщина, хотя и максимально мифологизированная, что не должно вызывать никакого удивления. То, что Христос был сыном Яхве, понятно: еврейская диаспора не порывала и не могла порывать связи со своим исконным божеством, но все-таки не до конца доверяла небесным властелинам, дав новому богу смертную мать. Новый бог был наполовину человеком, что вызвало в христианстве острые диспуты. Возможно, в этом кроется первый, пусть и очень робкий, шаг к безбожию. В связи с этим вспомним, что у Яхве в отличие от греческих и египетских богов не было божественной супруги. Ведь христианское мифотворчество могло пойти и по другому пути: на землю сошел бы «просто» сын божий, не было никакой необходимости создавать миф о его матери, беспорочном зачатии и т.д. Но конечно, богоматерь еще нужна была для укрепления новых моральных начал — любви, прощения, заботы. Те же моральные начала нес не бог, а человек-полубог. Можно сказать, что Мария активно помогала Иисусу.

Чтобы стать мессией, не всегда достаточно, а иногда и недопустимо объявлять себя таковым, хотя многие и становятся на этот ложный путь. Необходимо, чтобы им признавали бы данного человека другие, а не просто он стал называть себя так — они должны в него поверить. Однако вполне возможно, что человек, сам провозгласивший себя мессией, своим фанатизмом и упорством, преданностью идее, организаторскими способностями и умением воздействовать на других заставляет их поверить в свое особое предназначение. Иными словами, он должен быть исключительным человеком. У него не могут не быть еще и такие качества, как ораторские, провидческие и лидерские способности, умение создать и предложить свою программу действий, свое особое видение мира и решения его насущных проблем, свою идею, способную объединить людей и повести за собой. Всем этим обладал Иисус, реальный и мифологический.

Многими из перечисленных качеств обладают не только мессии, но и другие лидеры, а если брать духовную жизнь, то в первую очередь пророки. Поэтому весьма важной научной задачей является типологизация духовных лидеров, с тем чтобы четко выделить именно мессий в качестве объектов научного познания. Для этого потребуются раскрыть все их отличительные особенности, функции и значение, показать, почему люди всегда так жаждали их появления и были так преданы им. Такая задача представляется весьма актуальной, поскольку мессии с древних времен могут руководить и огромными людскими массами, и небольшими группами, их ждут, их жаждут, подчас подспудно и бессознательно, им страстно и безоглядно верят, даже несмотря на иногда очевидную абсурдность провозглашаемых ими истин. Они могут существенно влиять на историю, жизнь и судьбы людей, как, например, Мухаммад или Маркс с Лениным.

Понятие мессии разное в разных культурах, что особенно заметно при сопоставлении соответствующих представлений в иудаизме и христианстве. Иудаизм не создал развернутой доктрины мессии и мессианства, хотя в Ветхом Завете говорится о помазаннике (1 Цар., 12:5, 16:6—12; 2 Цар., 19:21; Пс., 17:51, 19:7 и др.). Это человек, как-то отмеченный богом, особо выделенный им, даже его любимец, но сама идея помазанничества в принципе еще лишена пафоса и общедуховного значения. Ветхозаветное понимание помазанника ближе всего к бытовому, совершенно земным вещам, вроде помазания на царство (например, 1 Цар., 16:1—13) или священничество (Лев., 4:3). Поэтому все помазанники и помазанные — это обычные люди, но отмеченные высшей печатью.

В Ветхом Завете высказана лишь общая идея мессии: «Но Он изъявлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис., 53:5). Нетрудно заметить, что в этом кратком положении чрезвычайно емко и точно выражена идея, которая знаменует собой предварительный этап генезиса архетипа. Эта идея затем стала основой христианского вероучения. В этих же словах уже предвосхищается идея посредничества мессии между высшими силами и людьми. Слова «изъявления за грехи наши» прямо говорят о том, что он готов их искупить.

Помазание — несомненный знак близости к божеству, и это очень древняя идея, в общем виде зафиксированная в Ветхом Завете, а затем тщательно и всесторонне разработанная в христианстве. Древний человек верил, что помазанный обладает магическими или сверхъестественными способностями, с помощью которых божественные силы смогут оплодотворять землю, скот, защищать от врагов,

отводить беду, исцелять от болезней и даже, как Христос, оживлять людей. Такими способностями в первую очередь наделялись вожди и монархи, а также все те, которые могли устанавливать связь с поусторонним миром. Напротив, голод, бесплодие, неурожай, эпидемии, плохой улов рыбы свидетельствовали о том, что вождь, монарх или племенной (родовой) колдун плох, иными словами, он утратил силы или лишился милости божества и его расположения либо вообще не обладал ими. Таким образом, вера в помазание была весьма выгодной для людей. Думается, что эта вера появилась позже убежденности дикаря в том, что нет пределов его власти над природой, что он обладает сверхъестественными возможностями и может заставить высшие силы служить ему. Только потом, с развитием познания и желания понять этот мир, он стал видеть его безграничность и бесконечную сложность, а также свою естественную слабость перед ней. Соответственно существа, которые управляют столь огромной природой, представляются ему гигантами.

Прежнее наивное ощущение равноправия с высшими существами, свойственное греческой религии, в иудаизме полностью исчезает, но вполне естественна и логична попытка установления с ними связи, желательна тесной и постоянной. Одной из форм такой связи на названном, более позднем, этапе стало помазание, в связи с чем Иисус начинает выступать в роли посредника между богом-творцом и людьми.

Ученики и последователи Христа вступали в ожесточенные споры о том, как он относился к тому или иному явлению, как отвечал на тот или иной вопрос. Сам образ Христа перестал быть осязаемой реальностью, вокруг его духовного наследия началась борьба идей, понятий, комментариев, что положило *начало христианской теологии*. Проповеди христианства не способствовала проповедь иудейского монотеизма, поскольку христианство складывалось как политеизм, поскольку деу Марию тоже, по существу, считали богиней и еще прибавили Святой Дух. Но конечно, в первом лепете христианства ясного представления о новом божестве еще не было. Но постепенно Яхве становился далеким строгим судьей, внушавшим страх, а не любовь. Однако он не исчез, но между ним и бескрайним простором человеческой жизни стал некто, чье учение о совершенстве любви не могло не найти горячего сочувствия в человеческих душах.

Можно, конечно, считать, что мир воспринял христианство как наследие древних мистерий и открылся властному призыву к экстазу и всеобщему крещению духом. Но это было стоянием лишь немногих посвященных, но не массы, толпы. Залогом успеха христианской проповеди было не только обещание посмертного воздаяния:

многие древние религии учили о загробном существовании и справедливом воздаянии и возмездии в иной жизни. Эта идея всегда была жива в человечестве, всегда была ярко выражена в различных религиозных системах. Такой она была и в иудаизме. Не только надежда на будущую загробную жизнь обеспечила успех христианству, хотя это и было чрезвычайно важно. Можно даже сказать, что без этого новая религия просто не состоялась бы или осталась бы недолговечной мистической сектой.

Следовательно, главная причина успеха христианства состояла не только в этом. Поскольку основой учения Христа было утверждение любви, милосердия и прощения, торжества бедности и бедных, это означало наряду с загробным благополучием и не менее важное другое — добрую, счастливую жизнь еще до смерти, здесь, на земле, а поэтому человеческое существование приобретало радостный смысл. Вот к этому и устремились люди, в первую очередь люди массы, толпы, не рассуждающие о высших мистических материях, а остро нуждающиеся в простом земном счастье.

Примерно то же самое было и с коммунистическим учением. Толпа воспринимала его просто, без всяких сложностей, как возможность жить лучше. И тех и других ожидало горькое разочарование.

Сама идея мессии противоречит жестокому иудаистскому монотеизму, который совершенно не терпит спасителей рядом с могучим Яхве, который может все и, если нужно, станет и спасителем. В этом смысле иудаизм стоит особняком, поскольку многие другие боги нуждаются в такой фигуре, как Христос, или близкой к нему (например, Ахура-Мазда — в Заратустре, Аллах — в Мухаммаде). При этом интересно, что сама религия обозначается именем не собственно бога, а мессии или проповедника (магометанство, зороастризм, христианство), думается, что такое нельзя считать ничего не значащей случайностью: совершенно очевидно, что мессия (или пророк в исламе — очень близок к мессии) есть способ очеловечивания бога, его максимального приближения к людям. Мифологизированный человек, ставший богом или почитаемый наравне с ним (например, в исламе), становится действительным богом, который в народном сознании почти заслоняет бога-творца, так сказать, главного бога. Данное обстоятельство ставит под сомнение монотеизм не только христианства, но и ислама, тем более что шиитский ислам признает еще Махди.

В мифологии непросто отграничить пророка от мессии. Можно понимать пророка как того, который видит будущее, предсказывает его, объясняет, как сложится мир в перспективе, какие события произойдут и что ожидает человека. Это еще далеко не мессия; мессиями не являются иудаистские пророки Исая, Иеремия или

Наум, но тем не менее пророки в христианстве и исламе выступали в качестве посредников между богами и людьми. Мессией представляется тот, кто не столько предсказывает будущее, причем не просто будущее, а в отличие от пророков эсхатологическое будущее. Мессия, что очень важно, качественно изменяет мир, исправляет его, создает для людей новые порядки и новые духовные перспективы, новую нравственность — спасает их. Для этого он несет им новое учение, но от имени бога. Так поступал Христос, который всегда подчеркивал, что исполняет не собственную волю, а волю пославшего его отца. То же самое делали Мухаммад и Заратустра, к тому же у последнего был еще завершитель миссии — Саошьянт. Его имя представляет собой причастие будущего времени от глагола «спасать», он — эсхатологический спаситель человечества, мессия. Таким образом, в зороастризме тоже есть спаситель.

Христа можно воспринимать как посредника между богом и людьми. Но в самом иудаизме заложена идея о том, что необходим сверхсильный вождь, обладающий высшей мерой святости. В Книге Исаяи содержится пророчество, что «Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (7:14). Это почти мессия, но только, по понятным причинам, «почти», хотя мысль о зачатии девой спасителя полностью повторена и развита, как известно, в христианстве. В той же Книге весьма обстоятельно изложена идея о приходе спасителя и тех коренных изменениях, которые произойдут в связи с этим в жизни людей — по существу это будет совсем иная жизнь. В ней он назван «отраслью от корня Иесеева» (11:1—16). В книге Иезекииля говорится о Давиде, который будет пастырем людей и «князем среди них» (34:23—24).

В апокрифической Книге Еноха («Эфиопский текст») высказывается надежда, что сын человеческий изгонит царей с их престолов и из их царств, «ибо они не превозносят Его и не признают с благодарностью, откуда досталась им царство. И лицо сильных Он отвергнет, и краска стыда покроет их... Он будет жезлом для праведных и святых, чтобы они оперлись на Него и не падали; и Он будет светом народов и чаянием тех, которые опечалены в своем сердце».

В целом можно констатировать, что и в ветхозаветных книгах, и в Книге Еноха содержится страстная мольба о приходе миссии, мольба народа, который «опечален в сердце своем». Его страдания достигли крайних пределов, он больше не в состоянии терпеть несправедливости и угнетение, более того, он совсем не согласен с тем, как сейчас в целом устроен мир, и требует его коренного преобразования. Это по существу революционные требования в религиозной оболочке, вне ее в те годы их существование было невысказано.

По-видимому, именно по этой причине «Господь духов» в Книге Еноха обещает послать своего «Избранного» жить между людьми

и преобразовать небо «для вечного благословения и света». Он намерен изменить и землю, приготовив ее для благословения, «грех же и преступления исчезнут на ней».

Можно полагать, что фигура спасителя одним из своих источников имела мифологического царя — божественного вождя, который, согласно Д.Д. Фрезеру, имел значительное распространение в идеологии самых древних первобытных народов и нашел затем широкое признание, в частности, в религиях Ближнего Востока. Божественность царя в ту эпоху стала едва ли не главной догмой государственной идеологии и основой государственного устройства. Этот его статус постепенно трансформировался в идею мессии, и не случайно Христа называли «Царь иудейский». Но эволюцию отношений «божественный царь, мессия» не следует понимать таким образом, что подобный царь полностью растворился в мессии и исчез, хотя во многих царях одновременно видели и мессию. В мифологии царя можно выделить две суммы представлений, по существу встречающихся и часто сливающихся, — царь как бог и бог как царь. По-видимому, первая из них более простая, поскольку образ царя как бога в немалой степени слагается в результате усилий самого царя ради укрепления своей власти. Вторая ярко представлена, например, в древнегреческой религии и иудаизме, когда бог непосредственно руководит народом или через угодных ему правителей.

Бог может быть психологической компенсацией для народов, не владеющих обширными и богатыми территориями, не могущих похвастаться победами в грандиозных битвах. Бог, а ведь это только их бог, в этом случае, напротив, велик, могуч и грозен. Он способен уничтожить всех врагов этого народа, а значит, его люди могут быть уверены в себе и своей судьбе, более того, они способны на самые большие подвиги. Вера в подобного бога делает народ сильным в первую очередь по той причине, что все его члены сплываются под знаменем своего всемогущего небесного владыки. Выход из такой религии может сделать человека слабым и уязвимым для врагов, не защищенным в жизни вообще.

Идея мессии в лице земного персонажа, естественно весьма мифологизированного, нашла выражение и в том, что спасителей стали видеть в царях и иных монархах, убитых или ушедших из жизни при невыясненных обстоятельствах, чем-то прославившихся или (и) что-то сделавших для своей страны. Они наделяются сверхъестественными способностями, и от них ждут обновления, освобождения, справедливости и т.д. Разумеется, речь идет далеко не о всех монархах, исчезнувших при таинственных обстоятельствах, но толчком к мифологизации становятся именно эти обстоятельства.

Юный португальский король Себастьян пропал без вести в 1580 г. в битве при Алькасаркивире, что, во-первых, привело к утрате Португалией независимости до 1640 г., а во-вторых, способствовало возникновению так называемого себастьянизма — стойкого мессианского мифа о «скрытом короле», с чьим возвращением связывали надежды на новое величие страны, на установление царства счастья и справедливости.

Христос не случайно называл себя «Царем иудейским», хотя и оговаривал, что царство его не от мира сего. Но все-таки обозначал себя так, что должно было бы быть значимо для народа, который ждал спасения именно от царя.

Цари являются излюбленными персонажами легенд и мифов по всему миру. Они же очень часто выступают в роли героев. В царях только потому, что они цари, с древнейших времен видели людей особого рода, некую высшую силу со сверхъестественными особенностями, часто приближенных к богам. Наряду с этим их нередко ненавидели, им завидовали и убивали, само цареубийство обычно становилось проявлением особого отношения к ним. Нередко это делалось для обеспечения народного благополучия.

Как убедительно показал Д.Д. Фрезер, древний обычай предания смерти царьков при появлении у них признаков старения, даже первых морщин и седых волос или иных телесных дефектов, при наступлении сексуальной слабости является следствием убеждения в том, что властители должны обладать особыми, сверхъестественными силами и возможностями. Они есть воплощение божества, их жизнь и душа симпатическими узами связаны с благосостоянием всей страны, в случае заболевания и старения заболит и перестанет размножаться скот, урожай сгниет в полях, а эпидемия унесет людские жизни. Предотвратить эти стихийные бедствия можно, только предав царька смерти, пока тот еще крепок и бодр, чтобы божественный дух, унаследованный им от предков, мог, в свою очередь, перейти к преемнику молодым и здоровым. Кроме того, царьки обладали способностью вызывать желаемые природные явления, например дождь, и отвращать, прекращать нежелаемые, например болезни скота¹.

Во многих цивилизациях царская власть расценивалась как дар неба или богов, а поэтому не могла не быть божественной. Это значительно расширяло возможности монарха: если он так могущественен и близок к богам, то может сделать людей благополучными, избавить от нищеты и страданий, обеспечить справедливость, т.е. исполнять обязанности мессии. Царь становился посредником

¹ См.: Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986. С. 256—258.

между людьми и богами, часто сам, как в Риме, провозглашался богом, а поэтому рассматривался и как творец жизни и плодородия. Смерть монарха нередко воспринималась как национальная катастрофа, особенно если он был деятелен и хоть как-то старался улучшить жизнь людей либо если пропаганда всегда рисовала его как отца народа. Даже в цивилизованных обществах отношение к нему во многих своих аспектах напоминало отношение к царьку в первобытных племенах. Но конечно, не только в монархиях — в XX в. в тоталитарных странах так почитали своих тиранов.

Мессиями становились не только такие духовные лидеры, как Христос или менее значимые, и не только цари. В Новое время человечество столкнулось с таким явлением, как мессии — главы преступных тоталитарных режимов, объявивших, что ими открыты великие истины счастья и благополучия. Их учения носят эсхатологический характер и претендуют на новую нравственность, на совершенно иные смыслы жизни. Они и их учения стремятся занять место религий. К числу таких главарей-псевдомессий нужно отнести Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, которые, в свою очередь, опирались на «открытия» Маркса и Энгельса в судьбах человечества. Они претендовали на то, чтобы быть спасителями всего мира. В этом отношении Гитлер был «скромнее», он хотел спасти только германский народ.

Несмотря на все свои проповеди любви и прощения, Иисус все-таки сохранил в себе черты своего грозного отца, о чем свидетельствуют многие его суждения.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф., 10:34—37).

«Не думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех. Отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки совей, и невестка против свекрови своей» (Лк., 12:51—53).

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк., 14:26).

Многие христианские теологи отмечали несомненную для них связь между Адамом и Христом, опираясь, в частности, на слова Павла в его Послании к римлянам: «Ибо, как непослушанием

одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (5:19).

К. Хюбнер считает, что это не допускает никакой другой интерпретации, кроме мифической¹. С.Н. Булгаков прямо называет Иисуса вторым Адамом, который заместил собой «ветхого Адама» и стал «новым Адамом» для всего человечества². Разумеется, Хюбнер прав, связь между ними может быть только умозрительной и мифической (мифологической).

Неверно думать, что, заменив Яхве, точнее, став между ним и людьми, Христос спас их от страданий. Христос, напротив, явился символом страдания для них, символом, которому обязательно надо было следовать. Именно так ставили проблему страданий христиан многие теологи, в частности А. Швейцер. Смерть Христа на кресте носит, как очень давно известно, искупительный характер, т.е. своей смертью он искупил грехи других людей, хотя никто до сих пор не смог доказать или хотя бы показать, как, каким образом смерть одного искупает грехи всех других, да и не очень понятно, что означает искупление в данном случае.

Богочеловек не очень смиренно принимает страдания. Истерзанный, отданный во власть зла и смерти, он умирает, но перед смертью, совсем как обычный смертный, возопил громким голосом: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?» (Мф., 27:46). То, что он приобрел в страданиях, переходит к тем, кто разделяет его страдания, хотя, конечно, люди страдали от века. Его же наиболее фанатичные последователи принимали страдания и смерть с особым удовлетворением, что всегда было типично для фанатиков, преданных особо важным идеям. Страдание на многие века стало безусловным уделом истинно верующих христиан как неотъемлемая часть их культуры, хотя, впрочем, не только истинно верующих, но и христианства вообще.

Е.Н. Трубецкому в отличие от многих других (например, от меня) понятно, почему «человеческое естество Христа, в корне победившее грех, тем самым избавляется и от его последствия — смерти. Но рядом с этим остается пока без ответа вопрос, как и почему мы, люди, не одержавшие этой совершенной победы, спасаемся жертвою одно за всех...». Это, по Трубецкому, вызывает не только глубокое недоумение, но и глубокий негодующий протест. Возмущает, согласно этому автору, вся эта банковская процедура перевода «заслуг» Христа на спасаемых им людей. Совести тут все не только непонятно, но и чуждо: и страдание невиновного за виновных, и «избыток заслуг», и спасение «чужими заслугами». Это пред-

¹ См.: Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 315.

² См.: Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 293.

ставляется нарушением правды¹. Правда, непонятно, почему и после спасения люди остались грешными, сколь ни чист был сам спаситель. Тут Трубецкой говорит слова, которые иному истому христианину могут показаться кощунственными:

...совесть чувствует, что человеческая природа, поврежденная изнутри, в самом своем корне и источнике, может быть и спасена только изнутри, а не внешним актом купли и колдовства, который оставляет нетронутым ее греховный корень.

По поводу грехопадения первых людей в раю Фрезер отмечает следующее. В течение всех трагедии (Адама и Евы. — Ю.А.) наше внимание остается прикованным исключительно к древу познания добра и зла в раю, лишь в последнем акте наш прощальный взгляд на роскошный Эдем различает в нем древо жизни. По-видимому, общепризнанным является мнение, что в рассказ о двух деревьях вкралось позднейшее искажение, а в первоначальной версии древо жизни играло не столь пассивную и чисто декоративную роль. Первоначально существовали два различных предания о грехопадении: в одном фигурировало одно лишь древо познания добра и зла, в другом — древо жизни. Библейский автор довольно неуклюже соединил оба предания, причем одно из них оставил почти без всяких изменений, а второе обкорнал до неузнаваемости. Дело в том, что вся суть истории грехопадения, по-видимому, состоит в попытке объяснить смертную природу человека, показать, откуда явилась смерть на земле. Человеку был предоставлен выбор между жизнью и смертью, и он зависел от него. Древо жизни не было для него недостижимо, ему стоило только протянуть руку, сорвать плод и вкусить от него, чтобы обрести бессмертие. На самом деле, создатель отнюдь не запретил человеку пользоваться древом жизни, он позволил свободно есть плоды от любого дерева, за исключением древа познания добра и зла. Это заставляет предположить, что запретным в действительности было не древо познания добра и зла, а древо смерти (см.: Фрезер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 30—31). Иногда создается впечатление, что русские православные теологи даже не подозревали о том, что, кроме древнего иудаистского мифа о творении и грехопадении человека, существовали и иные мифы и предания о том же, например месопотамские, буддистские, египетские, индуистские и другие. Поэтому отсчет от Адама можно вести лишь в иудаизме и христианстве. Не очень понятно и другое: почему познание добра и зла расценивается как грехопадение. Человек должен отличать добро и зло, иначе он не будет знать, что это такое, и будет творить, например, добро, полагая, что это зло. Логичнее предположить, что незнание разницы между ними и есть грех. Грехопадение, очевидно, в том, что он ослушался бога и вкусил от древа. Кстати, попытка объяснить смертную природу человека содержится во многих древних мифах. Люди той далекой эпохи, как и мы, тоже страстно хотели разгадать тайну смерти и, во всяком случае, продлить *собственную*. Им казалось нелепостью сама смерть, которая могла наступить не иначе как по чьей-то злой воле, несчастливому стечению обстоятельств, несчастному случаю и т.д., но это никак не могло быть законом природы.

¹ См.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 153.

Можно усмотреть в этих последних словах отрицание Трубечкиным важности, исключительности смерти Христа для спасения человечества.

Крест и крест с распятым на нем богочеловеком стали символом страданий, иначе говоря, они персонифицировались на человеке, который принял смерть для спасения людей. Однако даже надежда на обещанную жизнь после жизни и вечное блаженство не смогут заставить человека поверить в желательность и полезность страдания и смерти. Дело здесь не только в том, что их некрофильский культ угрожает исчезновению человеческой жизни. Каждый конкретный индивид в этом аспекте вряд ли думает обо всем роде людском. Его ужасают возможность собственных мучений и неизбежность смерти, и этот страх является общим для всех. Он возник очень давно — тогда, когда некое человекоподобное существо только начало выпрямлять спину и становиться на ноги; он появляется с первого крика ребенка и исчезает лишь у края могилы; он надежно хранится во всех клеточках организма. Но человек научился преодолевать страх смерти путем создания материальных и духовных, в том числе художественных, ценностей, воспитания детей и внуков, преданности радостям жизни. Нерукотворные памятники, воздвигаемые поэтами, художниками, композиторами и др., наряду с эстетической ценностью есть свидетельства торжества над страхом смерти.

В этом же ряду и вера в бога и загробную жизнь, что, однако, должно исключать культ смерти. Настало время перестать воспринимать веру в бога лишь как способ достижения выгод (пусть и чрезвычайно важных) и тем самым очистить религию от корыстных напластований. Она достаточно богата, чтобы не бояться подобной операции.

В христианском гимне страданию и смерти нет ни малейшего намека на неприятие того, что может приводить личность в отчаяние. Напротив, отчаяние становится необходимым условием обращения к богу, полная безысходность может оказаться импульсом к акту веры. Эти положения, высказанные С. Кьеркегором, многократно становились объектом критического анализа, но надо признать, что датский мыслитель выступает здесь как тонкий знаток человеческой психологии: абсолютное отчаяние действительно «выводит» на бога, который может стать единственным утешением, когда тебя окружают враждебные силы, а также в случае страшного личного горя, тяжелой болезни и т.д. Уточним: у человека может даже отсутствовать твердо выраженная вера в бога, он просто надеется на него как на нечто таинственное, непостижимое и трансцендентное,

но всемогущее. В подобной надежде, стимулируемой отчаянием или страхом, заключен порыв к иному бытию, свободному от страданий.

На поставленный вопрос о том, каким образом могло распространяться на других завоеванное в результате страданий Иисусом, ответ может быть дан только на психологическом уровне: никакого иного способа передачи, распространения не существует. Другое дело, что страдание и смерть Иисуса не могут искупить грехи людей (если согласиться с религиозной позицией об их наличии) в принципе. Это не более чем сакральная догма, чрезвычайно устойчивая и не подвергаемая сомнению ни церковью, ни богословием. Мнение о психологических механизмах закрепления и передачи всем последующим поколениям верующих достаточно хорошо известно. Возможно, первые христиане острее сопереживали Христу, скорее всего, по причинам пространственной и временной близости. Подчеркну, что с помощью социально-психологических механизмов передается лишь представление о том, что Иисус своими страданиями искупил так называемые грехи людей, а вовсе не нечто, что якобы является их искуплением. Это искупление, обретая в религиозном сознании статус непререкаемой нормы, обрело автономное существование, оказывая подчас исключительное влияние на другие сакральные атрибуты.

Уместно поставить вопросы: почему вообще возникла потребность в том, чтобы некто, а не сам человек (человечество) искупил грехи? Что такое само искупление?

Постоянный поиск и определение кого-то сверхъестественного, трансцендентного, могущественного и в то же время милосердного, кто поможет в решении самых главных проблем жизни и смерти, а точнее, сделает это сам, — исконная и, по-видимому, неистребимая тенденция человека, доказывающая, что себе он в столь важных делах совсем не доверяет. На это у него, конечно, есть веские основания, смутно предугадываемые или чаще лежащие вне сознания. Личность сначала как бы делегирует божеству (а часто и так называемую вождю) соответствующие права и возможности, причем чрезвычайно широкие, лежащие за пределами человеческих, затем (таким сложнейшим путем) этим божеством совершается то, что представляется совсем непосильным анемичному разуму человека. Грех в религиозном понимании есть не что иное, как способ объяснения несчастий, поэтому нетрудно убедить себя в собственной греховности. Проблема греха и его искупления — это та проблема, которая вызывает особенно острую тревогу, главным образом потому, что без искупления греха, т.е. его снятия, устранения, невозможно обеспечить себе загробное существование.

Искупление и спасение — это почти одно и то же. Искупить грехи людей своей смертью, несмотря на всю невероятность этого, христианское учение сочло вполне возможным. Вообще без цели искупления распятие (казнь) Христа во многом представляется бессмысленным. Но его казнь ради спасения всех людей вполне в духе всего учения. Иисуса многие теологи, в частности русские, называли вторым Адамом, подразумевая тем самым, что он искупал грехи первого Адама. Эту идею очень детально развил апостол Павел в Послании римлянам (5:12—19), и она заняла более чем прочное место в христианстве.

Искупление — это возможно более полное возмещение нанесенного ущерба, прежде всего возмещение нематериальное, духовное, моральное, психологическое, это несение кары, претерпевание таких же или даже больших страданий и мучений, чем были причинены жертве, при полном, конечно, раскаянии в содеянном. Искупление может быть тогда, когда даже сам человек лично в произошедшем не виновен, но по каким-то соображениям высшего порядка берет вину и на себя, чувствует себя ответственным за произошедшее.

Понятие «искупитель» может также использоваться, согласно Библии, в смысле «спаситель». Так, несчастный Иов, замученный Яхве, говорит: «А я знаю, Искупитель мой жив и он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию» (Иов, 19:25).

Но иначе понимает искупление, ссылаясь на апостола Павла, А. Швейцер. Опираясь на послания этого апостола, он пишет, что искупление у него мыслится космологически.

Человеческая природа преобразается, преходящее сменяется непреходящим — потому что весь мир, а с ним и человек переходит из одного состояния в другие. Искупление, которое переживает верующий, не есть поэтому событие, разыгрывающееся обособленно: между верующим, Богом и Христом, но — мировой процесс, к которому он становится причастен. Не приняв в расчет космическую обусловленность первохристианского представления об искуплении, невозможно составить правильное понятие об искуплении, невозможно составить правильное понятие о раннехристианской религиозности¹.

Между тем тексты посланий апостола Павла не дают оснований считать искуплением нечто, что совершается на космическом уровне, хотя, конечно, апостол и говорит в своих посланиях о действиях,

¹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 277.

которые должны быть совершены христианами на небесах. Разумеется, христианин верит, что мессия берет на себя искупительное страдание, которое должен претерпеть человек, чтобы получить прощение за свои грехи. Этот вывод вырастает из общей оценки страдания как искупления и очищения. Но, как хорошо известно, со времен мученической гибели Иисуса человечество отнюдь не стало чище, хотя страдало слишком часто. Очищение же через страдание было известно еще древним греками, уверен, не только им. Люди всегда верили в очистительную силу страдания, поэтому их мифология заставила спасителя принять мученическую смерть на кресте. Но мифология забывает, что он страдал совсем как человек, а не бог; впрочем, достаточно сомнительно, чтобы бог страдал.

Иисус понимается в христианстве как спаситель от первородного греха, но не только первородного, а вообще всех грехов, всей греховности человеческого рода. Иисус — бог уже потому, что только кровь бога может спасти такое человечество. То, что мессия умирает, доказывало, что он человек или «дитя человеческое», он страшился смерти, страдал и умирал совсем как обычный смертный. Но нужно было, чтобы этот «обычный смертный» воскрес, что давало надежду другим людям на воскресение. В то же время он воскрес и как бог, вписываясь в известный архетип воскрешающего бога.

Мессия как архетип

Мессия — спаситель — один из главных архетипических образов. Собственно, идея бога во многом, хотя и не полностью, есть идея спасения и помощи. Поэтому она могла появиться уже в первобытном обществе. Существенные черты спасителя имеет древнеегипетский Осирис, который, подобно Христу, был изувечен силами зла и претерпел смерть, но восстал из мертвых, сделавшись царем подземного мира, который во всех религиях занимает одно из первых мест в учениях. Для древних египтян загробное существование имело огромное значение, в связи с чем спасительные возможности Осириса существенного расширялись. Вот почему Осириса можно отнести к первым спасителям.

Как справедливо отмечается в «Мифах народов мира» (М., 1992. Т. II), в Ветхом Завете нет разработанной, более или менее однозначно интерпретируемой и обязательной в такой интерпретации доктрины о мессии. Идея о нем кажется стоящей в противоречии с пафосом ветхозаветного монотеизма, не допускающего никаких «спасителей» рядом с Яхве и не благоприятствующего представлению о каком-либо посреднике между Яхве и его народом. Слово «мессия» имеет в Ветхом Завете хотя и сакральный, но совершенно бытовой смысл, будучи прилагательно к царям Израиля и Иудеи, первосвященникам, или даже языческому царю Киру II как провиденциальному орудию Яхве. Сама идея мессии стоит в противоречии с ветхозаветным монотеизмом, не допускающим никаких «спасителей» рядом с Яхве. Исходя из этого в образе мессии пришлось бы увидеть наносное заимствование из какого-то чуждого круга мифологии, типологическую параллель эпическим фигурам героев-спасителей. Но тогда непонятно, почему учение о мессии не только заняло со временем очень заметное место в иудаизме, но и оказалось абсолютным центром христианских представлений.

Есть основания утверждать, что эта идея заложена в самой структуре, самом содержании религии Яхве, требующего от своего народа беспрекословной верности и особой святости на его историческом пути, недостижимых без вождя и проводника, без вмешательства сверхчеловечески сильного целителя, который обладал бы высшей мерой святости, т.е. мессии.

Мессия до христианства мыслится как восстановитель своего народа, усмиритель его врагов, объединитель разделившихся Иудейского и Израильского царств, установитель всечеловеческого примирения, что распространяется и на мир природы. Все эти утверждения взяты из Ветхого Завета и к собственно христианской доктрине не имеют отношения, их или подобных им утверждений в новозаветных текстах невозможно найти. Вопреки этим словам из «Мифов народов мира» на самом деле Ветхий Завет как бы готовит почву для прихода мессии, выражая тем самым недовольство существующими порядками; поэтому показывается его необходимость, в том числе для того, чтобы дать новую надежду. Однако все это делается очень осторожно и чаще всего связано с Яхве, тем самым подчеркивается, что мессия не противоречит ему, а продолжит его дело. Та же самая мысль звучит и в устах Христа.

В мистико-апокалиптической литературе мессия приобрел статус некоего трансцендентного существа в не очень ясном замысле бога и в им же созданной надмирной сфере. В «Эфиопском тексте» Книги Еноха мессия практически описывается и оценивается почти так же, как это делают библейские евангелисты. В Книге Еноха мессия предстает как Избранный, который сядет на престол славы; «это Сын человеческий, Который имеет правду, при Котором живет правда и Который открывает все сокровища того, что скрыто, ибо Господь духов избрал Его, и жребий Его перед Господом духов превзошел все, благодаря праведности, в вечность»¹. К нему близок Мельхиседек — библейский первосвященник и царь Салима (будущего Иерусалима), о котором говорит апостол Павел в Послании к Евреям как о «священнике навсегда» и «царе мира».

Можно назвать и иные ипостаси интерпретации образа мессии, но во всех без исключения случаях в своей многосторонности этот виртуальный образ архетипичен, всегда обозначающая фигуру сверхсильную и могучую, не просто близкую к богу, но, как в христианстве, являющуюся сами богом, т.е. достигающую наивысшего статуса. Как архетип мессия многосторонен, так же как Великая Мать и Великий Отец. Как архетип мессия склонен со временем изменяться, но сохраняя при этом свое главное качество — лидерский статус и защитник, спаситель людей. Поэтому мессиями называли царей и императоров, главарей тоталитарных режимов и даже главарей религиозных сект, что почти всегда сопровождалось истовым идолопоклонством и фанатизмом.

Ничего не меняет в архетипичности христианского мессии достаточно нелепый, на мой взгляд, постулат о том, что бог един в

¹ Книги Еноха. Тайны Земли и Неба. М., 2003. С. 78—79.

трех лицах — Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух. При этом фигура Святого Духа столь туманна, что отцы и учителя древней неразделенной церкви считали понятие Святого Духа для ума людей непостижимым и призывали только верить в него. На самом деле наличие в христианстве Троицы свидетельствует лишь о его политеичности, что особенно станет явным, если к ней добавить Богородицу, которая обладает всеми атрибутами богини. Постичь богословское утверждение, что бог един в трех лицах, совершенно невозможно, не говоря уже о том, что Святому Духу в Библии оказано внимание намного меньше, чем двум основным богам — Отцу и Сыну.

Тем не менее авторы Ветхого Завета готовят последователей иудаизма к появлению нового божественного персонажа. Так, Яхве говорит: «Вот отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный мой, к которому благоволит душа моя. Положу дух Мой на него, и возвестит народам суд. Не возопиет, и не возвысит голоса своего, и не даст услышать его на улицах. Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине. Не ослабевает и не изнемогает, доколе на земле не утвердит суда и на закон его будут уповать острова» (Ис., 41:1—4).

Итак, «отрок» Яхве придет для утверждения справедливости на земле, но ни он, ни какой-либо другой мессия не могут даже сравниться с той колоссальной, поистине необъятной фигурой мессии, созданной христианством.

В приведенных словах Яхве об «отроке», который будет вершить суд, устанавливать справедливость и закон, явственно звучит неспособность бога самому сделать это. Что не может не давать оснований для веского предположения, что немалая часть иудеев не верила в возможность Яхве, как не надеются многие современные россияне на то, что без нового Сталина не установить порядок в стране. Можно сказать, что ожидание мессии наступает в двух случаях: в суровые и жестокие времена, когда нужен добрый и справедливый посланец небес (истории, судьбы); во времена, когда утрачены четкие ориентиры, наступает беззаконие и нет порядка. Впрочем, есть страны, в которых люди, общество привыкли к беззаконию и жестокости, они не знают ничего другого и хотели бы ничего менять. Как правило, это низшие слои общества.

Люди такого слоя обычно обладают мифологизированным сознанием, к тому же одурманенным националистическими или (и) религиозными предрассудками. Мифологизированное сознание не ведает сомнения, у него всегда есть ответы на любые вопросы. Мифы для них представляют собой священную догматику, и они суть архетипы, «поселившиеся» в их разуме со дня рождения. Мифы и основанные на них обрядовые предписания составляют основу их архетипов. Мифы, особенно у фанатически заряженных людей, свя-

заны с отдельными святилищами (например, с мавзолеем бывшего вождя), а церемонии становятся частью культовой практики. Окружение таких людей всегда заботит, чтобы у всех были одинаковые объяснения одного и того же образа, его происхождения и назначения.

Архетипическое содержание мифов и совокупное содержание таких мифов всегда обязательны для мифологизированного сознания и дают ему определенные преимущества перед другими. Лучше всего было верить в названную совокупность, но такая вера еще более сдерживала самостоятельность и инициативность личности. Те, кто в это не верит, обязаны точно исполнять все предписания, заложенные в мифах. Обряд и церемония всегда происходят из мифа и никогда — наоборот.

Такая точка зрения разделяется не всеми. Так, Робертсон Смит считал, что религия в первобытные времена была не системой верований и практических применений к ним — это была совокупность строго фиксированных традиционных образов, которые каждый член общины считал обязательным для себя. Люди не были бы людьми, если бы они согласились делать что-либо, не имея для этого оснований в древней религии; таким основанием была не первоначально сформулированная доктрина, а практика, предшествующая доктрине¹.

Здесь автор противоречит себе. Во-первых, люди не согласились бы делать что-либо, не имея оснований для этого в древней религии. Однако древняя религия, совсем как современная, состоит из мифов, в которые надо верить. Во-вторых, обряды должны были соответствовать мифам: вначале человек строил нечто, что объясняло интересующий его объект (природа, космос, его самого), а уже затем начинал действовать, чтобы извлечь из своего знания практическую пользу, т.е. совершал обряды.

Мифотворчество, в том числе сотворение новых богов и изменение образов прежних, не прекращалось никогда. Некоторым богам, особенно не первого ряда, последующие поколения придавали аллегорический лоск и часто использовали отнюдь не в религиозном смысле. Здесь не требовалось никакой веры, для соответствующего образа не нужно было никакой религиозной санкции. Но тем не менее и такой бог представляет собой архетип мессии, но не полностью, а какую-то его часть или производное от него. Подобный мессия (или его ипостась, или производное от него) должен быть рожден и окружен мифом, в том числе религиозным, но способен существовать сам по себе, как, например, образ какого-нибудь из античных греческих богов.

¹ См.: *Смит Р.У.* Лекции о религии семитов // *Религиоведение: Хрестоматия.* М., 2000. С. 290—291.

То, что никакие верования или религии не обходились без ритуалов и обрядов, несколько не снижает значимости самого бога, в том числе мессии. Ритуалы и обряды были и остаются одной из важнейших частей практической реализации религии, веры в бога. Но нельзя исключить, что некоторые ритуалы и обряды возникли раньше религиозной доктрины, именно доктрины, что предполагает некую упорядоченную систему взглядов и установок. Идея о какой-то силе или силах — еще не доктрина, она могла выковаться в ходе обрядов и ритуалов, возможно, они и помогли ее рождению.

В примитивных обществах магия, включавшая в себя разветвленную систему обрядов, собственно, и состояла из них. Наряду с этим существовала вера в силы, которые создали землю, космос, человека и все живое. Думается, что это была самая блаженная пора в жизни человечества, поскольку оно было убеждено, что с помощью магических действий способно обеспечить свое благополучие. Но потом пришло горькое разочарование, поскольку магия не давала или ничего или очень мало. Поэтому надежды переместились на те силы, которые составляли ядро верования, — так появилась религия. А мессия родился в религии, когда бог тоже оказался недостаточен для счастья. Так случилось в иудаизме, так бывает и в христианстве, даже современном, в котором появляются разные течения со своими идолами.

После появления богов возникла очень интересная «прослойка» между ними и людьми. Это были герои (например, в древнегреческой мифологии). В основной своей массе герои выступали в качестве помощников и покровителей людей, в том числе и вопреки желанию богов. Можно предполагать, что архетип мессии «вырастал» из среды героев, во всяком случае, нельзя не обратить внимания на то, что и у тех, и у других во многом сходные функции, среди которых главная — помогать людям. Правда, в христианском понимании мессия — не только и не столько помощник, он спаситель, а это уже более высокая ступень в мифологической иерархии. Мне представляется второстепенной проблема историчности Христа, хотя я полагаю, что это был реальный, но в дальнейшем мифологизированный человек, фанатически заряженный, верящий в свое особое предназначение, умеющий красноречиво говорить и убеждать своих слушателей. Образ богочеловека Иисуса был создан не только евангелиями и другими книгами Нового Завета, но и теологами первых лет христианства, отцами церкви.

Швейцер полагал, что учение о двух природах Христа разрушило единство личности и вследствие этого уничтожило последнюю возможность возвращения к историческому Иисусу¹. Швейцер не

¹ См.: Швейцер А. Вопрос об историчности Иисуса // Религиоведение: Хрестоматия. М., 2000. С. 325.

поясняет, зачем христианству возвращаться к историческому Иисусу, ведь ему как религии нужен был не только человек во плоти, но и бог. Именно на нем христианство как религия сосредоточивает внимание.

Швейцер считал, что историческое исследование жизни Иисуса имело своим источником не просто чисто исторический интерес; оно обратилось к историческому Иисусу как к союзнику в борьбе против тирании догмы. Возможно, что так было. Но, во-первых, догма о Христе осталась непоколебимой и ее не могли разрушить никакие исторические исследования. Во-вторых, было уже слишком поздно, поскольку Иисус стал богом широко распространенной религии. Но архетипичность его образа создавалась не совокупностью сведений о его исторической подлинности, пусть даже самых достоверных, а именно тем, что он получил мифологический статус.

Возможно, как писал Швейцер, каждая эпоха в теологии находила что-то свое в Иисусе, и это было единственным способом, с помощью которого его можно сделать живым. Не исключено, полагаю, что подобные попытки диктовались желанием сделать его ближе к людям, но тем не менее и его историческая ипостась включена в догму о Христе. С началом эпохи десекуляризации в исторические изыскания о нем вполне могли включиться и совсем атеистические специалисты, движимые лишь потребностью установить истину. Победу в Халкедоне одержали мудрые люди, соединив в Иисусе и человеческие, и сверхъестественные черты.

Архетипичность Христа как мессии подтверждается многими параллелями в древних религиях. Их называет К.Г. Юнг в своем психологическом исследовании догмы о Троице. Предтечи ему он находит, в частности, в вавилонских религиях, в которых устанавливаются родственные связи внутри священных триад. В качестве примера он избрал вавилонские триады, важнейшая из которых включает Ану, Бела и Эа. Эа, олицетворение знания, является отцом Бела, олицетворяющего практическую деятельность. Во вторичную, несколько более позднюю триаду входят: Син (Луна), Шамаш (Солнце) и Адад (Буря). Адад здесь выступает сыном Всевышнего, Ану. При Навуходоносоре Адад — Владыка неба и земли. Этот намек на отцовско-сыновнее отношение становится более отчетливым во времена Хаммурапи: Мардук, сын Эа, наделяется властью Бела и оттесняет его на зданий план. Эа — любящий, гордый отец, добровольно передающий власть и права своему сыну. Изначально Мардук — бог солнца, его прозвище — «Господин» (Бел). Он посредник между своим отцом Эа и человечеством. Эа признает, что не знает ничего такого, чего бы не знал и сын его, Мардук.

Мардук — Спаситель, как показывает его борьба с Тиамат. Он «милосердный, любящий пробуждать к жизни мертвых, большехуий (т.е. многоумный, словом «ухо» в языках Месопотамии обозначался также ум), внемлющий мольбам людей. Он помощник и исцелитель, подлинный Спаситель. Это учение о Спасителе на вавилонской почве процветало на протяжении всей христианской эпохи¹.

Юнг был несомненно прав, что на христианство огромное влияние оказала египетская мифология, поскольку невероятно, что в Палестину проникли исключительно вавилонские идеи. Ведь эта маленькая буферная территория долгое время находилась под египетской оккупацией и, сверх того, поддерживала теснейшие культурные связи с могущественным соседом, особенно со времени возникновения в Александрии процветающей иудейской колонии за несколько веков до Христа. Египетская теология утверждала и ставила во главе угла сущностное единство бога-отца и бога-сына, представленного фараоном. Божественное зачатие происходит в теле царицы-матери, но она, как и Мария, остается вне Троицы. Святой Дух обеспечивает единство отца и сына.

Истинность и нуминозная сила мифологемы, делает вывод Юнг, значительно подкрепляются доказательством ее архетипического характера. Архетип есть то, во что верят всегда, повсюду и все, и если он не распознается сознательно, то появляется сзади, в своем гневном облике, как «Сын хаоса», аки тать в ночи: вместо Спасителя является Антихрист — это явственно демонстрирует нам история современности².

Много внимания в своем исследовании о Троице Юнг уделяет Греции, точнее — греческому влиянию. Это и неудивительно, поскольку христианство возникло в еврейских диаспорах за рубежом, в основном в греческом мире. Поэтому остается вслед за Юнгом повторить, что архетипичен не только образ Иисуса как спасителя, но и всей Троицы. Добавим к этому, что поиск истоков того или иного архетипа и прослеживание всей истории его развития есть, в сущности, исследование генезиса очень существенной части человеческой культуры, особенно если (по возможности) брать совокупность всех архетипов, во всяком случае важнейшую. Это сама по себе сверхсложная задача, скорее всего невыполнимая, поскольку архетипов великое множество.

¹ См.: Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // К.Г. Юнг. Ответ Иову. М., 1995. С. 10.

² См.: Там же. С. 12—15. Можно напомнить, что Мария с младенцем Иисусом спасалась бегством в Египет. Вряд ли этот эпизод можно назвать случайным или малозначительным.

Архетипический взгляд на мессию, что нас здесь интересует в первую очередь, позволяет выявить лжемиссий или, как говорил Юнг, антихристов, созданных и поддерживаемых толпой, которые выдают себя за ее спасителей. В определенные периоды истории востребованы и спасители, и их противоположности.

К. Кереньи несомненно прав, что мифология не является биографией богов. Миф всегда одновременно и нечто меньшее, и нечто большее¹. Вместе с тем в мифологическом описании жизни богов и героев почти всегда есть общие архетипические черты, о чем весьма убедительно написал О. Ранк². Например, многим из них при рождении грозит опасность уничтожения (и младенцу Иисусу тоже), поскольку они предназначены для изменения существующего порядка вещей. Такой младенец, стало быть, олицетворяет будущее, и именно поэтому мифологические спасители так часто начинают как боги-дети. Христианский мессия-младенец появился для того, чтобы в будущем провозгласить новую личность и новые отношения между людьми.

Р. Штайнер призывал допустить, что все четыре евангелия не содержат между собой противоречий и все они повествуют об одном и том же мистическом факте. Архетипический облик образа Христа, если следовать логике Штайнера, состоит в том, что в религии израильтян была заложена мудрость мистерий, а христианство вышло из иудейства. Нас не должно удивлять, продолжает Штайнер (это важно и для нашего архетипического анализа), что в христианстве мы находим как бы привитыми иудейству те же мистические воззрения, которые нам являлись уже как общее достояние греческой и египетской духовной жизни. Если мы обратимся к более глубокой жреческой мудрости, служащей духовным ядром различных народных религий, то всюду встретим согласие³.

Таким образом, архетип мессии формировался и на уровне вероучений, это может предполагать, что тогда он родился из потребностей толпы. Иудейство ожидало пришествия мессии, для нее это была уже знакомая фигура. Неудивительно, что личность этого единственного из иудеев могла быть понята только таким образом, что он должен быть мессией. Еврейский народ смотрел на себя как на нечто целое, и если должен был родиться «сын», то он мог стать спасителем всего народа. Еврейская диаспора, в которой «сын» возник, скорее всего, никак не могла предположить, что он шагнет

¹ См.: Кереньи К. Предвечный младенец в предвечные времена // К.Г. Юнг. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев—Москва, 1997. С. 38.

² См.: Ранк О. Миф о рождении героя. М., 1997.

³ См.: Штайнер Р. Указ. соч. С.89—90.

далеко за национальные рамки. Первоначально он должен был стать спасителем своего народа и прийти на смену суровому и жестокому Яхве.

Христос выступает прямым отрицателем всего, чему евреев учил Яхве. Спаситель считал евреев народом, сидящим во тьме, но обещал, что он видит «свет великий и сидящим в стране и тени смертной воссияет свет» (Мф. 4:15—16). Иисус выступает провозвестником новой морали, отрицая старую. Например: «Вы слышали, что сказано «Око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф., 6:38—39).

Для понимания Христа как мессии и архетипа не имеет значения, существовал ли он в действительности, хотя книги Нового Завета и апокрифические сказания не оставляют в этом сомнений. Для раннего христианства характерно полное безразличие к жизни исторического Иисуса, все сочинения Нового Завета, в том числе евангелия, не содержат биографии Христа, а только его идеи и принципы, доказательства его божественности. Это создавало монолитность образа спасителя, твердость и незыблемость его виртуального существования. Собственно, архетип является таковым в первую очередь благодаря своей виртуальности, которая и придает ему бессмертие. Не в реального, а только в виртуального человека толпа могла поверить, что это мессия, хотя прообразом его и был, видимо, некий живой человек, прекрасный оратор, умеющий увлечь за собой толпу, фанатик, заставлявший ее верить в свое исключительно предназначение.

Упразднив исторического Иисуса, христианство тем самым избежало опасной на ранних этапах христианизации внутренней раздвоенности, но в этом, образно говоря, Иисус поднялся над самим собой. Эта же судьба ждала всех иных мессий — лидеров и до Иисуса, и после него, т.е. всегда реального человека выдавливает виртуальный. Известные в богословии истории жизни Иисуса здесь ничего не меняют, поскольку они не снижают уровня божественности Христа, он остается богом, ничего не меняется в его учении и идеях, т.е. в самих основах вероучения и его носителя. Все книги Нового Завета, в том числе Евангелие от Иоанна, дают лишь возможность строить какие-либо предположения о подлинных фактах жизни спасителя, тем самым укрепляя предположение о нем как архетипе. В жизнеописании других мессий, в том числе исторических деятелей типа Ленина или Сталина, их архетипические портреты тоже лепятся во многом из их же высказываний, идей и принципов, ставших непоколебимыми догмами. Но конечно, информационный фон и соответственно информационные возможности христианского спасителя и современных сатрапов совершенно разные.

Великие религиозные новаторы во все времена говорили толпе то, что она понимала и ждала от них. За религиями, которые и сейчас имеют наибольшее распространение в мире, лежит старая неосознанная религиозная традиция; религиозные обычаи и верования, которые не несут на себе печати индивидуального сознания и не всегда базируются только на авторитете личности, их основной поток, даже несущий новизну, может идти из толпы. Затем этот поток формирует и другие части общества. Так христианство стало религией и богатых людей, имевших власть, которые скоро поняли, что ее вполне можно использовать в своих интересах.

Новое вероучение может найти отклик, только апеллируя к религиозным инстинктам и чувствам толпы (человека толпы), которая, в свою очередь, очень-очень медленно, но неизбежно наделяет его главного носителя архетипическими чертами, причем эти инстинкты и чувства уже должны быть в народе. Новое вероучение может достичь цели, если примет во внимание традиционные формы выражения религиозных народных чувств, говоря тем же языком, который делает его понятным для толпы.

Мифологическая сакрализация персонажа, в том числе перенос обычного человека на уровень священного, всегда есть процесс архетипизации этого человека. В древности это был длительный процесс, в наши дни — короткий, как это было с Гитлером, которого немецкая толпа сделала мессией всего за несколько лет. Как архетип, мессия должен обладать некоторыми исключительно важными чертами:

- огромным и сверхострым умом, несопоставимым с интеллектуальными способностями даже прославленных мудрецов, известных политических деятелей, литераторов и т.д., не говоря уже о «простых» людях толпы, которые были обязаны ему просто внимать и повиноваться;
- умением находить неожиданное, но всегда верное решение, которое не мог бы предложить никто другой;
- заботой о своем народе и попечении о нем, особенно его духовном росте;
- сверхъестественными способностями, позволяющими творить чудеса (даже такое ничтожество, как Муссолини, оказывается, останавливал взглядом у своих ног лаву, текущую из Этны), у большинства мессий Новейшего времени способом совершения чудес было слово, которое, как мы знаем из марксизма-ленинизма, преобразовало мир, поскольку обладало магическими способностями. Поэтому слово обладало особыми качествами, его ценили очень высоко и «не за то слово» могли казнить;
- умением предсказывать будущее, даже самое отдаленное. У Христа это был эсхатологический прогноз; коммунистические и нацистские прогнозы мы все знаем.

Мессиянство никогда не прекратится. Всегда найдутся люди, в том числе психически не очень здоровые, которые объявят себя спасителями человечества, своего народа или кучки своих последователей и поэтому объявят себя мессиями. Одни из них будут вызывать только насмешки, но найдутся и такие, которые готовы пролить море крови, чтобы добиться торжества своих дурацких идей. Сблудн решить все проблемы сразу, навеки установить справедливый порядок всегда чрезвычайно велик.

К.Г. Юнг писал: то, что произошло в жизни Христа, случается везде и всюду. В рамках христианского архетипа можно себе представить любую подобную судьбу. Это представляется большим преувеличением, если считать Христа обычным человеком, впоследствии мифологизированным, но это не преувеличение, если он, согласно мифу, является сыном Яхве. Невозможно представить, чтобы обычный человек, а не полубог совершал чудеса. Попытаемся найти объяснение.

По мнению Э.Ф. Эдингера, жизнь Христа в ее психологическом понимании представляет собой описание превратностей Самости¹ по мере ее воплощения в индивидуальном Эго — Эго, принимающем участие в этой божественной драме. Иными словами, жизнь Христа символизирует процесс индивидуации (овладения собой, своей личностью). Такой процесс, происходящий с личностью, может быть либо спасением, либо бедой. Пока он проходит в рамках церкви или религиозной догмы, человек свободен от опасности прямого переживания. Но как только он выпадает из содержания религиозного мифа, он встает на путь индивидуации².

Юнг писал:

Поскольку архетипическое содержание христианской драмы в состоянии дать удовлетворительное образное представление для перегруженного и протестующего бессознательного множества людей, со всеобщего согласия эта драма поднялась до уровня объединяющей людей вселенской правды: разумеется, не из-за факта судилища, а вследствие иррациональной одержимости, которая оказывает на человечество гораздо более сильное воздействие. Так Христос стал тем образом или талисманом, сдерживающим архетипические энергии, которые угрожают овладеть каждым из нас. По свету разнеслись радостные вести: «Все это действительно было, но с вами

¹ *Самость* — центральный архетип, суммативность личности. По Юнгу, она включает не только сознательное, но и бессознательное психическое бытие... самость является центром суммативной целостности, подобно тому как Эго есть центр сознательного разума... самость является нашей жизненной целью, так как она есть заверщенное выражение той роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью.

² *Эдингер Ф.Э.* Христианский архетип. Юнгианское исследование жизни Христа. М., 2000. С. 19.

это не произойдет до тех пор, пока вы не поверите в Иисуса Христа, Сына Божьего¹.

На протяжении столетий, пишет Эдингер, из коллективной психики выкристаллизовалась серия образов, чтобы служить талисманом, защищающим от воздействия архетипических сил. Что это за архетипические силы, Эдингер не уточняет, равно и того, какие именно образы выкристаллизовались из коллективной психики. Впрочем, мы еще не знаем, что такое коллективная психика, во всяком случае, ее понимание не следует из работы Эдингера. Из нее также невозможно понять, что такое христианский архетип и почему в его рамках можно представить себе любую судьбу, подобную Христу.

Христианство можно представить как архетип. Но архетипом является и каждый человек в христианстве (т.е. христианин). Мы же здесь ведем речь о том, что любой мессия, в том числе лжемессия, является архетипом. Совершенно очевидно, что человечество нуждается в подобных архетипах, особенно когда его народы чувствуют себя лишенными Родины или особо ценимых благ, когда они тревожны, несчастны, бедны, утратили надежду. Такие эмоции и переживания могут возникнуть и у очень богатых людей, у которых возник жизненный или, что чаще, духовный кризис. Но это бывает очень редко, а чаще происходит у бедных, обездоленных, которые ждут сверхъестественного спасителя, и понятно, что потребность в нем может регулярно возникать, но чаще у тех этносов, у которых высокие духовные запросы. Но может возникнуть потребность не в сверхъестественном мессии, а во вполне земном лжемессии, которого потом мифологизируют, как это сделали с Лениным или Гитлером. Подобный лжемессия — тоже архетип.

¹ Цит. по: *Эдингер Ф.Э.* Указ. соч. С. 19.

Виртуальность образа мессии

3.1. Общая постановка проблемы

Если бы я искал эпитафию для данного раздела, я воспользовался бы таким высказыванием Августина Блаженного: «Вера состоит в том, что мы верим всему, чего не видим; а наградой за веру является возможность увидеть то, во что мы верим».

Виртуальные явления существуют с «рождения» человека как одно из порождений его психики и одна из форм реализации ее глубочайшей потребности. Однако объектом самостоятельного научного психологического исследования названные явления стали сравнительно недавно в отличие, например, от античной и средневековой философий, для которых виртуальность была одной из центральных проблем, не в последнюю очередь потому, что в те эпохи философия была тесно связана с религией. Собственно говоря, богословская философия есть не что иное, как постоянное утверждение бога и иных религиозных реальностей. Особенно красноречивы в этом отношении философы-мистики, чей мистический интерес основывается не на суеверии и тяге к оккультизму, а на восприятии всего сущего как чуда, дающего возможность постичь сокровенные тайны, причем это постижение не имеет границ, создавая особый мир.

Все религиозные мифологические персонажи являются виртуальными, потому что они потусторонние, сверхъестественные. Если какой-либо такой персонаж в реальности был «вполне» живым человеком, то виртуален не он, а его мифологизированный образ. Поэтому надо строго отличать такой образ от его прототипа, если, конечно, он у него имеется. Виртуален не бродячий проповедник Иешуа, а Бог Сын и спаситель Иисус Христос — он и является предметом поклонения.

Виртуальность сконцентрирована во всех без исключения религиозных догмах, иными словами, все они виртуальны. Какая-либо историческая или иная достоверность здесь не может иметь место. Это было бы уже выходом за пределы догма, т.е. виртуальности, а стало быть, и религии. Возьмем для иллюстрации христианский догмат о спасении. О нем апостол Павел писал: «Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто

видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, что не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим., 8:24—25). Здесь речь идет о том, что надежда о спасении может быть только виртуальной, если же надежду можно увидеть, т.е. увидеть, узнать какие-то факты, свидетельствующие о возможности его наступления, то никакого спасения не будет.

Мейстер Экхарт писал:

человек созерцает Бога уже в этой жизни с той же полнотой и бывает блажен совершенно в той же мере, как и после этой жизни. Многим людям это покажется удивительным. Поэтому приложите все свое старание, чтобы понять меня! Творящий разум проистекает из вечной истины и по-своему заключает в себе то, что и Бог в себе заключает. И постигает этот благородный, божественный, этот «творящий разум» самого себя самим же собою, подобно Богу. По своему происхождению и по сущности бытия он, безусловно, есть Бог; творением же, напротив, становится он после того, как выделяется для обособления... Наша жизнь на земле устроена всецело так, что Бог и все вещи познаются нами лишь как возможность. По окончании же этой жизни, когда мы освободимся от тела, эта возможность преобразится в полную действительность блаженства, каковое присуще творящему разуму. Но это «преображение» не сделает переживание блаженства более совершенным, чем оно теперь. Ибо творящий разум никоим образом не может в нас увеличиться; ему невозможно получить более того, что уже заключено в нем по его природе. Поэтому, когда мы станем блаженны, возможность станет в нас действительностью, и мы будем вкушать только истинное блаженство, которое свойственно Божественной Сущности. Это подразумевал Давид, говоря: «Господи, в свете Твоем узрим свет»¹.

Здесь обнаруживается прямое указание на бога как на виртуальную реальность: созерцание его с необходимой полнотой уже в этой жизни с помощью творящего разума, который, как можно предположить, назван так именно потому, что создает такую возможность. Этот разум, считал М. Экхарт, есть как раз бог, и подобное утверждение не должно удивлять, ибо он, подобно творцу, сам созидает. Полная действительность является плодом творящего разума, т.е. созданный человеком бог дает ему же, по М. Экхарту, возможность познать сверхъестественный мир и себя в его центре, для чего и рождает разум с могучими генетическими способностями.

¹ *Экхарт М.* Духовные проповеди и рассуждения. СПб., 2000. С. 149—150.

Сходные мысли можно обнаружить у Э. Сведенборга:

Ни один ангел на небесах не постигает Божественного начала в ином образе как в человеческом; и, что удивительно, даже ангелы высших небес не могут думать о Божественном начале иначе... Все, кто на небесах признают Господа, ибо нет Божественного человеческого начала ни в ком, кроме самого Господа. Все это не только было сказано мне ангелами, но и дано было постичь самому, когда я возносился во внутреннюю сферу небес; из чего видно, что ясность постижения этой истины зависит от степени мудрости ангелов. Вот почему и сам Господь является им видимо, ибо он является в Божественном ангельском образе, т.е. в человеческом, только тем, которые признают и верят, что Божественное начало видимо, а не тем, по мнению которых оно невидимо; первые могут видеть его, а вторые не могут¹.

То, что бог, божественное и ангелы видимы только тем, кто признает и верит, что все они видимы, представляет собой прямое указание на виртуальность этих психических явлений.

Э. Сведенборг считал, что «небеса изображают человека вследствие божественной человечности Господа», т.е. человек является человеком потому, что человекен его создатель. Видят же Бога не люди, но ангелы, с которыми общаться вполне возможно (это якобы делал сам Э. Сведенборг), однако такой способностью обладают только те, которые «признают и верят», что божественное начало видимо. Можно сказать, что в данном контексте виртуальная реальность создается человеком руками ангелов, контакты с которыми вполне достижимы

Мне было сказано на небесах, что древнейшие жители нашей земли, как люди небесные, мыслили по самым соответствиям и что земная природа, бывшая пред их глазами, служила им средством для такого мышления. Люди эти сообщались и беседовали с ними, так что через них небеса соединялись с землей².

Примечательно утверждение Э. Сведенборга, что ни «один ангел на небесах не постигает Божественного начала в ином образе, как в человеческом». Это утверждение можно считать невольным признанием того очень важного факта, что человек может наделить бога исключительно человеческими чертам. Более того, это утверждение можно рассматривать и как завуалированное признание того, что бог сотворен человеком. Иначе и не может быть, поскольку люди обладают опытом общения только с самими собой и никто

¹ *Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде.* СПб., 2000. С. 72—73.

² Там же. С. 92.

иной, если иметь в виду разумные существа, кроме человека, им абсолютно неведом. Данное обстоятельство — весьма весомый аргумент в подтверждение того, что бог представляет собой виртуальную реальность, поскольку он видится людям только в человеческом образе, т.е. является их собственной проекцией, обретшей суверенитет. Личностное *Я* при этом часто оказывается лишь простой видимостью, неосязаемой, невыразительной, туманной, тогда как единственная реальность, даже слишком легко осязаемая и выразимая, — это божество. Но конечно, Сведенборг не был бы сыном церкви, пусть и философом-мистиком, если бы не утверждал, что «людям Церкви известно, что всякое благо исходит от Господа, а нисколько не от человека и что, следовательно, никто не должен приписывать себе хоть сколько-нибудь блага»¹.

Несмотря на это, Сведенборг признавал, что «небеса и ад происходят из рода человеческого», а не существуют от начала начал, предшествуя роду человеческому и всему миру. «Что небеса образуются из рода человеческого, это видно также из того, — писал Э. Сведенборг, — что дух ангельский и дух человеческий подобны друг другу. И тот и другой одарены способностью разумения, постижения и хотения, и тот и другой созданы для принятия небес»².

Определения бога, имеющиеся в священных текстах, достаточно информативны в аспектах виртуального отношения к нему, наделяния его теми или иными функциями, ожиданий, даже самой идеи высшей силы. Так, Филон Библский цитирует «мага персидского культа Зороастра» о Боге:

Он самый первый, нетленный, вечный, нерожденный, нераздельный, совсем не имеющий подобия, управитель всякого блага, самый неподкупный, добрейший из добрых, премудрейший из премудрых, отец законности и справедливости, сам себя выучивший, естественный, совершенный, мудрый, и он один — изобретатель святой естественной силы³.

Финикийцы, согласно Дамаскию, считали, что «божество величается как предел умом познаваемого и источник разумного... Поэтому там, где оно — источник от него происходящего, оно является единым — множественным, разрешающим...»⁴.

Пифагор, усвоивший иранский дуализм и некоторые религиозные принципы магов, вероятно, зороастрийского толка, считал, что бог является единственным принципом всего бытия, он —

¹ Сведенборг Э. Указ. соч. С. 200.

² Там же. С. 221.

³ Финикийская мифология. М., 1999. С. 81—82.

⁴ Там же. С. 126.

свет небесный, отец всего сущего. Он создает все и всем руководит. Он — разум, жизнь и движение всего бытия. Причина зла лежит в материи, тогда как бог является благом. В христианстве и индуизме божество наделено субстанциальным бытием, и в качестве обладающего им оно бессмертно.

В целом можно сделать вывод, что без виртуальности нет религии, без виртуальности нет и мифологии в целом, в том числе политической. Виртуальность — сердце мифологии, всякая мифология виртуальна. Виртуальность — вполне объективное психическое явление. Поэтому нельзя полностью согласиться с С.Н. Булгаковым, который отрицает, что миф есть «произведение фантазии и вымысла»¹. Именно фантазия активно участвует в религиозном мифотворчестве, но если в нем и есть вымысел, т.е. сознательный, на грани обмана процесс, то он минимален. Религиозное мифотворчество от первых дней человека, еще в форме веры в духов и магии, длится веками, даже тысячелетиями, не прерываясь никогда, даже в годы гонений на религию; оно спонтанно и стихийно складывается из самых разных социальных потоков, исторических условий жизни людей и по мере их продвижения к вечно искомой истине, соответствуя потребностям общества и в том числе толпы. Поэтому можно сказать, что в религиозном мифотворчестве участвуют все или почти все, исключая атеистов.

Иначе обстоит дело с политическим мифотворчеством. Его авторами вполне могут быть отъявленные лжецы и бессовестные люди, сочиняющие политические легенды, в частности о земных спасителях, исключительно ради собственной выгоды. Потом, правда, их продукция может овладеть массами, в первую очередь человеком толпы, и обрести большую политическую и идеологическую силу. При этом сами эту ложь весьма интенсивным образом могут дополнять и украшать, часто без каких-либо корыстных или низменных побуждений.

От религиозных мессий попытаемся спуститься в бездну — на неизмеримо более низкий уровень — до земных тиранов, мифологизированных в качестве спасителей своего народа и даже мира.

Гитлер с его внешностью обер-кельнера и усиками-сопливчиками, страдавший произвольным выделением газов. Болтун в близком кругу, завистливый, подлый и жестокий, о котором Э. Фромм говорил как о классическом случае некрофилии.

Сталин, больше похожий на провинциального управдома; типичный некросадист, злобный, мстительный, беспощадный и в то же время трусливый и мелочный.

Мао Цзэдун, жестокий и мрачный садист, грязный развратник.

¹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 57.

Все эти «спасители» пышно именовали себя «вождями народа», «вождями мирового пролетариата», «руководителями мирового рабочего движения», «вождями трудящихся всего мира», «гениальными стратегами и провидцами», «великими полководцами», «великими учеными» и т.д. Они представляли себе мировую историю как горную тропу с неожиданными поворотами, на которых они поджидали путников с топором в руках. Они попросту не знали, что такое совесть и тем более милосердие и доброта.

Естественно, что их никто не назначал руководителями и не призывал в вожди — они сами и их приспешники захватывали власть и уже потом, в первую очередь с помощью толпы, становились «вождями», «руководителями», «великими полководцами» и т.д. В ее глазах они были мессиями. Но о такого рода «спасителях» подробно речь пойдет ниже.

С.Н. Булгаков утверждает, что Христос есть небесный человек, подразумевая, очевидно, под этим, что спаситель воплотился в образе бога-сына. Но это суждение можно рассматривать и как виртуальность этого образа. Апостол Павел писал, что Христос «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; не уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил себя, был послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени. Дабы под именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Флп., 26:6—10).

Для верующего божество есть не вызывающая сомнений действительность, в том числе и потому, что представляет собой виртуальную реальность. В этом мифологическом качестве божество обладает огромными генетическими способностями, творя другие сакральные персонажи, весь потусторонний мир и его напряженную жизнь, всю вселенную, людей и общество, оказывая глобальное воздействие практически на все стороны их существования. Формируется, развивается и обогащается опыт общения с богом, правила, механизмы и процедуры общения с ним, и это составляет особую сферу знания, которая является очень существенной частью духовности, а последней, как известно, человек особенно гордится. Бог есть бесспорный психологический факт и посему должен исследоваться как объект психологического познания.

Именно эту же мысль выразил С. Кьеркегор, когда дал ответ на им же поставленный вопрос: можно ли из истории (обыкновенной, не священной) узнать что-либо о Христе?

Нет, почему же? Потому что вообще ничего нельзя знать о Христе. Он — парадокс, предмет веры. Всякое же историческое сообщение есть сообщение знания, следовательно, из истории ничего нельзя узнать о Христе. Что бы мы не узнали о Нем, мало ли, много ли, не узнаешь о Нем, таком, каким Он был воистину. Таким образом, узнаешь о Нем нечто другое, нежели то, что Он есть, следовательно, ничего не узнаешь о Нем или узнаешь о нем неверное — обманешься. История превращает Христа в другого, нежели Он есть воистину, и вот из истории много узнаешь — о Христе? Нет, не о Христе, ибо о нем ничего нельзя знать, в него можно только верить¹.

В этих словах С. Кьеркегора виртуальность образа Христа выражена более чем точно. Из них следует также, что религиозная вера может быть только виртуальной, и никакой другой. Я повторяю, что это чрезвычайно важная характеристика религии, может быть даже важнейшая. Значит, научное познание религии и религиозности может быть очень продуктивным с позиций виртуальной психологии. Вряд ли можно оспаривать мнение Н.А. Носова, что «виртуальные события, в отличие от всех других психических производных, типа воображения отличаются тем, что человек воспринимает и переживает их не как порождение своего ума, а как живую объективную реальность»².

Если же так, то религиозная виртуальная реальность относится к числу тех, в действительности которой верующие не только не сомневаются, но и относят себя и весь окружающий мир к объектам, которые такой реальностью порождены. Они не осознают сверхъестественную среду частью своей психики, а лишь как объективную, не зависящую от них данность. На этом же уровне, как отмечает В.М. Розин, расположены и реальности душевнобольных; как известно, последние также могут активно действовать в тех мирах, в которых оказались вовлечены болезнью³. Иными словами, начинают реально работать обратные связи — от нереальных, суще-

¹ Цит. по: *Человек*. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. М., 1995. С. 302—303.

² *Носов Н.А.* Итоги десятилетней работы: вместо предисловия // *Виртуальные реальности в психологии и психопрактике*. М., 1995. С. 8.

³ *Розин В.М.* Природа виртуальной реальности (условия философского дискурса) // *Виртуальные реальности*. М., 1998. С. 194—195. Как пишет Е.Е. Солопов, для нормального сознания, адекватно отражающего материальную действительность, психические явления, эзотерический мир — вовсе не такой же самостоятельный, как материальный (физический, природный или социальный) мир. Если же подвергнуть сознание медитации, гипнозу, воздействию алкоголя или наркотиков, т.е. исказить, травмировать сознание, то и оценка им указанных миров будет соответствующей — искаженной, неистинной. См.: *Солопов В.Е.* Виртуалистика и философия. М., 2000. С. 29.

ствующих лишь в психологическом пространстве мнимых объектов. Последние, конечно, функционируют как на индивидуальном уровне, так и на уровне всего человечества.

Утверждение божественного на общечеловеческом уровне имеет ни с чем не сравнимое психологическое и социальное значение, поскольку становится мощным фактором культуры, приобретая статусы этического и духовного эталона, традиции, обычая, обязательного стандарта, тем самым владея особой силой убеждения и принуждения. Религия и церковь сейчас стали широко осваивать современные технические средства виртуалистики — в первую очередь средства массовой информации и компьютеры.

Можно не сомневаться в том, что киберкультура имеет все шансы стать полноценной культурой, освоив особый, виртуальный способ понимания и освоения мира. Можно не сомневаться и в том, что в этой культуре религия займет подобающее ей место. Основанием для такого вывода служит то, что идеи виртуалистики находят все большее признание в различных областях практики, а такие идеи изначально присутствовали не только в религии, но еще раньше — в первобытной магии, т.е. имманентно и спонтанно присутствуя человеческой природе.

Вера всегда нуждалась и нуждается в новых способах и формах овладения умами и душами людей, объяснения мира с религиозных позиций. Если обратиться к истории религии, можно отметить, что первоначальный нерелефлексированный процесс порождения образов и проявления их во внешней реальности постепенно сменился произвольным порождением образов, идей, символов, иногда рационально подчиненных определенному замыслу. Думается, что эта тенденция не изменится. При этом надо помнить, что благодаря виртуальным технологиям грани между реальным и нереальным подчас стираются.

Поскольку сейчас имеются значительные технические возможности для создания искусственного, воображаемого мира, то становится актуальной задача принципиального различия естественного и искусственного, а тем более естественного и сверхъестественного. Нельзя соглашаться с размыванием границ между ними, поскольку это может усилить антиобщественную активность, в частности, фанатически заряженных религиозных людей, хотя для современного человека символические формы жизни и символический уровень мышления не менее важны, чем для его богобоязненного предка.

Я думаю, что виртуальная реальность, в том числе религиозная, является очень серьезным источником и средством познания современного мира, и в первую очередь человека. Она позволяет понять его потребности и ожидания, весь строй его души, что ему так

часто совсем неподвластно, и он выталкивает все это неизмеримо ввысь, к богам, чтобы своими грешными глазами увидеть все это там и, быть может, хоть что-нибудь понять, поскольку оно осенено теперь божественным светом.

Можно сказать, что названная реальность есть особый уровень бытия личности — информационно-управляющий, в нем сосредоточены его жизненно важные высшие потребности и интересы.

К.Г. Юнг писал:

Естественная наука нигде не обнаружила Бога, критика знания доказывает невозможность познания Бога, душа же выступает с утверждением опыта Бога. Бог представляет собой душевный факт, непосредственно доступный опыту. Если бы это было не так, то о Боге вообще никогда не могло бы быть и речи. Факт действителен сам по себе, не нуждаясь в каких-либо психологических доказательствах и являясь недоступным для любой формы психологической критики. Он может быть самым непосредственным и именно поэтому самым реальным опытом, которым нельзя пренебрегать и который нельзя оспаривать. Только люди с плохо развитым чувством действительности или суеверным упрямством могут быть глухи к этой истине. До тех пор пока опыт Бога не начинает претендовать на всеобщее значение или на Его абсолютное бытие, никакая критика невозможна, ибо иррациональный факт, например факт, что существуют слоны, критиковаться не может. Все же опыт Бога является относительно общим реальным опытом, поэтому едва ли не каждому в общих чертах известно, что понимается под выражением «опыт Бога». Он должен быть признан научной психологией как довольно распространенный факт¹.

Разумеется, не только бог и иные сверхъестественные фигуры являются продуктом виртуальной деятельности человеческой психики, но и множество смыслов, содержаний и ассоциаций, порождаемых религиозными символами и изображениями, например иконами и скульптурами в христианстве. Им, как известно, также приданы необыкновенные свойства и священный ореол, но сами произведения искусства не являются, разумеется, виртуальными продуктами. Следует подчеркнуть, что виртуальностью обладают именно их содержания, смыслы, функции. На том же виртуальном уровне формируются представления о несомненных достоинствах и преимуществах «своего» бога над «чужим», о его единственности. При наличии некоторых условий это становится базой для религиозной нетерпимости, вражды и ненависти к представителям других вероисповеданий.

¹ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 282.

Через всех верующих мужчин и женщин протекает один и тот же поток, общая и единственная река всех божественных и иных священных образов. Каждый такой человек получает свою долю виртуальной фантазии не только от друга, наставника или духовника, не только из священных текстов, но и из этого надличного и безличного потока, который есть объединяющая всех реальность. Люди ощущают, что река протекает сквозь них, что она безлична и, стало быть, принадлежит не им, а тому, кто сотворил их и весь мир. Они погружаются в нее с набожным смирением, но иногда с наслаждением и даже сладострастием, зная, что в ней объединяются «все дети божьи» и что благодаря ей произойдет слияние в каком-то мистическом единении с богом, который к тому же защищает их.

Где бы человек ни жил, чем бы ни занимался, он, за исключением особых патологических случаев, всегда должен (но не всегда может) ощущать себя порождающей реальностью. Даже находясь в едином с другими потоке божественных образов и фантазий, он отнюдь не теряет эту способность, и дело здесь не в том, что поток как раз и является результатом деятельности психики, но не только данного индивида, а человечества в целом. Отдельный же индивид и в общем потоке отнюдь не лишается виртуальной активности, его личность может индивидуально мыслить сакральными образами и чувствовать их, строить свои собственные фантазии, по-своему интерпретировать мифологические факты и религиозные символы и т.д. Совсем необязательно человек должен быть психически здоров: известно немало фактов, когда болезненную бредового-галлюцинаторную продукцию принимают в качестве божественных указаний, открытия свыше сокровенных истин общения со святыми и т.д. Можно утверждать, что способность порождать виртуальную реальность относится к числу основных человеческих способностей.

Возникновение виртуальной религиозной реальности происходит спонтанно; люди затрудняются точно указать момент, когда они начали верить. Но иногда пытаются это сделать, выделяя некоторые экстраординарные события в своей жизни, которые якобы открыли им глаза и сразу привели к богу. На самом деле предощущения бога и (или) сверхъестественных сил формировались у них давно.

Здесь действует некое общее правило, сформированное Н.А. Носовым и А.Н. Михайловым, что нет временной границы довиртуального и виртуального режимов. Виртуал возникает неожиданно и ненамеренно, его появление не контролируется сознанием и не зависит от воли (намерений и желаний) человека. Другими словами, человек никогда не говорит о том, как возник у него данный режим, и фиксирует то, что он в нем уже находится.

Указанные авторы выделяют еще несколько характеристик виртуалов, значимых для нашего исследования отношений человек — бог и среди них — измененность статуса воли. Деятельность совершается без волевых усилий со стороны человека, как бы самопроизвольно и кажется текущей сама собой¹. Верующий может это ощущать как активность божественной силы, во власти которой он теперь находится.

Образ мессии, как и образ любого другого религиозного персонажа, необходим человеку, поскольку отвечает его потребностям. Названный образ вбирает в себя огромный опыт человеческого существования и обладает прогностическими способностями, но если бы он не был виртуальным, таких возможностей у него бы не было. Он содержит нужные многим людям объяснения и указывает им путь, говоря нечто, что весьма значимо, но все объяснения основаны не на законах природы или исторических закономерностях и фактах, а на своей собственной логике, на уверенном продолжении того, что уже имелось в религиозной мифологии до этого. Сверхдлительное существование виртуального и архетипического образа мессии доказывает, что он рационален и реален для верующих, хотя с самого начала двигался в ином измерении, опираясь и на иное, чем в науке и в целом атеизме, истолкование и концептуальном понимании реальности.

Именно потому, что фигура мессии виртуальна и архетипична, ее невозможно вытеснить из жизненной реальности. Все попытки сделать это с помощью земных мифологизированных тиранов, как бы ни возносила их толпа, абсолютно невозможны. Миф о мессии, хоть он и не проверяем, поддерживается из глубин чувственности и неосознанных фантазий, из чего-то, что безусловно принималось предками. Думается, что то положение, которое занимает Христос в современном западном мире, положение, которое складывалось веками, является оптимальным. Его образ в настоящее время никому и никогда не навязывается силой, и он, на мой взгляд, функционирует в разумных границах. Поэтому можно сказать, что ни этот мессия, ни христианство в целом нисколько не противоречат культуре сегодня.

3.2. Виртуальное бытие мессии

Представление о мессии как виртуальной реальности исходно предполагает построение единой мифологической теории и такой модели мира, в которой благодаря ему можно объяснить многие явления, их связи друг с другом, обосновать моральные требования, признавая, что на всем лежит его неисчезающая печать. Бог-отец — тоже виртуальная реальность, но если можно так выразиться, гораз-

¹ См.: *Носов Н.А., Михайлов А.Н.* Диагностика виртуальной образности. М., 2000. С. 10—11.

до шире — он вообще творец всего, и все существует благодаря его воле. Поэтому разум, созидающий подобную модель, наделяет боготворца исключительными особенностями и особым разумом. Он как реальность наивысшего иерархического уровня развернут и доступен в ощущениях, переживаниях, представлениях, понимании, что мощно и чаще неотвратно убеждает в его реальности. Мессия тоже относится к высшему иерархическому уровню, он тоже доступен в ощущениях, переживаниях и представлениях, однако масштабы его возможностей, его сил меньше, чем у его божественного отца. Однако христиане часто даже забывали о нем, сосредоточивая свои силы и внимание именно на спасителе, потому что он спаситель и счастье здесь и в загробной жизни зависит от него.

Следовательно, спаситель является реально ощущаемым, видимым, несомненным, способным творить иные реальности, которые в силу своего генезиса также становятся ощущаемыми, видимыми, несомненными. Здесь велика роль самого творящего человека, его активность. Однако не следует думать, что только мессия как исходная реальность энергетически питает порожденное им же — последнее тоже укрепляет своего творца, воздействуя, конечно, при этом и на его личность.

По мысли Е.Н. Трубецкого, род человеческий, как его понимает христианское откровение, есть нечто большее, чем органическое целое: по идее, он — единое существо, собирательное тело Христово. Видимо, Трубецкой забыл, что люди существовали еще до Христа: достаточно для этого заглянуть в Ветхий Завет. А вот дальше Трубецкой утверждает, что богочеловечество Христа ни в коем случае

не есть сочетание бога с изолированным человеческим индивидом, ибо изолированных человеческих индивидов на свете вообще не существует. У всех — общая природа, общая родовая жизнь, а поэтому и общая история. Соответственно с этим и Боговоплощение понимается в св. Писании не как индивидуально ограниченное явление Бога в одном человеческом лице, а как неразрывное и неслиянное соединение двух естеств — Божеского и человеческого, т.е. как восстановление нарушенного единства между Богом и человеческой природой¹.

¹ *Трубецкой Е.Н.* Указ. соч. С. 155. Трубецкой (и не он один) называет Христа вторым Адамом, родившимся не от семени мужа, а «от Духа Свята и Марии Девы, а потому не воспринявший от прошлого греховного наследия и начинающий во времени новый богочеловеческий род» (Там же. С. 158—158). Это требует комментария, неизбежно иронического: Святой Дух, хотя и выполнил почти мужские функции, природа же Марии совсем не изменилась, она осталась человеческой. Поэтому Христос умирал вполне как человек. Этого противоречия теология не смогла разрешить на протяжении всей истории христианства.

Между тем Новый Завет и особенно евангелия убеждают в том, что бог зачал спасителя в лоне вполне мирской смертной женщины и сам спаситель умер вполне мирской смертью.

Но если даже и соглашаться с Трубецким, то, конечно, богочеловечество Христа может существовать лишь как виртуальная реальность. То же самое можно сказать о восстановлении в нем «нарушенного единства между богом и человеческой природой». Трудно согласиться и с утверждением Трубецкого о появлении на земле Христа: на земле появился не Христос, а бродячий проповедник Иешуа, Христос появился лишь в головах людей, т.е. в виртуальном пространстве.

Мессия как виртуальная реальность обладает всеми ее специфическими свойствами независимо от ее природы (физической, психологической, социальной и т.д.) — порожденностью, актуальностью, автономностью, интерактивностью.

Порожденность. Виртуальная реальность продуцируется активностью другой реальности, внешней по отношению к ней. Такой продуцирующей реальностью является личность, которая своей сущностью и судьбой как бы предуготовлена создавать потусторонний мир. Человек в качестве порождающей реальности выступает контактной реальностью, но в то же время он приобретает новые качества от им же порожденного, которое становится контактной реальностью в отношении его (например, нормы морали, формулированные Христом). Это обратная связь является объектом философского и психологического исследования. В свою очередь, спаситель создает реальности иных уровней, но в богословии нет единого мнения от том, каковы механизмы такого божественного творения.

Актуальность. Виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь» и лишь пока как активная порождающая реальность.

Потребность человека в спасителе-боге всегда актуальная; на дорелигиозном этапе развития функции бога исполняли различные сверхъестественные существа. Нет никаких оснований думать, что потребность в боге когда-либо исчезнет — она вечна и вечно актуальна.

Автономность. В виртуальной реальности свое время, пространство, законы существования. Для человека, в ней находящегося, нет вневременного прошлого и будущего.

Мессии, особенно христианский и исламский, не просто автономны, но и суверенны. Даже в монотеистических системах мессии в сущности не подчиняются богам; напротив, сами многое творят для управления людьми. У них свое и время, но не профанное, а сакральное, вечность без прошлого и будущее без пределов. Человек, живущий в божественной виртуальной реальности, не

может иметь никакого прошлого, настоящего и будущего вне того, что ему положено священной волей. Мессии всегда «создавали» на земле несметное количество материальных (и весьма наглядных) «признаков» своего существования в виде храмов, алтарей, других святилищ, икон и т.д. Эти «признаки», построенные руками человека, затем психологически отчуждались от него, приобретали особый, исключительный статус и начинали вести автономное существования, иногда даже довлея над ним своим абсолютным совершенством символа.

Интерактивность. Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей как онтологически независимой от них.

Известно, что бог, мессия, вера в них оказывают сильное воздействие практически на все стороны жизни общества: экономику, отношения между странами и народами, воспитание подрастающего поколения, искусство, межличностное общение и т.д. В этом видится психологическая, переходящая в социальную зависимость, причем все указанные сферы ощущают божества так, как будто это телесная или естественная реальность, с которой они вступают во взаимодействие.

Восприятие бога или мессии как виртуальной реальности отдельными людьми характеризуется особенностями, которые исследованы в психологии. Так, обращается внимание на объективированность виртуала: о чем бы человек ни говорил — об изменениях в протекании деятельности, о наплыве чувств, о затемнении сознания и т.п., — он говорит о себе не как об активном начале, от которого исходят эти события, эти мысли, эти действия, а как бы об объекте, которого охватывают мысли, переживания, действия. Рассказ идет о том, что происходит с человеком, о том, чему он оказывается подвластным. Изменяются ощущение собственного тела и ощущение внешнего пространства, характер функционирования сознания. В гратуале (при ощущении пребывания в виртуальной реальности более высокого уровня, чем константная реальность) сфера деятельности человека расширяется, он легко схватывает и перерабатывает весь необходимый объем информации.

Я еще раз обращаю внимание на то, что применительно к перечисленным особенностям речь не может идти обо всех верующих сегодня в бога (Яхве, Аллаха, Христа, Мухаммада и т.д.). Лавочник, имеющий несколько расплывчатые представления о всевышнем и посещающий церковь больше в силу конформистского подчинения традициям, но считающий себя верующим; почтенная мать семейства, обращающаяся к богу или богородице лишь когда болеют ее дети; старушка, которая раньше не очень думала о Яхве или Христе,

а сейчас готовится к смерти, а поэтому не только усердно молится тому, пред которым скоро предстанет, но и откладывает деньги на собственные похороны; наконец, священнослужитель, для которого общение с творцом — столь же рутинная работа, как у продавца или рабочего на конвейере, — все они чаще всего не испытывают особого наплыва чувств и перестройку сознания, у них обычно не происходит также изменения воли, ощущений своего тела и внешнего пространства. Для таких людей общение с божествами и иными потусторонними персонажами — привычки, сформированные воспитанием, профессией и средой, и они негативно отнесутся не только к отрицанию объектов своего поклонения, но даже и к пренебрежению обязанностями по отношению к церкви как к измене духовному, человеческому и гражданскому долгу. Они не мыслят своей жизни вне церкви и всего, что связано с богослужением.

Другое дело — подвижники веры, истово преданные ей, религиозные фанатики, рвение которых позволяет им выйти на иной уровень сознания, а также просто глубоко верующие люди и отнюдь не фанатики, для которых постоянное обращение к богу или спасителю (богу) абсолютно необходимо. Для многих из числа названных характерно затемнение сознания, наплыв особых, ярких, подавляющих чувств, подчиненность (иногда полная) потусторонним силам и убежденность в реальности самых фантастических образов, персонажей и событий. У них могут стираться временные границы между довиртуальными, виртуальными и поствиртуальными режимами. Сам виртуал может поступать как спонтанно, так и в результате специальных усилий, однако время появления соответствующей потребности часто неуловимо. У таких личностей, особенно на высоте переживания, может появиться ощущение оторванности себя от окружающего мира, состояния дереализации с утратой связей с окружающим миром; не исключены и состояния деперсонализации, которые характеризуются нарушением самосознания личности и отчуждением ее психических свойств; мысли, чувства, представления и другое могут переживаться как «сделанные» извне, разными сакральными и иными потусторонними силами, что близко к синдрому Кандинского—Клерамбо.

В описываемых состояниях образы и события виртуального мира вполне могут восприниматься в качестве явлений действительности. Поэтому не следует предполагать лживость человека, искренне убежденного в реальности своих контактов с потусторонним миром. Индивид, который придает значение всему, не имеющему материальной формы, и верит в это, никогда не согласится с тем, что все «это» не имеет места в действительности. Думаю, что такая фанатически заряженная особенность человеческой психики (ее условно

можно назвать мистической) активно используется в подготовке религиозных и иных террористов-камикадзе. Соответствующие состояния свидетельствуют об особом психологическом продвижении при потере или существенном ослаблении контроля сознания.

Но в целом, и это следует подчеркнуть, психологическое общение с божеством, если это действительно общение, а не дань правилам, привычке или приличию, необычно, выходит за рамки повседневности, способно вызывать специфический наплыв чувств, даже особой причастности к чему-то, что лежит за границами понимания, часто дает и ощущение невозможности полностью распорядиться собой. Именно это восприятие необычности придает ему исключительную силу и ценность, делает божество божеством, недостижимо стоящим над всем мирским и суетным, которые тоже находятся в его непререкаемой власти. При этом ощущаемая человеком собственная слабость тоже укрепляет его устремленность к небесам и зависимость от них, этой неиссякаемой для него опоры.

Виртуальная реальность всегда обладает свойствами породивших их субъектов (источников), причем свойствами не случайными или не существенными, а наиболее важными, постоянными, определяющими. Точнее, она полностью наполнена ими и без них просто не существует. Однако вместе с тем ни один персонаж, ни одно событие потустороннего мира не выходят за рамки того, что знакомо человеком, все священные и сатанинские образы суть проекции его личностных черт, переживаний, влечений, надежд, тайных и часто подавляемых порывов его души и, что особо значимо и нужно подчеркнуть, его знаний. Но верующему неведомо, что названный мир разворачивается лишь в его психике, в ней, и только в ней он ведет объективированное существование.

Не могу не согласиться с С.А. Борчиковым, что о виртуальной реальности говорят люди, которые в своей реальной практике познания сталкиваются с определенными трудностями и проблемами, не разрешимыми на том уровне познания, на котором они находятся. Течение их личного познания требует выхода на более высокий уровень, где как-то коррелируются предмет и метод, вводятся новые термины и достигается более адекватное понимание и даже разрешение имеющихся проблем. В такой ситуации одним из новоразрешительных понятий может выступать понятие виртуальной реальности. Конечно, люди тысячи лет познают окружающий мир, и переход с одного уровня познания на другой — не новость, но почти никто до последнего времени не связывал эти переходы с термином «виртуальная реальность». Подобная функция всегда была, только ее роль играли другие метафизические термины, но с

появлением названного нового термина именно к нему эта функция перешла¹.

Хотел бы дополнить, что виртуальная реальность существовала всегда — для человека как его порождение. Однако он далеко не всегда понимает ее, не понимает и того, что она властвует над ним и почему. Сама попытка истолковать эту область бессознательного свидетельствует о том, что он ее не понимает, так как познание, толкование имеет место лишь тогда, когда что-то непонятно. Человек появился в мире, который он не понимал и поэтому пытался истолковать. Впрочем, его движение здесь всегда было к горизонту. Если же жизнь ему кажется очень простой и не требующей познания, он не сдвинется с мертвой точки и никогда не поймет, что во всяком хаосе есть тайный порядок и все сущее основано на противоположностях. Это полностью присуще и виртуальной реальности.

Новым является открытие ее как самостоятельного психического явления, обладающего своей природой, закономерностями, причинно-следственными зависимостями, механизмами развития и воздействия на внешние для нее объекты, в том числе на порождающую ее индивидуальную и коллективную психику, для которой она может стать очень важной частью бытия, иногда — важнейшей. Последний аспект представляется особенно существенным, поскольку под влиянием такой реальности личность и общество могут претерпеть коренные, иногда революционно-разрушительные, последствия. Об этом говорят нацистские и большевистские химеры, изменившие в XX в. лицо мира и унесшие миллионы жизней, об этом свидетельствует и роль религии для человека и человечества. Для отдельных людей (я имею в виду тяжелых психически больных) виртуальная реальность есть единственная действительность.

Несомненно, новым представляется и выделение виртуалистики в качестве самостоятельной области познания. Но возникает вопрос: к каким наукам она относится, в рамках каких наук должна развиваться?

Прежде всего, это не «недород бытия», как пишет С.С. Хоружий². Это и не бытие, не достигшее какого-то уровня, и не нерожденное бытие; это бытие совсем иного рода, иной природы, рожденное, причем полностью, человеческой психикой, индивидуальной и коллективной. Оно обладает огромной обратной силой и становится могучим средством социального, психологического и духовного движения. История магии и религии, оценка их значимости для общества и личности прекрасно доказывают данное утверждение. Идея бога, его образ, вся религиозная мифология виртуальны, по-

¹ См.: Борчиков С.А. Метафизика виртуальности. М., 2000. С. 8—9.

² См.: Хоружий С.С. Род или недород. Заметки к онтологии виртуалистики // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 66.

сколько живут лишь в качестве продукта психики, но никто не осмелится утверждать, что этот продукт является «недородом бытия».

Вместе с тем бог и иные сакральные персонажи суть архетипы. Это означает, что архетипы вообще (т.е. не только религиозной природы) виртуальны, существуют, функционируют на уровне виртуальной реальности. Однако архетипы, равно как и виртуальный мир, не исчерпываются явлениями религиозного порядка. Следовательно, бог и все божественные персонажи являются виртуально-архетипическими явлениями.

По-видимому, это имел в виду К.Г. Юнг, утверждавший, что хорошо известным выражением архетипа являются мифы. Здесь речь идет о специфических формах, передаваемых на протяжении долгого времени. Непосредственные проявления архетипов в мифах значительно менее индивидуальны, нежели, скажем, в сновидениях и видениях. То, что подразумевается под архетипом, проясняется через его соотнесение с мифом, тайным учением, сказкой. Юнг особенно выделяет то, что мифы — в первую очередь психические явления, выражающие глубинную суть души. Она содержит в себе все те образы, из которых ведут свое происхождение мифы¹.

Мифы имеют архетипическое происхождение, они порождаются потребностями человека, которые функционируют в его психике. Психика формирует виртуальную реальность, и в ней заключены священные образы и сами идеи этих образов. Несомненным достоинством мифа является то, что соответствующие образы, идеи, представления он приводит в упорядоченную систему, а церковь обеспечивает ей необходимый организационный статус. Вместе с тем виртуальность создает божественным архетипам недостижимость для обыденного, профанного лицезрения. Божества воздвигаются на захватывающую дух высоту, с которой они способны с особой силой убеждать, направлять, потрясать, устрашать, очаровывать. Но такую силу придает им не только виртуальная высота, но и то, что они архетипичны, т.е. вековечно освящены, приняты, обязательны.

Религиозное знание не есть знание лишь о возможном виртуальном бытии, религиозное знание как виртуальное достоверно, оно представляет собой информацию о несомненной реальности, которая открывается лишь посвященному в данное учение, верящему в него. Эта достоверность подкрепляется мифами, вековой религиозной церковной деятельностью, традициями и обычаями, идущими из глубины столетий. Человек, шагнув в религиозный виртуальный мир, может и не требовать доказательств его действительности, а если они ему понадобятся, их предоставят или он найдет

¹ См.: Юнг К.Г. Об архетипах виртуального бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 98—100.

их сам. Отличительной же особенностью таких доказательств является то, что они обычно из той же виртуальной области, о чем он, скорее всего, и не подозревает. Принятие или отклонение их во многом зависит от состояния души конкретного человека, ее актуальных переживаний, потребностей и влечений, ее понимания смысла жизни. Этот смысл, впрочем, тоже виртуален, он есть нечто (абстрактное этическое, социальное, духовное, в целом психологическое), а его поиски, подчас мучительные, не являются, правда, участью значительного числа людей.

Еще более абстрактно представление о смерти и ее смысле. Смерть, которая, по-моему, принципиально непознаваема, ее образы, символы, содержание в религиозной виртуальной бесконечности смыкаются с богом и образуют единую линию, уходящую в вечность. Между тем предощущение смерти, мысли о ней обладают немалой виртуальной силой, рождают смыслы жизни, иные отношения к извечным ценностям жизни и к богу. Парадоксально, но смысл жизни формирует смысл смерти, что одинаково для верующих и неверующих. Не являются здесь исключением даже некрофильские личности, полностью устремленные в смерть и психологически даже живущие в ней. Христос (в лице христианства) внес некоторые существенные дополнения в представления о смерти. Они стали более конкретными, но все на том же виртуальном уровне и могут рассматриваться как часть мифологии о спасителе.

На первый взгляд может показаться, что бог как виртуальная реальность полностью подчиняет и подавляет личность. Но это лишь отчасти, с помощью психологии можно убедиться в том, что если бы соответствующая виртуальная реальность отражалась лишь в самообразе, она не имела бы столь глобального влияния на все стороны жизни человека и общества. При этом любая виртуальная реальность воспринимается и переживается не как порождение разума, а как объективная данность. Это положение особенно верно по отношению к божествам и всему связанному с ними миру, общение с которыми всегда ощущается как выход за привычные рамки жизни (даже если этот выход постоянно осуществляется неистовым религиозным фанатиком), причем вся сверхъестественная сфера может восприниматься и оцениваться как совершенно не зависящая от человека и даже управляющая им, особенно когда идет речь о священных персонажах.

Идея бога, в том числе бога-спасителя, позволяет человеку вынести часть себя, причем очень важную, за собственные пределы. Личность, совсем не отдающая себе отчета в том, что именно она, а не кто-нибудь другой создала эту внешнюю, внеличную реальность, предоставляет божествам организовывать и упорядочивать свою психическую жизнь. Названная идея активно включается

в размышления, переживания, волю. Для верующего все то, что находится за пределами божественного, в том числе собственные чувства и помыслы, может не иметь существенного значения. Тем более что он располагает большим или меньшим числом достоверных для него сведений, что бог, ангелы, святые, загробный мир реально существуют.

Установка об этом обычно формируется с детства под влиянием родителей, других родственников и близких, уже имеющихся архетипов. Со временем вера в сверхъестественное может крепнуть по мере участия субъектов в религиозных обрядах и праздниках, собственного обращения к божественным персонажам. Может понижаться критичность ко всему, что противоречит вере, и, наоборот, возрастает уверенность в виртуальной подлинности мифологического мира. Вера в бога Христа достаточно специфична и глубока по той причине, что он частично был человеком, а поэтому все земное и тварное ему близки, он лучше других богов поймет людские помыслы и надежды. Во все века человек больше всего страшился смерти, а Христос твердо обещал, что жизнь не прекращается со смертью, а следовательно, вполне можно надеяться на бессмертие. Вера в богородицу, помимо других очень важных причин, определяется еще и тем, что она, будучи «полностью» земной, вознеслась на небо и обрела тот самый статус, о котором люди всегда так страстно мечтали.

Для того чтобы немного приблизиться к пониманию онтогенетических механизмов, с помощью которых человек овладел богом как виртуальной реальностью, я использую концепцию Н.А. Носова относительно способов самоиндивидуализации, которые он обозначил термином «*собь*». Иными словами, это виртуальная реальность, посредством которой человек на разных этапах онтогенеза самоидентифицируется. Генезис человека, по Носову, относительно процесса девиртуализации заключается в том, что до возникновения феномена ее удвоения, т.е. до ее девиртуализации, человек овладевает этой *собью* как новой для себя, а после ее девиртуализации осваивает как уже привычную, лишь расширяя сферу владения этой реальностью, но без качественного сдвига во взаимоотношениях с ней. Новая *собь*, точнее — ее элементы, появляется тогда, когда человек еще продолжает активно овладевать предыдущей реальностью. В принципе процесс овладения любой реальностью может длиться всю жизнь. Каждая следующая виртуальная реальность порождается предыдущей, ставшей константной¹.

¹ См.: Носов Н.А. Манифест виртуалистики. М., 2001. С. 78.

В онтогенетическом плане идея бога может восприниматься человеком постепенно, этап за этапом; вначале, как правило, в результате семейного воспитания. Религиозные задачи, которые ставятся перед ребенком и подростком взрослыми, время от времени усложняются, поскольку воспитатели инстинктивно предугадывают, что, если воспитуемый не овладеет новой собою, а затем не девиртуализирует ее, новое движение к богу будет для него весьма затруднительно. После девиртуализации информация о боге осваивается уже как привычная и позволяет следовать дальше. В свете усвоенного человек по-новому воспринимает окружающий мир и его объективности, он готов к приему новой сакральной информации уже с позиции имеющегося у него религиозного опыта. Внушение же извне осуществляется не только путем «рационального» доказывания существования бога (такие попытки в отношении несовершеннолетних предпринимаются очень часто), но и подавания старшими соответствующего примера.

Здесь возможны отклонения. Индивид может недостаточно освоить виртуальную божественную реальность на данном этапе либо, например, сразу овладеть тем, что находится на значительно более высокой соби, чем та, на которой он пребывает.

Можно предположить, что примерно таким путем шло освоение идеи бога и на филогенетическом пути человечества. Эта идея появилась не сразу, она выросла на весьма благодатной почве многочисленных анимистических и иных верований, которые иногда надменно именуется примитивными, надежд и иллюзий, связанных с магией и затем в основном утраченных, постоянных крушений и вновь обретаемых перспектив. Человек шаг за шагом приближался к созданию образа могучего творца и вседержителя; ему нужно было постоянно останавливаться хотя бы на короткое время, чтобы удовлетворительно интериоризировать весь этот самый сложный духовный капитал, который был создан его же неимоверными усилиями, его неистовыми поисками, срывами и катастрофами, постоянно оживающей уверенностью. Созданные на этом пути священные виртуальные образы подчас были более живыми и значимыми, чем даже внешние предметы. Они порождали такие чувственные и эмоциональные переживания, которые по своей яркости, интенсивности и достоверности не уступали тем, которые вызывались действительным окружающим миром и общением с ним.

Прав Л.П. Гримак, который считает, что

самой первой искусственной знаково-культурной системой организации психики являлась первобытная охотничья магия... Исторический процесс сопровождался характерной тенденцией: взаимодей-

ствии человека с окружающей реальностью все больше опосредует его активностью в сфере символической деятельности¹.

Религиозная активность есть разновидность такой деятельности.

В своих мистических описаниях перехода в новую реальность и обоснования там человека св. Исаак Сирийский отмечает смену духовного статуса. Но в виртуальной реальности можно оказаться временно. Если произошел временный переход на более высокий уровень, то такие моменты переживаются как озарение, прояснение, прилив сил и т.п. Если произошел временный переход на более низкий уровень, то такие моменты переживаются как спад, помрачение, обессиливание и т.д. Понятно, что подобные психические состояния могут быть и не связаны с религиозной жизнью человека, составляя различные уровни его повседневного существования. Вполне возможно, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые для того, чтобы подняться на более высокий духовный уровень, он не покорится человеку. Обязательным условием для такого духовного роста является безоговорочная вера в бога, предполагающая полную покорность ума, чувств, помыслов. С переходом на более высокий духовный уровень сама вера преобразуется, становится качественно иной, укрепляется, личность реально видит то сверхчувственное, которое раньше лишь допускалось существующим.

Из этого видно, что положение нерелигиозного человека, стремящегося к субъективно понимаемому совершенству, будет значительно сложнее, особенно если он не живет собственной внутренней жизнью, если он склонен искать опору для себя во внешнем мире, если он тревожен и мнителен. Такой человек будет уповать на вполне земного идола, декларирующего иллюзорные и лживые ценности. Идол заменяет ему божество и по этой причине мифологизируется. Верующий в него проникается его сокровенной сутью, начинает верить в него безоглядно, что способно выводить на новый виртуальный уровень, тем более что созерцание сокровенного, иные психологические контакты с ним способны перенести в новые измерения.

Давно известно, что определенная категория людей (а это чаще люди толпы) просто не может жить без смертного или бессмертного божества. Иначе неизбежно наступление пустоты, беспорядка, разрушения, ужаса, жизнь может потерять смысл. Такие люди хорошо знают, что одни рождены повелевать, а другие —

¹ *Грицак Л.П.* Супергипноз виртуальной реальности. Виртуальная реальность. Философские и психологические проблемы. М., 1997. С. 109—110.

подчиняться. Подчиняемые испытывают потребность не только и не просто любить и подражать, а, теряя разум, восхищаться и трепетать, в мазохистском упоении отказываясь от себя в более чем смутной надежде хоть немного приблизиться к своему кумиру и владыке. Они ему безмерно благодарны уже за одну только надежду на то, что он вознесет их на новую ступень, т.е. вытолкнет в страстно искомую виртуальную реальность.

Подход к божествам и иным потусторонним силам как к виртуальной реальности, изучение их с этих позиций могут помочь решению различных практических задач, например, связанных с религиозным фанатизмом, который нередко приводит к террористическим и экстремистским проявлениям.

Для указанных целей нужно учитывать, что в виртуалистике и соответственно в ее практической части, аргетее, источник действия предполагается находящимся в реальности следующего, более высокого (а не предельно высокого) уровня относительно рассматриваемого события. В этой более высокой реальности находится виртус — сила, вызывающая данное событие, т.е. казус. В той же реальности, к которой принадлежит казус, есть совокупность многих причин и условий, обеспечивающих существование этого события. Такая модель позволяет выйти за пределы бесконечного ряда причин и следствий, вызвавших данное событие. В силу свойства интерактивности возможно управляющее воздействие со стороны виртуально реальности на константную и, следовательно, виртуальное управление событиями в константной реальности. Виртуальная модель может событиями уровней реальности включать неограниченное количество разных уровней реальности как одного и того же, так и разного типа. Это дает возможность разрабатывать методы виртуального управления как внутри однотипных реальностей, так и между любыми их типами.

В частности, это означает, по мнению Н.А. Носова, что психические структуры могут управлять физиологией человека и даже генетическим аппаратом. Рассмотрение болезни в качестве казуса позволило разработать чрезвычайно эффективные немедикаментозные способы избавления человека от страданий, считающихся морфологическими, — язвенной болезни, бронхиальной астмы, алкоголизма, наркомании и т.д. Носов полагает, что, поскольку с виртуальной точки зрения тело человека является конструктивным материалом для психических виртусов, в виртуалистике может быть поставлена задача разработки методов регенерации больных и утраченных органов человека¹.

¹ См.: *Носов Н.А.* Манифес виртуалистики. С. 11—13.

В качестве казуса вполне можно представить себе агрессивные установки религиозных (этнорелигиозных) фанатиков. Тогда объектом профилактического воздействия, а значит, и предварительного исследования становятся сферы религиозных и мистических верований, которые являют собой виртуальную реальность. Все это нетрудно описать. Несравненно сложнее выявить различные уровни и типы виртуальных реальностей, их соотношения и взаимоотношения друг в другом и с теми «земными» факторами (причинами и условиями), которые тоже воздействуют на данное лицо или группу людей. Я имею в виду непосредственное социальное окружение, семью, воспитателей, друзей и т.д., а также иные социальные и психологические обстоятельства (материально положение, социальные роли, статусы и т.д.).

Итак, бог (и бог-спаситель) как виртуальная реальность может быть таковым лишь в психологическом аспекте. Носители идеи, образа божества — иконы, картины, скульптуры, тексты, музыка и т.д. — ни в коем случае не виртуальны, виртуальны переживания, состояния, мысли, влечения, образы. Иконы, картины, скульптуры, музыка и т.д. могут порождать виртуальный мир, способствовать его появлению. Иными словами, носителями соответствующей информации могут быть физические, химические, технические и иные средства, а сама эта информация (наряду с другими источниками) и рождает виртуальность. Думается, что и любые другие виртуальные реальности могут быть только психологическими, но созданными в том числе с помощью названных действительно реальных средств.

Современные «мессии» — главари преступных режимов

4.1. Вождизм

В XX в. мир столкнулся с явлением, которое в предыдущие столетия хотя и встречалось достаточно часто, но в Новейшей истории, когда мы, казалось бы, избавились от средневековых и тем более первобытных зверств, вновь проявилось в самых чудовищных формах — я имею в виду тоталитарные режимы и их вождей. Исключительность и масштабность их злодеяний особенно поражают потому, что это происходит в тот период истории, который как будто можно характеризовать как расцвет цивилизации, и в тех странах, которые отличались высоким уровнем гуманистической культуры (Россия, Германия, Италия).

Здесь я не буду исследовать причины возникновения тоталитаризма, остановлюсь лишь на количестве его жертв, поскольку это имеет прямое отношение к вождям тоталитарных режимов, более того, именно вожди организовывали и вдохновляли массовые, миллионные (!) убийства людей.

В Германии за годы фашизма и особенно в период агрессивных войн в концлагерях было замучено 11 млн людей других стран и народов. Немецкие фашисты применяли самые страшные, самые изуверские методы истребления: бесчеловечные пытки, газовые камеры, массовые расстрелы у специально вырытых рвов, сжигание вместе с жителями целых деревень, зверское истребление военнопленных, уничтожение людей голодом, холодом, непосильным трудом, сооружение фабрик смерти, садистские опыты над живыми людьми. С особым остервенением действовали нацисты против евреев и народов временно оккупированной территории нашей страны. По отношению к завоеванным народам, особенно славянским, по существу было введено рабовладение.

А как же в отношении своего народа? По нацистским данным (заниженным, как считают отечественные историки), в июне 1941 г. было брошено в тюрьмы 8817 немецких антифашистов, в сентябре — 11 609, в октябре — 10 776. В 1940 г. было казнено 306 человек, в 1941 г. — 1146, а в 1942 г. — 3393. Неудавшееся покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. повлекло за собой массовые репрессии, было казнено до 50 тыс. человек.

Большевистский террор против народов других суверенных стран (например, Латвии, Литвы, Эстонии, Чехословакии) тоже, конечно, имел место, но он не носил, как у немцев, характера массового геноцида, одним словом, не было планового уничтожения «иног» населения, в том числе германского. Были отдельные карательные акции советской охранки, в том числе очень крупные, такие как уничтожение 15 тыс. польских офицеров в Хатыни, были отдельные вспышки жестокости со стороны военнослужащих во время Великой Отечественной войны, были эксцессы и очень часто со стороны тех, кто потерял во время войны родных и близких. Что касается родного народа, столь, казалось бы, любимого, зверства против него превзошли все мыслимые рамки: по подсчетам отечественных специалистов, за годы сталинского правления было уничтожено около 30 млн человек.

В период коммунистического тоталитаризма, по данным историка В.Н. Земскова, страна была превращена в огромный концлагерь, а население обращено в рабов: к началу войны число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составило 2,3 млн человек, в сентябре 1948 г. — 2 258 957 человек, т.е. их численность оставалась стабильной. В это число не включены лица, проходившие проверку и фильтрацию в спецлагерях НКВД, переименованных в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря. С момента их организации в конце 1941 г. и до октября 1944 г. через них прошло 421 199 человек. По состоянию на 1 января 1945 г., в этих спецлагерях проходили проверку 71 398 человек. Кроме того, значительное количество людей содержалось в тюрьмах, на июль 1945 г. там было 263 819 заключенных, на январь 1947 г. — 304 386. За 1939—1951 гг. (нет сведений за 1945 г.) в тюрьмах умерло 86 582 человека. В 1947 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа находилось 14 630 детей заключенных женщин и 6779 беременных женщин.

За годы гражданской войны в Китае погибло 1,5 млн человек, а после захвата власти Мао Цзэдуном — 2 млн в период «большого скачка» и «народных коммун», 1 млн — в период кампании против национальных меньшинств, 500 тыс. — во время «культурной революции», 15 млн (по другим подсчетам, 25 млн) было уничтожено в «школах перевоспитания».

Главарям тоталитарных режимов (Ленину, Сталину, Гитлеру, Муссолини, Мао Цзэдуну и другим более мелким тиранам) приписывались такие особенности, как непогрешимость, доходящая до святости, мудрость, естественно перерастающая в гениальность, доброта, граничащая с самопожертвованием, прозорливость, даже содержащая мистическое предвидение и не нуждающаяся в разумных доказательствах, справедливость, органически связанная с

бескорытием, и, конечно, необычное личное могущество. Легко угадать, что в каждом таком случае речь идет о *культе, обожествлении деспота*, наделении его свойствами, которых у него чаще всего не было и в помине.

Так, непогрешимость, святость и доброта в действительности оказываются неумолимой жестокостью и свирепостью, грязным развратом и полным забвением нравственных ценностей, мудрость и прозорливость — элементарной безграмотностью и неумением адекватно оценивать реальность, прогнозировать будущее и т.д. Однако проблема здесь отнюдь не в наличии или отсутствии каких-то качеств, а, повторяю, в обожествлении правителя путем приписывания ему необходимых для этого качеств в целях полного подавления других и тиранического правления.

Предтечи обожествленного вождя или правителя можно найти в древних деспотиях. Обожествление, например, древнеегипетского фараона требовало, чтобы и он сам был совершенным во всех отношениях: непобедимым в битвах, всезнающим, справедливым администратором с безукоризненным здоровьем. Всякая слабость рассматривалась как признак негодности его тела к божественной роли, и он мог быть устранен. Божественный статус не предохранял его даже от колдовства. Так, известен случай, когда фараон Сети II попросил магов уберечь его от проклятия. Как и обожествленные правители других африканских народов, фараон обладал неограниченной властью благодаря вере в его божественное начало, но эта вера требовала, чтобы и он был самым совершенным из всех людей.

Обожествление вождя встречается у народов, стоящих на примитивном уровне развития. Этнологи отмечают, что в доколониальный период истории Африки возник культ личности социального лидера, и в первую очередь верховного вождя, который был тесно связан с такими идеологическими представлениями, как культ предков и магия. В результате эти лидеры наделялись сверхъестественными способностями влиять на судьбы людей и тем самым получили возможность оказывать сильное психологическое воздействие на поведение подчиненных членов управляемой им страны.

Современный вождь-тиран — это не человекобог или богочеловек, как его понимали древние люди, видевшие в них, как справедливо отмечает Д.Д. Фрезер, лишь более высокую степень присутствия тех же самых сверхъестественных способностей, которые он без малейших угрызений совести присваивает себе. Маленький человек, человек толпы, обыватель даже не смеет предположить, что у него могут быть такие же способности или качества, которые есть у вождя современного тоталитарного государства. Это тем

более верно, что в таких государствах боги отцов (например, Христос) давно предаются поруганию. Вождь для человечка толпы — это нечто среднее между богом и могущественным волшебником. При всех условиях это сверхчеловек, он воплощение тех вождельней, которые обыватель весьма смутно ощущал в себе. То, что многие сверхчеловеки вышли из низших слоев общества, не только не отталкивало толпу, а сближало с ней — ведь и она в основном состояла из людей низкого ранга. Впрочем, и в древности некоторые боги относились к этому рангу. Так, в Индии один бог начал свою земную жизнь в качестве отбельщика хлопка, а Христос был сыном плотника.

Естественно, что в современном демократическом обществе такое абсолютно немислимо. Обожествленный же образ правящего идола начинает удивительным образом напоминать одну из главных архетипических фигур — Отца, который мог олицетворять грозные силы природы, быть шаманом, магом, богом или правителем, но всегда неумолимым хозяином первобытной орды. Он во всех случаях прав и внушал страх — парализующий, пронизывающий, уничтожающий, не дающий ни малейшей надежды на пощаду. Все остальные — маленькие, ничтожные, вечно подчиненные дети, Отец их породил и волен полностью распоряжаться их жизнями и судьбами. Страх перед ним навсегда въелся в человеческую душу, успешно прокладывая дорогу очередному тирану.

Бессознательная тоска по Отцу в принципе присуща всем людям и составляет психологическую основу веры в бога, помогая в то же время самым различным проявлениям деспотизма. Это извечная тоска по могущественному и справедливому Отцу, который, несомненно, защитит и решит все проблемы. Вера в него пробуждается уже в детстве с первыми жизненными трудностями и с первыми страхами. Развенчание или заметное ослабление Отца наносит огромный ущерб человеку, и именно по этой причине люди часто свергают царей, которые были не в состоянии олицетворять грозную нечеловеческую силу и тем самым обеспечить былое величие. Кстати, такая же участь постигала и богов, если они оказывались неспособными выполнить возложенные на них функции. Сами тираны достаточно умело и продуманно эксплуатировали стремление к Отцу, хотя и не оценивали это в современных психологических категориях, укрепляя тем самым свою власть.

Отец — вообще-то фигура универсальная и нейтральная, это архетип рациональности, порядка, организации, это то, что вносит в жизнь четкость, взвешенность и ясность, оттесняя бурную стихию эмоциональности, непродуманности, чрезмерной увлеченности. Поэтому его нередко изображают мудрым и спокойным

старцем, наподобие микеланджеловского Моисея, пастыря и учителя людей, уверенно выводящего их из египетского плена хаоса и заблуждений в обетованную землю упорядоченности.

Крайне негативный вариант Отца — фашистский правитель, недвусмысленной и железной рукой проводящий только свою логику и свое видение жизни. Оснащение его цветистым «прилагательным», наподобие «вождь мировой революции», «великий учитель», «отец народов», «лучший друг», «великий кормчий» и т.д., отражает именно такую его роль. Причем тоталитарный правитель в некоторых областях жизни действительно устанавливает порядок и четкость, но это зачастую кладбищенский порядок, а четкость повторяет контуры могил. Это порядок, не терпящий никакого другого порядка, это организация, уничтожающая всякую другую организацию, если она не подчиняется ей. Это некрофильский порядок, который живет только насилием и жестокостью.

Совпадение отношений человека к тоталитарному правителю и к божеству или могущественному духу будет тем более очевидным, если иметь в виду, что речь сейчас идет о боге не гуманистической, а авторитарной религии. В ней, как писал Э. Фромм в работе «Психоанализ и религия», бог — единственный обладатель того, что первоначально принадлежало человеку: он владеет его разумом и его любовью. Чем совершеннее бог, тем несовершеннее человек. Человек проецирует лучшее, что у него имеется, на бога и тем самым обедняет себя. Теперь вся любовь, мудрость и справедливость принадлежат богу, человек же лишен этих качеств, он опустошен и обездолен. Начав с чувства собственной малости, он стал теперь совершенно безвластным и лишился силы; все его силы отданы богу.

Подобное отношение к богу или деспоту с полным правом можно назвать даже мазохистским, поскольку божество, идол, кровавый правитель возносятся на невиданную высоту. Поклоняющиеся им — маленькие, ничтожные букашки, эмоции и интересы которых всегда связаны со стремлением к полному и безоговорочному растворению в объекте поклонения. Согласно Р. Краффт-Эбину, выдающемуся психиатру и основоположнику сексопатологии, мазохизм особенно часто встречается среди немцев и русских. То же самое о русских писал Н.А. Бердяев. Конечно, речь идет не о сексуальном мазохизме, а о той его разновидности, которую можно назвать социально-психологической. Она включает в себя религиозный и политический мазохизм, а последний я понимаю как безусловное поклонение власти — любой! В том числе вождям самых бесчеловечных систем, наделение их качествами необыкновенной мудрости и доброты, восприятие их жестокости и того, что мы называем подлостью, как необходимых и полезных. Наверное, та-

кой мазохизм свойственен немцам и жителям России, допустившим абсолютную диктатуру Гитлера, Ленина и Сталина и раболепное поклонение им. Но не только представители этих наций способны млеть от восторга перед своими государственными идолами. Эти же черты можно обнаружить у многих азиатских народов, например у китайцев, и вообще в тех странах, где слабы демократические институты. Демократия и политический мазохизм несовместимы.

Тоталитаризм с психологической точки зрения, с позиций отношения к нему личности, с такими его реалиями, как вождизм, т.е. культ Отца, непогрешимость идеологических ориентиров, фетишизация и ритуализация жизни, строгая регламентация поведения и необходимость слепо следовать определенным нормам, поклонение и возвеличение силы, вполне может быть приравнен к доцивилизованным верованиям. Гражданин тоталитарного государства признает, как и при названных верованиях, некую высшую силу, но не на небесах, не в природных объектах, а среди живых людей, которая управляет его судьбой и требует почитания и послушания. Предписание полной капитуляции перед властью, презрение самого себя и ощущение собственного бессилия прямо вытекают из того, что власть господствует. Но не нужно думать, что каждый человек тяжело переживает свое угнетение. Напротив, во многих случаях повиновение сильной власти дает ему возможность избежать одиночества и ограниченности, обрести ощущение защищенности, приобщенности к тому, что обладает могуществом, самому приобрести власть и материальные выгоды.

Как и религия, тоталитаризм активно и целенаправленно насаждает *фанатизм*, и люди, охваченные им, исповедуют по существу культ тотема, который представляется им вполне рациональной системой. Но очень важно отметить, что тоталитаризм осуществляет возврат к более древним, а не современным верованиям. Можно ли поэтому считать, что последние препятствуют подобному возвращению? В определенной степени это так, и, по-видимому, по данной причине также фашизм и большевизм неумолимо боролись с христианством. Однако верно и то, что, с одной стороны, сами современные религии неизменно сохраняли частицы прошлых верований, для многих из которых нынешние церковные постулаты и ритуалы иногда выступают лишь в качестве внешнего обрамления. С другой стороны, и в ныне господствующих теистических системах сохраняется достаточно сильный авторитаризм, требующий полного и безоговорочного растворения личности в вере. Так, согласно евангелисту Луке, Иисус говорил: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк., 14: 26).

Разумеется, это не единственный в Библии образец отношения к близким и к самому себе, в ней можно найти прямо противоположные призывы любить, и такие противоречия в общем-то не удивительны в столь крупной книге, написанной разными авторами и в разные эпохи. С. Кьеркегор трактует слова Луки как требование реализации абсолютного долга перед богом и к тому же рассматривает эти слова как парадокс. Абсолютный долг может привести к тому, что запрещает этика, но он никоим образом не может привести рыцаря веры к тому, чтобы отказаться от любви. Можно сказать, что здесь в завуалированной форме содержится пожелание любить мать, отца и других близких, и только в этом случае жертва любящего будет угодна богу. В этом Кьеркегор усматривает параллель с Авраамом и Исааком: последний только в том случае годится в качестве жертвы, если он любим отцом.

Кьеркегор предлагает сугубо богословское понимание призыва Луки. Однако вполне возможны и иные его толкования, в первую очередь действительный отказ от родных и близких и безоглядная передача наиболее чтимых ценностей божеству, а при тоталитаризме — вождю, государству, системе, которые обычно сливаются в единое грозное целое. Полное и безоговорочное подчинение этому исполину (богу в том числе) означает, что ради него человек может и должен предать самых любимых и дорогих, пожертвовать и свою жизнь. Ничего лучшего тоталитарный режим не может и пожелать себе. Вождь, венчающий систему, всегда жаждет жертв, приносимых с такой радостью. Более того, ему часто кажется, что их еще мало, потому что еще не насытилась его некрофильская натура, а поэтому совершаются новые убийства, творятся новые беззакония и жестокости, которые затмевают предыдущие. Многие из них внешне кажутся бессмысленными и ненужными, но в действительности они подчинены внутренней железной логике — устрашения и вместе с тем умиловления тех сил, которые безжалостной рукой управляют людьми, сил, которые олицетворены в системе и в вождях. Это массовое уничтожение людей и духовных ценностей можно представить себе и как жертвоприношение.

Вождизм в современном тоталитарном обществе имеет свою структуру, строгую и продуманную.

Прежде всего, всю систему власти венчает верховный вождь, который может быть полным ничтожеством, но «по должности» всегда получает положенную ему дозу фимиама. Очень часто его действительные функции внешне как бы не связаны с официальным постом. Вслед за ним идут руководители помельче, но все они вожди и составляют элементы единой системы вождизма, т.е. все эти лица, обладающие неограниченной властью в пределах, определенных сверху, причем они никогда не избираются, а всегда назна-

чаются. Вождизм — это не только один высший вождь, но и система вождей. Правда, нижестоящие вожди не обладают той силой и властью, что верховный, но и они способны навести трепет.

При всепоглощающем и всеохватывающем вождизме коммунистического общества Ленин и Сталин были наделены таким атрибутом, как *бессмертие*. Помещение их в мавзолей есть не что иное, как попытка сохранить «живых» богов и увековечить их культ. Вся связанная с этим довольно сложная и красочная атрибутика, многочисленные и людные церемонии, почетная охрана, постоянное возложение венков, тысячные очереди «жаждущих узреть» и т.д. — все направлено на вековечное торжество этих «богов» (правда, одному удалось пролежать там недолго) и их учения.

Стремление сохранить среди живых тела умерших не представляет собой ничего нового. Так же поступали в древности, и так делают современные дикари, если предметом их поклонения являются, например, предки и духи предков. В этом случае стараются в более или менее сохранном виде оставить себе тела покойников. Русский путешественник Д. Альбертис, странствуя в XIX в. по Австралии, сделал следующую запись: «В то время как в местах, посещаемых европейцами, туземцы обыкновенно предают покойников погребению, в более отдаленных местечках их сохраняют в бальзамированном или, вернее, в высушенном состоянии внутри хижины. Мне показали один такой труп, висевший на лестнице посередине хижины. В полутьме, царствовавшей в помещении, глаза усопшего, искусно раскрашенные, казались живыми. Грудь его была украшена ожерельем, а руки и ноги — браслетами из раковин, на голове находилась корона, сплетенная из сухих трав и раскрашенная в яркие цвета. От времени до времени мумию раскрашивают красной известью в смеси с маслом из кокосовых орехов».

Не правда ли, это описание нам кое-что напоминает? Но дикарское отношение к покойникам содержит в себе и определенную надежду на то, что жизнь не кончается со смертью, хотя, конечно, древние австралийцы не смогли бы объяснить, как это может быть.

Как и в любой развитой системе верований, в коммунизме (большевизме) существовали первостепенные высшие боги — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, но среди них верховным божеством, во всяком случае в СССР, следует признать Ленина, но в конце XX — начале XXI в. уверенно «победил» Сталин, ставший теперь кумиром толпы. Точно так же, как это было в древности и в Средние века, любое посягательство на этих богов, их хуление, неуважение или пренебрежение к ним, сомнение в их мудрости преследовались очень строго, вплоть до смертной казни. Иначе и не могло быть, поскольку покушение на вождя есть сотрясение системы.

В коммунистическом пантеоне имелись боги помельче (Дзержинский, Свердлов, Киров и др.), причем на соответствующий пьедестал старались возводить тех, кто рано сошел с исторической арены и по этой причине не мог составить конкуренцию нынешнему вождю.

Важная задача вождей всех рангов и уровней — *поддержание культа главного вождя*, принципов и системы вождизма как непререкаемых условий их собственного существования. Такой же заботой обеспечиваются ритуалы и символика, важность которых трудно переоценить. Верховный вождь воспевается даже в тех случаях, когда он представляет собой полную серость (Брежнев, Черненко) и это не составляет тайны ни для кого.

Вообще, что такое вождь? В самом этом слове определенно заложено нечто доисторическое. Оно относимо к тем отдаленнейшим временам, когда предводитель (лидер) возглавлял еще не оформившееся государство с его нечеткой структурой, неразделенными ветвями власти, без регулярной армии, налаженного учета населения, признанными границами, а еще раньше — племя, род, общину, народность без упомянутых выше тех атрибутов государства, которые характерны для поздних этапов развития человечества. Именно на этих поздних этапах появляются короли, императоры, цари, владетельные князья, еще позже — президенты, премьер-министры и т.д. Вот почему для нетоталитарного сознания «вождь» звучит как «предводитель» или даже «главарь». Французский король Людовик XIV или русский царь Александр I были бы, наверное, оскорблены, если их называли бы вождями. Однако Гитлер и Сталин, Ким Ир Сен и Мао Цзэдун, Кастро и Каддафи как раз так себя именовали.

Современный деспотический вождь и вся система вождизма не могут, как известно, функционировать без *мифа (мифологизирования)*, поэтому прилагают все усилия, чтобы сформировать, развивать и поддерживать его. А. Буллок, известный английский историк, справедливо писал, что никто не относился к «мифу Гитлера» с такой серьезностью, как сам Гитлер, равно озабоченный и тем, как миф внедряется в сознание народа, и тем, какова была реакция народа на распространяемую легенду. Прежде чем принять какое-либо решение, он тщательно оценивал, как оно могло повлиять на общественное мнение, как могло отразиться на образе «фюрера». Для старой гвардии, более молодых активистов партии и СС именно в фигуре Гитлера, которую они продолжали видеть в мифическом свете, воплощалась сокровенная «идея нацизма». Точно такие же или почти такие же явления наблюдались и в культе личности Сталина.

Вождь, в том числе современный, это обличенный неограниченной властью руководитель наименее демократического и в то же время наименее развитого государства, если иметь в виду его цивилизованные формы и принципы. Вождь обладает всеми признаками архетипа Отца, но грозного, сурового, кажущегося справедливым и мудрым. В этом своем качестве он выступает как олицетворение несоциализированных или недостаточно социализированных сил природы, враждебных желанием и интересам современного человека.

Очень интересно и информативно отношение одних тиранов к другим. Гитлер, например, всегда отзывался о Сталине с восхищением и даже во время войны называл его гением и тигром, особенно ценя в нем холодную жестокость. По свидетельству одного из подручных Гитлера — Шпеера, Гитлер несколько раз говорил, что после победы над Россией Сталину можно было бы доверить управление этой страной, разумеется, под германским верховенством. Черчилль же фюрер считал шакалом и «бездарным, спившимся демагогом», а Рузвельта — «сифилитическим паралитиком».

В 1939—1940 гг. Гитлера все больше интриговал его кремлевский партнер. Сталин был единственным мировым лидером, о котором фюрер хотел знать все. Однажды в близком кругу Гитлер сказал: «Этот Сталин — скот, но вы должны признать, что он выдающийся человек». Геббельс в своем дневнике записал 8 марта 1945 г., т.е. в весьма критические для гитлеризма дни: «Сталин кажется мне большим реалистом, чем англо-американские безумцы». Сталин до войны 1941—1945 гг. тоже одобрительно отзывался о Гитлере. Такое взаимопонимание вполне понятно, учитывая психическую и политическую близость этих тоталитарных лидеров, совпадение их функций и методов достижения целей.

При всей схожести дел и личностей Сталина и Гитлера это были, конечно, разные люди, что выражалось и в их отношении к окружающим. Например, Гитлер в отличие от Сталина старался быть верен дружбе, помнил своих старых приятелей, помогал им и уж, во всяком случае, не убивал своих соратников, если они не представляли опасности для него. Если же судить этих двух людей по содеянному, то в сравнении с каждым из них царь Ирод выглядит защитником детей, а карточный шулер — человеком чести.

Дело, конечно, не только и не столько в сходстве вождей и их отношении друг к другу, взаимной констатации пользования одними и теми же методами. Между фашизмом (нацизмом) и большевизмом (коммунизмом) как движениями и доктринами вообще очень близкое родство — идеологическое, нравственное, политиче-

ское, психологическое, экономическое. Вот что говорил Гитлер в многочисленных беседах с Г. Раушнинггом.

«Я учился у большевиков. Я не боюсь говорить об этом. Люди в большинстве своем всегда учатся у собственных врагов». «... Между нами и большевиками больше сходства, чем различий. Прежде всего — истинный революционный настрой, который еще жив в России, свободной от происков всякой пархатой социал-демократии. Я всегда принимал во внимание это обстоятельство и отдал распоряжение, чтобы бывших коммунистов беспрепятственно принимали в нашу партию». «Я не боюсь разлагающего воздействия коммунистической пропаганды. Германия и Россия удивительным образом дополняют друг друга. Они просто созданы друг для друга». «Я не просто борюсь с учением Маркса. Я еще и выполняю его заветы. Его истинные желания и все, что есть верного в его учении, если выбросить оттуда всякую еврейскую талмудистскую догматику... Я многому научился у марксистов, и я признаю это без колебаний... Я учился их методам»¹.

В системе вождизма нет места разделению властей, т.е. вожди обладали всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. Правда, в СССР и фашистской Германии существовали суды, но они находились под определяющей дланью партии. К тому же в этих странах господствовала внесудебная расправа, например, Сталин и соучастники его преступлений сами составляли списки лиц, подлежащих уничтожению. 26 июня 1942 г. постановлением рейхстага Гитлеру были даны неограниченные полномочия в качестве «Верховного судьи», т.е. он официально соединил в себе все три ветви власти.

Создание мифов о лжемессиях представляет собой длительный процесс с только ему присущими особенностями и в соответствии с культурой (традициями, обычаями, стандартами, художественной культурой и т.д.) данной. Вот как описывает начало формирования культа Гитлера М. Штайнер.

«Образ «Гитлера над Германией» (заголовок в нацистских газетах), облетающего страну в самолете «Люфтганзы», добытом при содействии Геринга, произвел на толпу впечатление. Необходимо подчеркнуть: умелое использование технических достижений — радио, пластинок с речами фюрера и Геббельса и фильмов, — марши и энергичная музыка, армия ораторов, выступавших в каждом городском квартале и каждой деревне, огромные «мерседесы», срежиссированные уличные стычки, обеспечившие НСДАП «мучениками» (в одной из таких погиб член партии Хорст Вессель, дав свое имя гимну нацистов) знамена и так далее и тому подобное — все

¹ Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 131.

это нагнетало вполне определенную атмосферу. Культ Гитлера был лишь вершиной айсберга — скрупулезной организационной работы».

Сами мифы были в первую очередь адресованы германской толпе, но не только ей, в период борьбы за власть нужно было склонить на свою сторону еще аристократию, политиков, промышленников и предпринимателей, верхушку армии. Но именно в этот период Гитлеру остро необходимы были голоса избирателей, а поэтому он особенно старался угодить им, т.е. толпе. Потом появилась острая нужда в толпе как в пушечном мясе, но нельзя забывать, что германский фюрер был фантастически самолюбив и тщеславен, поэтому поклонение ему людской массы было чрезвычайно важно. После захвата власти воспевание Гитлера шло по нарастающей — в средствах массовой информации, во всех официальных документах, в деятельности «общественных» организаций и движений, наглядной пропаганде, изобразительном искусстве и т.д.

Однако нельзя забывать, что поражение в Первой мировой войне многие немцы переживали очень болезненно, как национальную катастрофу. Поэтому немалые успехи Гитлера еще до нападения на СССР восторженно воспринимались толпой, а он сам воспринимался как спаситель страны и ее чести. Толпа обожала Гитлера вполне искренне, как, впрочем, и советского тирана Сталина — другая толпа.

Германская толпа верила, что Гитлеру удастся сделать то, что не удавалось политикам Веймарской республики: вывести страну из политического упадка и разорения и вновь создать великую державу. И он не обманул ее ожидания, и не было, казалось бы, внутри Германии и вне ее силы, которая могла бы остановить его. Что касается репрессий и расправ над неудобными, то их толпа просто отбрасывала, поскольку у нее уже сформировалась установка все видеть в определенном свете, т.е. оценить деяния вождя только как положительные. Что касается интеллигенции, во всяком случае той, которая умела критически мыслить, а поэтому отрицала нацизм, к ней Гитлер относился с презрением. Профессоров же называл «оторванными от жизни кретинами». Точно так же отзывался об этой части интеллигенции, особенно юристах, Ленин — он их определял как «полезных идиотов».

Культ вождя Ленина толпе навязывался коммунистической властью, поскольку ей остро нужен был высокий авторитет, с помощью которого и от имени которого можно было бы оправдать свои антинародные действия, в том числе жестокие репрессии. Вначале Ленина мало кто знал, толпе он был почти неизвестен, зато быстро стал набирать в ней вес. Причем Ленину и коммунистам (больше-

вика) совсем не было нужды переманивать на свою сторону интеллигенцию, аристократов или военных — с помощью массовых репрессий они были попросту уничтожены или изгнаны. Поэтому Ленин и большевики почти сразу же после захвата власти остались один на один с толпой, которую относительно легко можно обмануть, запугать, подать ложную надежду, внушить нужную мысль или идею и т.д. Эти задачи начали решаться при Ленине и Лениным, а всю работу по их решению развернулись при Сталине.

На создание культа этих «мессий» были брошены все силы, идеи об их исключительности и острейшей необходимости прививались с детства, в детских садах и через семью, а в полном объеме были развернуты в школе и других учебных заведениях с помощью наглядной агитации, художественных произведений, топонимики и т.д. Толпа попадалась в эти сети, как муха в паутину.

Победа в Великой Отечественной войне еще выше вознесла Сталина — он стал восприниматься толпой как надтелесный спаситель, «гениальный» полководец, приведший к победе над грозным и коварным врагом, более того, сотворившим эту победу. Ему, и только ему приписывали ее.

Возьму на себя смелость утверждать, что изложенные здесь соображения относительно вождей и вождизма разделяют все демократически мыслящие люди. Но есть и другой взгляд на эти явления, в частности изложенный российским фашистом В.Б. Авдеевым, который постоянно и безнаказанно упражняется в возвеличивании германского нацизма и его фюрера. Под его редакцией (а в сущности, руководством) издается серия книг «Библиотека расовой мысли», в частности, издан сборник статей «Философия вождизма»¹. В ней собраны работы немецких лжеученых гитлеровской эпохи, в которых якобы раскрывается сущность вождизма и его полезность.

Авдеев открывает сборник своей достаточно большой статьей. Она начинается знаменательными словами: «Несмотря на все ухищрения современной демократии, тема Третьего рейха продолжает пленять и завораживать умы современников, а личность Адольфа Гитлера остается одной из самых популярных в исторической литературе (?! — Ю.А.). Однако абсолютно большинство публикаций носит откровенно паранаучный, шарлатанский характер, придавая этой эпохе некий дьявольско-мистический характер»².

Авдеев просвещает читателя, что «государственная иерархическая пирамида Третьего рейха состояла из главного вождя, многочисленных вождей разных уровней соподчинения, партийной элиты и инициированных масс немецкого народа, включающих инициации

¹ См.: *Философия вождизма*. Хрестоматия по вождеведению. М.: Белые альфы, 2006.

² Там же. С. 3.

рованные массы покоренных народов. За основу устройства была взята организационная структура Ордена Ассасинов — религиозной секты, возникшей в Персии в 1090 г. Пропаганда и политические методы обеих систем были в сущности аналогичны»¹. Авдеев забывает добавить, точнее — намеренно не указывает, что ассасины действовали в первую очередь с помощью террора и убийства — точно так же и в возлюбленном им Третьем рейхе. Вообще, все статьи этого автора, как и других опубликованных в сборнике работ, совершенно игнорируют полный крах и разгром гитлеровской империи и всей нацистской системы. Опираясь на высказывания ряда гитлеровских «специалистов» по вождизму, Авдеев считает, что «вождь — это инкарнация народной воли», «вождь — это тренер народной воли», поскольку «человек — это животное, нуждающееся в вожде». Наличие же «психически концентрированного образа вождя в народном сознании ведет к формированию доктрины уважаемого и респектабельного национализма, возводимого в ранг официальной государственной политики»².

Трудно без возмущения читать помещенные в названный сборник статьи с позволения сказать «специалистов» по вождизму, после них, как говорится, хочется вымыть руки. Они все вызывают такое отношение, но одна из них вызывает особый гнев — речь Г. Франка, одного из главных германских преступников, палача Польши, повешенного в 1946 г.

4.2. Тираны — лжемессии нашего времени: убийцы, некрофилы, людоеды

Любой кровавый деспот, современный в том числе, является таковым в первую очередь потому, что может послать на смерть других. Он еще должен внушать страх — страх быть в любой момент уничтоженным, и за этот страх его, как это ни парадоксально, почитают. Поэтому властитель время от времени убивает или применяет иные репрессии, желательнее суровые. До тех пор пока ему это позволяют, он может быть спокоен. Чем больше тревожен властелин, тем чаще он должен убивать, и каждое убийство прибавляет ему не только уверенности в своем положении, но и силу, поскольку он пережил казненных, что особенно для него ценно в тех случаях, когда казнят политических его противников и конкурентов.

У главарей современных деспотий есть одна личностная черта, которая заслуживает самостоятельного и глубокого анализа не

¹ *Философия* вождизма. С. 17.

² Там же. С. 18—20.

только потому, что позволяет обнаружить их связь с далеким прошлым, но и потому, что оказывает самое существенное влияние, причем крайне трагическое, на судьбу народа и страны, которые оказались под их пятой. Я имею в виду некрофилию вождей, но не сексуальную, выражающуюся во влечении к женским трупам с целью соития с ними, а асексуальную. Кстати, этот вид некрофилии, теория которой разработана Э. Фроммом, к сожалению, мало использовался в нашей стране для понимания тирании и личности диктатора.

Фромм в своей книге о Гитлере определяет некрофилию «как страстное влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто механическому. Таково стремление расчленять живые структуры»¹. Фромм анализирует некрофильские сновидения, непреднамеренные некрофильские действия, некрофильский язык, обожествление техники. Это исходное определение, которое автор дополняет весьма существенными особенностями: влечение к мертвым и разлагающимся объектам наиболее отчетливо проявляется в сновидениях некрофилов; некрофильские побуждения порой явственно прослеживаются в произвольных, «ничего не значащих действиях», «в психопатологии обыденной жизни», где, по мысли Фрейда, проявляются вытесненные желания; на все жизненные проблемы некрофил всегда, в принципе, отвечает разрушением и никогда не действует созидательно, осторожно, бережно; в общении он обычно проявляет холодность, чопорность, отчужденность, реальным для него является прошлое, а не настоящее; у такого человека специфическое выражение лица, неподвижное, маловыразительное, каменное, он обычно неспособен смеяться; наиболее употребляемыми в некрофильском лексиконе являются слова, имеющие отношение к разрушению или же к испражнениям и нечистотам; некрофильские личности преклоняются перед техникой, перед всем механическим, предпочитая живой природе и живым людям их изображения, отрицая все натуральное.

Как мы видим, Фромм имеет в виду не только и даже не столько некрофильские поступки, сколько некрофильский характер, соответствующую личность, которая может реализовать в поведении заложенные в ней тенденции. Наверное, не у каждого человека, склонного к разрушению и всему мертвому, имеется полный набор перечисленных качеств, достаточно, чтобы в нем присутствовали наиболее важные из них. Точно так же далеко не каждый душегуб всегда движим ненавистью к своим жертвам. Фромм в связи

¹ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 385.

с этим приводит более чем красноречивый пример с фашистским преступником Эйхманом. «Он был очарован бюрократическим порядком и всем мертвым. Его высшими ценностями были повиновение и упорядоченное функционирование организации. Он транспортировал евреев так же, как транспортировал уголь. Он едва ли воспринимал, что речь в данном случае идет о живых существах. Поэтому вопрос, ненавидел ли он свои жертвы, не имеет значения». Такими же убийцами без страсти были и многие начальники фашистских и большевистских концлагерей, которые делали то, «что поручила им партия». Конечно, среди подобных служителей смерти были и есть садисты, которые наслаждаются мучениями жертв и относятся к тому же племени некрофилов.

Фромм на примере Гитлера блестяще доказал наличие некрофильских личностей и некрофильского характера. Совершенно очевидно, что такой личностью может быть не только сексуальный преступник или убийца, стреляющий по толпе, но и многие преступные правители, организующие разрушения и уничтожение людей.

Подобно Гитлеру, некрофилом был и Сталин. Он страстно тяготел к смерти, ко всему гибнущему, разлагающемуся, активнейшим образом разрушая и уничтожая, от чего испытывал величайшее удовлетворение. В отличие от Гитлера наш «вождь» намного больше уничтожал свой народ, спокойно, планомерно, безжалостно убивал своих бывших соратников и свое ближайшее окружение, родственников своей первой жены и своей второй жены, жен своих подручных и верных слуг, был совершенно равнодушен к голоду и страданиям народа. Подобно возбудимым психопатам, этот преступник создавал и провоцировал взрывоопасные, конфликтные ситуации либо просто выдумывал их и «изобретал» всевозможные разговоры и многочисленных врагов, чтобы потом бешено реагировать на них, с наслаждением физически уничтожая «виновных». Последних было очень много, причем в их роли могли выступать целые народы или отдельные социальные группы. Ради этого строились интриги против других стран и совершались нападения на них под демагогический трезвон псевдозащиты интересов собственного народа.

Вот как описывает дочь Сталина Светлана реакцию отца на попытку его сына Якова покончить с собой: «Доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яков выстрелил в себя у нас на кухне, на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя, — пуля прошла навылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек: «Ха, не попал! — любил он поиздеваться. Мама была потрясена. И этот выстрел, должно быть, запал ей в сердце надолго и отозвался в нем...» Так умиляющий сталинистов его отказ обменять попавшего в плен Якова на генерал-фельдмаршала Паулюса

якобы по принципиальным соображениям на самом деле объясняется лишь его нелюбовью и полным равнодушием к сыну, возможная гибель которого лишь забавляла отца.

Сталин остановился лишь на короткое, очень короткое время, когда немецко-фашистские захватчики напали на нашу страну. Но это был лишь миг растерянности, когда, почуяв смертельную опасность для себя, «вождь» возопил о помощи к «дорогим братьям и сестрам», которых он доселе яростно уничтожал. Вскоре его некрофильская натура взяла свое, и поиски и уничтожение врагов среди тех же «дорогих братьев и сестер» были продолжены с прежним, даже с большим, усердием, поскольку теперь, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства военного времени, можно было отбросить последние жалкие остатки законности. Безмерная жестокость проявлялась в отношении к простым солдатам, которых гнали на верную и, главное, бессмысленную гибель, к вернувшимся из плена, куда они попали по вине именно «гениального полководца». Иными словами, война с собственным народом продолжалась и в годы Великой Отечественной войны. Советский народ уничтожил фашизм, но был сокрушен большевизмом.

Советский фюрер уничтожал не только людей, но и идеи, мысли, образ жизни и уклад жизни, привычные отношения между людьми и нормы, в течение веков регулировавшие их поведение. Объектом сталинской ненависти были и здания, особенно если они выполняли идеологическую, религиозную функцию, вспомним хотя бы храм Христа Спасителя. Даже то, что было создано по его инициативе и под его руководством, — стройки, заводы, фабрики, колхозы, электростанции, каналы и т.д. — несло на себе печать гниения и смерти, потому что возводилось на костях людей, на их страданиях и невероятных лишениях. В этом смысле и победа в великой войне не была исключением.

Весьма информативны короткие рассказы и «шутки» Сталина: в них явно звучит похвала насилию и смерти. Об одной из встреч со Сталиным М. Джилас, один из руководителей послевоенной Югославии, рассказывает: «Сталин перебил с улыбкой: «А наш один конвоировал большую группу немцев и по дороге перебил их всех, кроме одного. Спрашивают его, когда он пришел к месту назначения: «А где остальные?» «Выполняю, — говорит, — распоряжение Верховного Главнокомандующего: перебить всех до одного — вот я и привел одного»».

Во время другой встречи с Джиласом Сталин поведал следующую историю: «Тут был интересный случай. Майор-летчик пошалил с женщиной, а нашелся рыцарь-инженер, который начал ее защищать. Майор за пистолет: «Эх ты, тыловая крыса!» — и убил рыцаря-инженера. Осудили майора на смерть. Но дело дошло до

меня, я им заинтересовался и — у меня на это есть право как у Верховного Главнокомандующего во время войны — освободил майора, отправил его на фронт. Сейчас он один из героев. Воина надо понимать».

...С улыбкой рассказанная история о расстреле безоружных пленных... Интересный случай... Майор, убийца и насильник, явно заслуживший высочайшую похвалу... Презренная тыловая крыса, посмевшая заступиться за женскую честь. И весь плоский казарменный юмор.

Сталин был исключительно ригидной, застревающей личностью. Троцкий писал, что Сталин, когда пришел к власти, все свои обиды, огорчения, ненависти и привязанности перенес с маленького масштаба провинции на грандиозные масштабы страны. Он ничего не забыл. Его память есть, прежде всего, злопамятство. Как истинный параноик, он создал свой бесконечный план мести, причем и тем, кто еще только мог «провиниться» перед ним. Его отношение к людям было неизменно окрашено недоброжелательством и завистью, а честолюбие переплеталось с мстительностью. Воля господства над другими была основной пружиной его личности. И эта воля получала тем более сосредоточенный, недремлющий, наступательный, активный, ни перед чем не останавливающийся характер, чем чаще Сталину приходилось убеждаться, что ему не хватает многих и многих ресурсов для достижения власти.

Этот кровавый диктатор страшился смерти, чем и объясняется его повышенная и постоянная подозрительность, ранимость, тревожность, мстительность, не покидающие опасения за свою жизнь. Он боролся так со смертью, но только своей, в то же время активно насаждая ее, однако здесь нет противоречия, поскольку таким путем Сталин стремился преодолеть страх перед ней. Поэтому он все ближе приближал ее к себе, делал понятной, своим повседневным занятием и любимым ремеслом, отчего она становилась не столь страшной.

Психологически в этом нет ничего неожиданного: можно найти множество примеров, когда страх перед чем-то преодолевается приближением этого «чего-то», включением его в свое эмоциональное пространство. Например, страх высоты иногда пытаются снять тем, что выходят на какие-то высокие места, страх перед женщинами — усиленным ухаживанием за ними, освоением способов завладения их вниманием и расположением и т.д.

Преодоление в себе страха смерти путем сеяния смерти подобно попыткам снятия своей высокой тревожности с помощью алкоголя или наркотиков. Как известно, такие попытки чаще всего оказываются неэффективными и вновь наступают состояния тревожности и

психической дезадаптации, а поэтому требуются все новые дозы дурманящих веществ. Правители-некрофилы, как, например, Сталин, тоже не могут успокоиться, постоянно и неуклонно звереют, требуя новых доз жертв. Поэтому история почти не знает случаев добровольного отказа от власти, поскольку они лишились бы источников удовлетворения своей потребности в смерти и разрушении и способов преодоления своего страха перед ней. Так, невозможно представить даже в самой буйной фантазии, чтобы Гитлер или Сталин сами отказались от своей неограниченной власти или согласились бы даже на небольшое ее ограничение. Здесь единственный путь — смерть тирана или насильственное отстранение его от власти.

Поистине главным врагом Сталина была сама жизнь. Он всегда был движим страстью к разрушению, превращению живого в мертвое даже тогда, когда в этом не было никакой объективной необходимости. Это была глобально деструктивная, некрофильская натура, сжигаемая ненавистью. Даже собственная смерть должна была принести ему удовлетворение, поскольку на его похоронах погибло немало народа и многие получили увечья. Большевицкий диктатор действительно может считаться триумфатором, но только в своих, сугубо некрофильских границах.

Фромм пишет:

Влияние людей типа Гитлера и Сталина покоится на их неограниченной способности и готовности убивать. По этой причине они были любимы некрофилами. Одни боялись их и, не желая признаваться в этом страхе, предпочитали восхищаться ими. Другие не чувствовали некрофильного в этих вождях и видели в них созидателей, спасителей и добрых отцов. Если бы эти некрофильские вожди не производили ложного впечатления созидающих защитников, число симпатизирующих им вряд ли достигло бы уровня, позволившего им захватить власть, а число чувствующих отвращение к ним предопределило бы их скорое падение¹.

Некрофильский характер тоталитарных режимов и их главарей выражается в необыкновенном почитании смерти, выработке особого в этой связи ритуала. Например, в Германии и СССР похороны глав государств и партий, а также руководящих деятелей более низкого ранга превращались в грандиозные театрализованные представления. Рейхспрезидент Гинденбург, легально вручивший власть Гитлеру, в 1933 г. был похоронен со всей мыслимой помпой. Центр Москвы вокруг Мавзолея был превращен в кладбище, да и сам Мавзолей венчает его в качестве символа смерти.

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 381.

Говоря о некрофильских натурах некоторых кровавых тиранов, нельзя не упомянуть о том, что среди них встречаются людоеды, например, ими были бывший император Центрально-Африканской империи Бокасса и бывший президент Уганды Иди Амин. Каннибализм порождался и порождается, в частности, двумя причинами: ради утоления голода или ради овладения какими-то весьма ценными качествами жертвы. Джеймс Фрезер писал о горных племенах Юго-Восточной Африки, которые, убив врага, отличавшегося храбростью, вырезали и сжигали его печень (местопребывания мужества), уши (вместилище ума), кожу со лба (вместилище стойкости), тестикулы (вместилище силы) и другие части — носители иных добродетелей, а пепел племенной жрец давал юношам во время обрезания. Индейцы из Новой Гранады всякий раз, когда предоставлялась возможность, съедали сердца испанцев в надежде стать такими же бесстрашными, как и наводящие на них ужас кастильские рыцари. Фрезер приводит множество подобных примеров. Думаю, что наличие подобных мотивов можно предположить в поведении Бокассы и Амина.

Я упоминаю о каннибализме некоторых современных тоталитарных правителей потому, что их каннибализм имеет немало общего с некрофилией, хотя среди дикарей-людоедов наверняка встречались жизнелюбы. Общее же заключается в том, что, съедая части человеческого тела, которые якобы обладают положительными качествами, каннибал заимствует их у смерти, вступая таким способом с ней в определенные отношения. Вместе с тем он, конечно, заботится и о своем будущем, поскольку желает приобрести или усилить в себе какие-то особо ценные качества. В качестве гипотезы можно предположить, что асексуальная некрофилия, которую мы наблюдаем у Гитлера и Сталина, есть психологический эквивалент каннибализма, причем этот эквивалент образовался под влиянием культурного развития человечества. Фюреры, убивавшие и уничтожавшие, тем самым не только приносили массовые жертвы, но и постоянно проявляли тяготение к смерти, т.е. к ушедшему, прошлому, к праху. Но ведь не могло быть иначе, поскольку они сами принадлежали смерти, являясь ее слугами и принадлежа к тому давнему, казалось бы, умершему миру. Поэтому естественно, что они возвращались к нему.

Людоеды Бокасса и Амин, которые жили в традиционном обществе, но в окружении цивилизованного мира, должны быть отнесены к некрофилам и потому, что организовали в своих странах массовое уничтожение людей. То, что они съедали людей, может быть расценено и как попытка возвращения в первобытное, примитивное общество.

Некрофилом был палач камбоджийского народа Пол Пот. Этот напичканный коммунистическими идеями диктатор не только организовывал массовые убийства, но и сам участвовал в них.

Разумеется, некрофилами были не только современные тоталитарные вожди. К ним могут быть отнесены римские императоры Калигула, Клавдий, Нерон, древнеиудейский царь Ирод (ему приписывается избиение младенцев в целях убийства только что родившегося Иисуса Христа), «наш» Иван Грозный, которого В.О. Ключевский назвал бешеным зверем, превратившим свое царствование в оргию жестокости, убийств и похоти, и многие другие в разных странах и в разные эпохи. Можно обоснованно считать, что и эти исторические персонажи были порождением теневой части коллективного бессознательного. Но это только гипотеза, для подтверждения которой необходим обстоятельный анализ их личности и поведения в соотнесении с эпохой, когда они жили.

Некрофилия не может не переплетаться со смертью, ибо смерть, уничтожение, небытие есть логическое следствие некрофилии. Некрофильный человек должен быть не просто жестоким и беспощадным, он должен эмоционально и рационально принимать смерть и страдание, относиться к ним как к чему-то обыденно простому и, разумеется, без всякого уважения к жизни, не говоря уже о достоинстве личности. Поэтому в тоталитарном государстве *процветает античеловеческий культ страдания и смерти*, который постоянно насаждается везде, но особенно активно среди молодежи, в школе путем изучения соответствующей художественной литературы и фальсифицированной истории, прежде всего отечественной, иной идеологической обработки, в том числе с помощью наглядной агитации.

Например, в советских школах, во дворцах (домах) и парках пионеров и школьников были установлены красочные стенды, повествующие о подвигах пионеров-героев. Все они без исключения погибали смертью храбрых — на войне, в борьбе с кулаками и просто бандитами. Нет возможности перечислить все фильмы, книги, пьесы, картины, скульптуры, музыкальные произведения, прославляющие страдание и смерть. В нашей стране этот лейтмотив прозвучал еще на заре большевистского эксперимента.

Действительно, за ценой не постояли, заплатив за победу многими миллионами жизней. Официальная коммунистическая идеологическая машина очень любила кощунственно похвалиться, что в последней войне мы смогли потерять 30 млн человек.

Другой излюбленный прием насаждения культа смерти — прославление лиц, отличающихся кровожадностью (Ивана Грозного, Петра Первого, в Новейшее время — Берия и Сталина, названного «успешным менеджером»), либо тех, кто совершил отдельные жестокие поступки, например террористические акты.

Вождь есть высшая власть, ее наиболее полное воплощение. Для власти в тоталитарном государстве нет ничего невозможного, она в то же время источник и причина изменений в окружающем мире, а все явления и процессы в нем она способна вскрыть и объяснить с помощью известного ей магического знания. Поэтому такие науки, как биология, физика, социология, психология, кибернетика, глубоко враждебны тоталитаризму и его полуграмотным вождям. Но если власть и вождь мнят себя источником изменений в природе, то эти изменения можно осуществлять насильно, например заставлять реки течь вспять. Бесчисленные реорганизации управления сельским хозяйством и промышленностью, кроме бесплодных желаний изобразить деятельность и скрыть свою бездарность, обличают веру в то, что власть вполне может управлять процессами в природе.

Примерно те же механизмы лежат в сокрытии фактов землетрясений и других природных катаклизмов: помимо желания скрыть, что потерпевшим оказывается явно недостаточная помощь, здесь действует другой мощный фактор — нежелание признать, что катастрофа произошла помимо воли вождя и без его ведома, что он был бессилён ее предотвратить. Отсюда глубокое и радикальное искажение реальности — не только у вождя, власти вообще и ее представителей, но и у рядовых людей. У последних это психологическая защита, при которой человек искренне, а иногда и без остатка начинает верить в то, во что ни в коем случае нельзя верить, и по той причине, что самого предмета веры в действительности не существует, и по той причине, что это аморально, и т.д.

На эту веру рассчитывает власть, но она, к сожалению, нужна и личности, что, собственно, и эксплуатируется властью, которая крайне заинтересована в том, чтобы тоталитарная мифология поглощалась населением без остатка, более того — с благодарностью и добровольно. Здесь власть и вождь достигают обычно больших успехов, поскольку соавтором мифов выступают сами массы, которым эти мифы понятнее и психологически ближе, чем сложные конструкции, творимые учеными или просто умными и проницательными людьми. Обыватель «ложится» в миф, как в лоно матери, и это одно из наиболее важных объяснений того, что тоталитарные мифы могут надолго пережить время своего рождения и расцвета, что мы и видим сейчас.

Вот почему так трудно убедить толпу, так называемый простой народ, в том, что вчерашние идолы — это преступники, некрофилы, которые, подобно «простым» убийцам, получали психологическое удовлетворение от того, что они постоянно убивали. То, что ни Сталин, ни Гитлер сами, по-видимому, не обагрили свои руки

кровью, ничего не меняет, поскольку они были организаторами этих преступлений. Тоталитарное государство и его главу отличает паранойяльное, явное или скрытое ощущение постоянной, непреходящей угрозы от внешних и внутренних врагов. Отсюда агрессивность таких государств, непрерывная военная пропаганда, огромный карательный и разведывательный аппарат, повышенная подозрительность и призывы к бдительности, поиск «врагов» и, конечно, выявление их, кровавые репрессии. Важно заметить, что подобное паранойяльное ожидание агрессии характерно и для подавляющего большинства обычных убийц, которые совершают преступления, поскольку все время ждут нападения и таким способом защищают себя.

Все или почти все деспоты отличались названной паранойяльной чертой. Имеющиеся об этих правителях сведения говорят о типичности для них таких черт, как повышенная тревожность и страх смерти, подозрительность, мнительность, уязвимость в межличностных отношениях, мелкая мстительность и злобность, застреваемость переживаний и эмоций, они злопамятны, долго копят и помнят обиды, подлинные или мнимые, вновь и вновь переживают их.

Страх у тиранов как фундаментальное качество их личности отмечают многие историки. Гай Светоний Транквилл об одном из самых свирепых диктаторов в истории человечества, Калигуле, писал:

В нем уживались самые противоположные пороки — непомерная самоуверенность и в то же время отчаянный страх. В самом деле: он, столь презиравший самих богов, при малейшем громе и молнии закрывал глаза и закутывал голову, а если гроза была посильней — вскакивал с постели и забивался под кровать. В Сицилии во время своей поездки он жестоко издевался над всеми местными святынями, но из Мессины вдруг бежал среди ночи, утрашенный дымом и грохотом кратера Этны. Перед варварами он был щедр на угрозы; но когда однажды за Рейном ехал в повозке через узкое ущелье, окруженный густыми рядами солдат, и кто-то промолвил, что появился откуда-нибудь неприятель и будет знатная резня, он тотчас вскочил на коня и стремглав вернулся к мостам....

В характере римского императора Клавдия, о котором Светоний говорил, что «природная его свирепость и кровожадность обнаруживалась как в большом, так и в малом», древнеримский историк выделял недоверчивость и трусость. Так, на пир он выходил только под большой охраной; навещая больных, всякий раз приказывал заранее обыскать спальню, а ложный слух о каком-то заговоре привел его в такой ужас, что он пытался отречься от власти. Все приходившие к Клавдию подвергались строжайшему обыску.

А вот что писал выдающийся русский историк В.О. Ключевский об Иване Грозном:

Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную склонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная цепь козней, которую, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставило его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием, Всего сильнее в нем работал инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства¹.

Грозный, как известно, был чудовищно, патологически жесток и столь же похотлив (Ключевский называет его зверем от природы), и есть все основания думать, что его преступления нанесли стране ни с чем не сравнимый урон, особенно нравственности; он заложил основы самодержавия, психологические остатки которого мы не можем преодолеть по сей день. Но Грозный не мог не быть очень близок Сталину и его режиму, а поэтому со школьной скамьи нам внушали, что этот царь, конечно, был груб, своеволен, даже жесток, но все делал для блага отечества, а поэтому заслуживает похвалы благодарных потомков. Постепенно стал создаваться культ Грозного, о нем написаны литературные произведения, созданы кинофильмы и даже балет и т.д., общество постепенно свыклось с тем, что кровавый убийца и садист стал чуть ли не национальным героем.

Но вернемся к личностным характеристикам державных преступников. Тревожность, подозрительность, мстительность, злопамятность и постоянные страхи характерны и для таких диктаторов, как Гитлер и Сталин. Постоянно трепетал за свою жизнь «пожизненный» гаитянский президент Дювалье. Однако важно подчеркнуть, что тревоги и страхи у тиранов возникают не только потому, что существует реальная опасность для их жизни. Многим из них (например, Сталину) в общем-то ничего реального не угрожало и на их жизнь практически никто не покушался.

Фромм отмечает феноменальную трусливость Муссолини, хотя он играл роль агрессивного и мужественного человека, живущего под девизом «Да здравствует опасность!». Анжелика Балабанова, которая была соиздателем газеты «Аванти» в Милане в тот период, когда Муссолини еще был социалистом, сообщила Фромму, что

¹ Ключевский В.О. Русская история. М., 2012. С. 222.

врач, делавший ему переливание крови, сказал, что в своей жизни не встречал человека, который в подобной ситуации проявил бы такую трусость, как Муссолини. Вечером он не шел домой один, ждал, когда Анжелика закончит свои дела. Он шел вместе с ней и говорил, что «боится каждого дерева и даже тени», хотя в ту пору его жизни еще ничего не угрожало.

Известно, что Гитлер был храбрым солдатом, отмеченным боевыми наградами. И тем не менее он испытывал постоянные страхи. И. Фест отмечает его постоянный страх перед соприкосновением с чужими людьми, боязнь заразиться венерической болезнью и перед любой инфекцией вообще («Микробы просто набрасываются на меня», — считал Гитлер), он все время лечился. Он был охвачен привитым австрийским пангерманским движением страхом перед чужим засильем, перед «нашествием, подобным саранче, русских и польских евреев», перед «превращением немецкого человека в негра», перед «изгнанием немца из Германии» и, наконец, перед «полным истреблением» немцев. Но беспокойство у него вызывали также и американская техника, и цифры растущей рождаемости у славян, и крупные города, и столь же безудержная, сколь и вредная индустриализация и «коммерциализация нации», и анонимные акционерные общества, и «трясина удовольствий в крупных городах», равно как и современное искусство, стремящееся голубыми лугами и зелеными небесами «убить душу народа». Куда бы он ни взглянул, он всюду открывал «явления разложения медленно догнивающего мира».

Гитлер видел Германию объектом некоего всемирного заговора, осаждаемым со всех сторон большевиками, евреями, масонами, капиталистами, иезуитами, выступающими в едином строю. В этом блоке особое место он отводил евреям, жаждущим крови и денег, тиранящим народы. Они, евреи, писал Гитлер в «Моей борьбе», завладели семьюдесятью процентами мирового капитала, покорили себе биржи и марксизм, они были зачинщиками ограничения рождаемости и идеи эмиграции, они подорвали устои государства, привели к вырождению расы, воспели братоубийство, организовали гражданскую войну, оправдали низость и поливали грязью благородство, они, эти закулисные вершители судеб человечества.

Фест считал, что неуверенность и страх были основными мотивами у Гитлера; он избегал проявлять чувства столь тщательно, сколь искусно ему удавалось изображать их. Он подавлял всякую спонтанность, но его выдавали отдельные, вроде бы не очень примечательные особенности, прежде всего глаза, которые никогда не приходили в спокойствие, и даже в те моменты, когда Гитлер застывал как статуя, беспокойно бегали по сторонам. Его мучил страх, что раскроется его частная жизнь. Характерно, что не сохранилось ни одного его частного письма, даже Ева Браун получала

лишь коротенькие сухие записки, которые к тому же он никогда не посылал по почте. Он постоянно следил за своим поведением и знал лишь тайные страсти, скрытые чувства, суррогаты. Широко распространенный образ не контролирующего свои эмоции, дико жестикулирующего Гитлера отражает не правило, а исключение — он был предельно сосредоточенным человеком, дисциплинированным до комплексов¹.

Одержимость Гитлера поездками по стране есть бегство, спонтанное и неуправляемое, несмотря на всю его дисциплинированность, в первую очередь от самого себя и своих страхов, особенно страха смерти. Этим же страхом объясняется страсть Гитлера к монументальным сооружениям, зданиям-монстрам: в нем можно видеть не только желание обессмертить себя, ибо он уже сделал это, создав «тысячелетний» германский рейх, сколько психологически отгородиться таким способом от всюду угрожающих опасностей. Построенные по его инициативе прекрасные дороги служили не только экономическим нуждам, но и бессознательно ощущались им как некая крепкая сеть, заброшенная на страну. Сеть позволяла держать ее в руках и тем самым нейтрализовать исходящие от нее беды.

Мы отмечаем повышенную тревожность, подозрительность, мнительность и другие подобные личностные характеристики у правителей деспотического типа, и точно такие же черты обнаружены нами у общеуголовных преступников. Так, психологическое изучение с помощью *Методики многостороннего изучения личности* большой группы убийц показало следующее: их поведение определяется аффективно заряженными идеями. Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительны, воспринимают внешнюю среду как враждебную. Поэтому у них нарушена правильная оценка ситуации, она легко меняется под влиянием аффекта. Повышенная впечатлительность к элементам межличностного взаимодействия приводит к тому, что индивид легко раздражается при любых социальных контактах, представляющих хоть малейшую угрозу для его личности. Все затруднения и неприятности интерпретируются ими как результат враждебных действий со стороны окружения. Наиболее чувствительны такие люди в сфере личной чести, для них характерно повышенное сознание своей ценности.

Аналогичные сведения были получены при изучении убийц с помощью теста Шмишека, которое показало, что наиболее выражена у них такая черта, как эмотивность, т.е. чувствительность и глубокие реакции в области тонких эмоций, причем не обнаружилось связи между эмотивностью и внешними провоцирующими обстоя-

¹ *Фест И.* Гитлер. Пермь, 1993. С. 299.

тельствами. Иными словами, эмотивность у них возникает и развивается в основном по внутренним психологическим законам, а не в соответствии с указанными обстоятельствами. Уязвимость коррелирует у них с упорством, что определяет характерные для них подозрительность и защитную агрессивность.

Если на время забыть, что речь идет не о «простых» уголовниках, и приложить приведенные описания к живым и мертвым тиранам, станут ясны причины многих их поступков. Например, захват других стран, не вызываемый ни экономической, ни политической целесообразностью, внешне непонятные и ничем, казалось бы, не мотивированные преследования и даже казни людей, давно им не опасных, в том числе сведение счетов со старыми врагами и подлинными или мнимыми обидчиками, постоянное возвеличивание собственной персоны, культ своей святости и непогрешимости, «осыпание себя звездами», решительное противодействие какой-либо критике, преследование инакомыслящих и т.д. Деспотические правители в отличие от «обычных» насильственных преступников имеют неограниченные возможности жестокого преследования тех, кого они считают врагами. Поэтому репрессии носят хронический характер, ослабляясь лишь на время, чему мы были свидетелями в своем же отечестве.

Необходимо подчеркнуть особую криминогенную роль такой личностной черты насильственных преступников, включая тоталитарных вождей, как *повышенная тревожность*. Криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что тревожная личность совершенно иначе видит мир. Если тревожность достигает уровня страха смерти, то человек начинает защищать свой биологический статус, биологическое существование — отсюда совершение насильственных преступлений как способ защиты от мира, субъективно воспринимаемого как опасный или враждебный.

Повышенная тревожность, бессознательные ощущения призрачности и хрупкости своего бытия, опасение небытия, страх быть уничтоженным выступают основной причиной преступного поведения. Тревожная личность совершает преступление и потому, чтобы не разрушались его представления о самом себе, своем месте в мире, его самооощущение, самоценность, не исчезло приемлемое для него самого его биологическое и социальное бытие.

У людей с повышенной тревожностью угроза бытию, биологическому или социальному, способна преодолеть любые нравственные преграды, любые нравственные нормы, регулирующие отношения между людьми. В силу указанных особенностей и отсутствия целенаправленного воспитания эти нормы не воспринимаются ими. Однако в принципе возможна компенсация указанных черт с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни. Но это в большинстве случаев не делается.

Еще одним свойством обладают главы тоталитарных режимов — *эмоциональной холодностью*. Это стремление сохранить между собой и другими людьми определенную психологическую дистанцию, что часто выражается в надменности и высокомерии, безразличии к окружающим, даже если на словах проявляется заинтересованность и сопереживание, отсутствие в межличностных отношениях какого-либо тепла. Такие правители не имеют друзей, всех держат на расстоянии. Подобные черты позволяют не допускать эмоциональных срывов, быть сдержанными и расчетливыми, пронизательными, способными к трезвому анализу и расчету, психологически находиться над ситуациями и смотреть на них сверху, извлекая из этого пользу для себя, когда, например, они плетут интриги друг против друга или конфликтуют между собой, сводят счеты с приближенными. Абсолютный холод создавали вокруг себя Наполеон, Гитлер, Сталин. Эмоционально холодной была императрица Цыси, жестокая и коварная правительница Китая на рубеже XIX—XX вв.

Но следует отметить, что эмоционально холодными были не только властвующие преступники. Так, по свидетельству современников, этими качествами обладал первый американский президент Дж. Вашингтон. Это дает основание считать, что эмоциональная холодность — нравственно нейтральная черта и она необходима политическим деятелям в качестве неременного условия их деятельности. Однако если такими особенностями обладают завладевшие неограниченной властью тираны, это выливается в жесточайшие репрессии, массовые казни, ограбление своих жертв, полное отсутствие какого-либо сочувствия и милосердия. Тиран не в состоянии поставить себя на место того, кому он причиняет зло, просто потому, что он такой человек. Эмоциональной холодностью и другими названными чертами обладают не только сами правители, но и все те, кто входит в правящую клику и, прежде всего, сановные палачи — руководители репрессивных ведомств — берии, гиммлеры и т.д.¹

¹ Напршивается очень любопытная аналогия с животными. К. Лоренц описывает опыт, проведенный однажды на речных гольянах фон Хольстом. Он удалил одной-единственной рыбе этого вида передний мозг, отвечающий — по крайней мере, у этих рыб — за все реакции стайного объединения. Гольян без переднего мозга выглядит, ест и плавает как нормальный; единственный отличающий его поведенческий признак состоит в том, что ему безразлично, если никто из «товарищей» не следует за ним, когда он выплывает из стаи. Таким образом, у него отсутствует нерешительная «оглядка» нормальной рыбы, которая, даже если очень интенсивно плыет в каком-либо направлении, уже с самых первых движений обращает внимание на «товарищей» по стае: плывут ли за ней и сколько их плывущих следом. Гольяну без переднего мозга это было совершенно безразлично; если он видел корм или по какой-то другой причине хотел куда-то, он решительно плыл туда, и вся стая плыла следом. Искалеченное животное как раз из-за своего дефекта стало несомненным лидером.

А свойственна ли эмоциональная холодность «обыкновенным» преступникам? Свойственна, и весьма, но обычно не рядовым, а лидерам, главарям преступных организаций типа мафии, в том числе так называемым «ворам в законе». Психологическое изучение этой категории преступников показало следующее: занять роль лидера им помогает типичная для них эмоциональная холодность, проявляющаяся в безразличии к субъективным стремлениям, переживаниям, интересам других, событиям повседневной жизни, если эти переживания, интересы или события не связаны с их личными интересами и нарушением неформальной антиобщественной системы ценностей. Так, травма на производстве в исправительной колонии, полученная кем-либо из осужденных, оставит равнодушным особо опасного лидера, даже если он на словах выразит сочувствие. Однако если тот же осужденный присвоит деньги, принадлежащие группировке, это вызовет активную заинтересованную реакцию со стороны лидера, вплоть до наказания виновного. Эмоциональная холодность и отчужденность определяют жесткий характер взаимоотношений с другими преступниками.

Такие личностные характеристики преступных правителей, как повышенная тревожность, страх смерти и эмоциональная холодность, сами по себе достаточно информативны, и с их помощью можно многое объяснить в поступках таких людей.

Близкое психологическое родство между диктаторами и «обыкновенными» преступниками делает вполне понятным смысл одного из воспоминаний Сталина (в пересказе Хрущева): «Во время первой ссылки, — любил рассказывать Сталин, — я познакомился с хорошими ребятами из уголовников. Обычно я с ними и общался. Помню, остановились с ними у трактира. Выясняли, у кого есть рубль или два, совали деньги в окно, брали питье и пропивали все до копейки. Сегодня я плачу, завтра он; и так по очереди. Славные парни были эти уголовники, таких редко встретишь. А среди политических много всякой сволочи было. Организовали раз товарищеский суд, меня судить, за то, что пью с уголовниками, будто бы это проступок какой».

При всем том, что диктаторы присваивали себе неограниченную власть, к монархии и монархам они всегда относились отрицательно, даже с презрением. Гитлер, например, в «Моей борьбе» писал, что «лишь в очень редких случаях монархи являются действительно выдающимися мудрецами и образцами сильных характеров...

Сочетание в одном лице великого монарха и великого человека бывает в истории настолько редко, что народы должны считать себя уже счастливыми, если снисходительная судьба посылает им монарха хотя бы только средних личных качеств».

Отношение к монархам Ленина и Сталина достаточно хорошо известно.

Есть основания полагать, что подобные взгляды порождаются рядом причин: монархи в отличие от красно-коричневых вождей чаще всего легитимны, во всяком случае в современном мире, и их легитимность — прямой упрек диктаторам, которые захватывают власть силой, обманом или шантажом. Не меньшее значение имеет убежденность тоталитарных главарей в том, что во главе государства и народа должен быть не тот, кому власть достанется по наследству, а тот, кто добьется ее в силу своих исключительных личных достоинств. В суде после «пивного путча» Гитлер утверждал: «Не нужно принуждать человека, призванного стать диктатором. Он сам жаждет этого. Никто не подталкивает его, он сам движется вперед. В этом нет ничего нескромного... Тот, кто чувствует, что призван править, не имеет права говорить: «Если вы выберете меня...» Нет! Это его долг выступить вперед».

Естественно, среди королей и других венценосцев было немало полных ничтожеств.

Фромм очень тонко подметил одну чрезвычайно важную черту личности Гитлера: стремление постоянно уничтожать. А Шпеер вспоминал, что еще до войны Гитлер с увлечением строил с ним архитектурные планы, но у Шпеера создалось смутное ощущение, что по-настоящему Гитлер не верил в их осуществление. При всем том, что Гитлер был хорошо информирован и инфантильно упорен, самонадеян и убежден в своей гениальности, он, по свидетельству современников (например, П. Шрамма), не был в состоянии адекватно оценить все стратегические и тактические факторы. Так, он по-настоящему не знал ни СССР, ни США, ни Великобритании, ни их союзников, не понимал их народы и те огромные экономические, политические, духовные и иные ресурсы, которыми все они располагали. Более того, совсем неясно представлял он себе и то, насколько долго и вообще способна ли Германия воевать со всем миром и захватить его. Он «просто» был снедаем сильнейшей, всепоглощающей страстью к разрушению и уничтожению, в том числе Германии и немцев. Его ненависть к жизни не имела пределов.

О том, что Гитлер бы демагогом, причем весьма талантливым, знали все. Но когда он говорил о любви к Германии и немцам, был вполне искренен, однако это имело место на сознательном уровне. Бессознательно же фюрер желал и ей, и ее жителям и всему миру разрушения и гибели. Он, хотя далеко не все ему удалось, мог быть все-таки доволен.

В отличие от него Сталин, хотя и уничтожал людей, чтобы насытить свои некрофильские потребности, тем не менее не желал гибели ни СССР, ни его народам, поскольку тогда ему не над кем

было властвовать в абсолютном значении этого слова. А это представляло собой его всепоглощающее стремление.

Меньшая часть населения Германии и СССР не принимала участия в мифологизации Ленина, Сталина и Гитлера. Они были вне толпы, эмигрировали из этих стран либо были уничтожены или затаились и молчали. Кошунственно сопоставлять миф о Христе с мифами об этих вырожденках, тем не менее следует отметить заключенные во всех них учения о последней истине и, главное, о спасении.

Не говоря уже о ненависти Гитлера к евреям, цыганам и славянам, он также относился к марксистам и коммунистам. К протестантам он лучше относился, чем к католикам, поскольку те зависели от наднациональной власти. Интеллигенция рассматривалась им как вредный элемент, о них он говорил с сарказмом. Относительно аристократии и крупной буржуазии отзывался пренебрежительно, презирая их за материализм и приспособленчество, и знал, что они терпеть его не могут. «Хорошими» немцами были для него «настоящие» мужчины, умевшие воевать, герои войны, члены партизанских (прогерманских) отрядов, другие люди со «здоровой душой», те, кто трудился физически, — рабочие, мелкие служащие, солдаты, матери семейств. Они исполняли для него функции древнегреческого хора. Это была толпа.

Толпу обожали Ленин и Сталин, преследовавшие и уничтожавшие интеллигенцию, но всегда знавшие, что «простые» рабочие обязательно поддержат их. Вожди создали и поддерживали культ ненависти и презрения к интеллигенции, ко всем творческим людям. Недаром многотысячные толпы горячо поддерживали суды над «врагами народа» и еще многие партийные решения. Отрицание же интеллигенции с их стороны вполне понятно, поскольку она не критична и отрицает то, что, по мнению Ленина, Сталина и др., приносит один вред.

Субкультура лжемессий, охватывающая толпу

5.1. Особая культура лжемессий

Мы так часто говорим и слышим «исламская культура», «христианская культура» или «буддистская культура», но никогда или почти никогда не ставим перед собой задачу понять, что именно подразумевается под христианской или буддистской культурой, действительно ли это во всех случаях культура религиозная или какая-либо иная. Ведь вполне возможно, что речь в этих случаях идет лишь о том, что данная культура имеет место в стране или в странах, в которых христианство или ислам хотя и являются доминирующими религиями, но их сила и влияние рамками собственно религии и ограничено. Другие стороны жизни, не менее важные, определяются еще и иными, не религиозными обстоятельствами, например экономикой или политикой. Вот почему можно поставить под сомнение, что отнюдь не религия или не только религия и не столько религия всегда и везде определяют культуру, направленность и ценности общества, государственность, образ жизни и качество жизни людей и т.д.

Здесь вполне уместно поставить очень сложный вопрос о том, что вообще представляет собой религиозная культура: относится ли это к соответственно религиозной культуре и только либо к тому, что является ее логическим продолжением, — церкви, степени и формам проникновения религии и церкви в государство и общество, роли церкви в традициях и обычаях, морали, в принятии государственных решений, религиозной обрядности в повседневной жизни и т.д. Ведь религия — это совокупность мифологических (виртуальных) представлений о том, как была создана земля, вся природа, космос, вселенная, человек, по каким законам и как они управляются, каковы перспективы человека и природы, что ждет его в загробной жизни. К этому примыкает огромная часть религиозных обрядов (процедур), призванных укреплять религию и ее догмы в умах людей и подчинять им всю их жизнь. В религии всегда действуют сверхъестественные, чудесные силы, которые определяют весь видимый и невидимый мир и самого человека. В них

надо безоговорочно верить, не ожидая доказательств, как в науке или в иных сферах деятельности, например в уголовном процессе или криминалистике.

Сама религия и сам религиозный миф являются частью культуры, в том числе первобытной. В мифе нас поражает, как верно заметил Э. Кассирер, его удивительное сходство с поэзией. Он приводит слова Ф.К. Прескотта, что древний миф есть та «масса», из которой постепенно выросла современная поэзия благодаря процессам, называемым эволюционистами дифференциацией и специализацией. Мысль мифотворца — прообраз поэтической мысли¹. Тем не менее различия между мифом и искусством давно известны, как, впрочем, и сходства. Так, и для религии, и для искусства (эстетического мышления, эстетического созерцания и т.д.) абсолютно важно существование объекта. И тот и другое являются продуктом фантазии, но в мифическом всегда предполагается акт веры, без веры в реальное существование его объектов миф утратил бы свою основу, вообще исчез бы.

Кассирер утверждает, что мифологическое и научное мышление, каждое следуя своим путем, занято поисками одного и того же — реальности. Однако каждое из них представляет себе реальность строго по-своему. Первое ищет реальность, которая во всех без исключения случаях является только виртуальной и покоится исключительно на вере. Второе не признает веру доказательством, и для него нужны эмпирические факты. Разумеется, религия, наука и искусство исходят из того, что существует определенный порядок вещей, механизм приведения их в действие. В этом их общность.

Лжемиссии тоже создают свою субкультуру, главным адресатом которой является толпа, а основным назначением — сохранение и укрепление власти вождя и всего созданного им государственного и политического режима. Лжемиссианское общество не допускало различий между политикой и повседневной жизнью большинства, политика не могла быть лишь одним из составных элементов жизни людей, политика, как и идеология, внедрялась в каждую мысль или поступок. Гитлер и Сталин, другие тоталитарные вожди намеревались создать такое органичное общество, в котором все стороны жизни были бы подчинены господствующей идеологии и культуре личности. Никому не позволялось стоять в стороне от целей, провозглашенных этой идеологией, жизнь человека была подчинена ей. Все люди и организации подлежали нацификации и большевизации (коммунизации), т.е. оказывались под контролем соответствующего режима.

¹ См.: Кассирер Э. Эссе о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Религиоведение. М., 2000. С. 681.

Все государственные учреждения, общественные организации и образовательные институты были реорганизованы так, чтобы режим получил полный контроль за их деятельностью, за деятельностью каждого работающего или учащегося. Была создана сеть различных организаций в сферах профессиональной, трудовой и личной жизни, членство в которых было обязательным и которые находились под контролем партии, т.е. режима. Каждый отдельно взятый человек был обязан быть сопричастным к обществу и государству, что понималось как подчинение им, особенно государству. В тоталитарных странах не должно быть ни одной организации вне его контроля, равно как и отдельного гражданина.

Эта особая тоталитарная культура охватывала отношения людей между собой и отношение к человеческой жизни, ценность которой ставилась в прямую зависимость от преданности идеологии и вождю, слова которого приобретали самодостаточную ценность.

Германские нацисты сразу же взялись за построение такой культуры после назначения Гитлера канцлером, большевики — после октябрьского переворота, хотя им немало препятствовали в те годы Гражданская война и послевоенная разруха. В Германии мощная пропаганда, призывы и обращения, частые митинги и шествия лишали народ свободы воли и возможности спокойного выбора. В России тоже работала демагогическая пропагандистская машина призывов и обещаний, ни одно из которых (если взять главные) не было выполнено.

Лжемессианская культура, внедряемая в толпу, не несла никакого прогресса и развития, «истина» воспринималась как нечто данное раз и навсегда самим мессией. Она не подлежала пересмотру и даже коррекции. Все было пропитано духом соответственно нацизма (гитлеризма) или коммунизма (марксизма-ленинизма). Но не следует думать, что в России и Германии эта культура была лишь навязана «мессиями» массам, толпе. Так, нацистская культура вызревала в течение десятков лет всею жизнью немецкого мещанства, менталитет которого, особенно после Первой мировой войны, утверждал собственную точку зрения на искусство, литературу и национальные проблемы.

Марксистско-ленинская идеология в России тоже пришла отнюдь не на пустое место, а на поле, обильно и глубоко вспаханное русским общинным сознанием, принципами полезности всеобщей бедности, которая якобы только одна способна обеспечить высокую духовность. Разница между русской православной идеологией и коммунистическим учением была, в сущности, невелика: первая обещала благоденствие и блаженство на небесах, а второе — в весьма неопределенном будущем. Российские народы слишком дол-

го воспитывались в безусловном и абсолютном подчинении царю, чтобы не покоряться новым вождям и не гнуть перед ними спину.

В поисках поддержки своей оппозиции новым направлениям в искусстве и литературе нацистская, и коммунистическая клики зывали к толпе, невежественной и некритичной. Конечно, они получали от нее полную поддержку. В СССР, как в Германии, не устраивали показательных костров из книг, но многие книги, которые сочли «вредными» и «ненужными», втихомолку сжигали. Такие книги в тоталитарных странах вообще не печатали, выставки зарубежных современных картин и скульптур были запрещены. Любая тоталитарная страна отделена железным занавесом от культуры других стран, исключая, конечно, себе подобных. Любой тоталитарный режим убеждает себя и других, что им-то реализуется единственно верная формула счастья и справедливости, найденная и сформулированная его «мессией».

Основу «новой» Германии, «новой» России (СССР), «новой» Италии должны были составить «новые» люди — продукт правильного идеологического воспитания. Идеология была реальным инструментом реформ, что совсем неудивительно, поскольку идеология проникала во все поры человеческого существования эпохи коммуно-фашизма. «Новый» человек должен был стать средоточием «новой культуры», постоянно «созидающей» личностью, чуть ли не фанатически преданной режиму. Поэтому индивид терпел полное крушение в безличном обществе и усредненном общественном сознании. Но таким людям, напичканным идеологией, не позволялось быть мертвым грузом, они обязаны были пребывать в постоянном движении. Оно было как бы разлито в обществе, поддерживаемое и направляемое пропагандой, лозунгами, призывами, плакатоподобными живописными и скульптурными изображениями на тоталитарные темы, прежде всего портретами мессий.

Сформированная таким образом толпа являла собой дикое иррациональное образование, в которое можно было внедрить любой миф, любую «теорию», любую ложь. Используя эту иррациональность, Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун и др. постоянно срывали закономерную самостоятельность отдельного человека и вливали его в общую массу, лишая тем самым индивидуальности и свободы выбора. Эта особая культура толпы была им очень выгодна, ибо она была неспособна к сопротивлению. Ею повелевали и командовали, но никогда не устанавливали с ней партнерских, равноправных отношений. Есть основания думать, что вожди относились к толпе с презрением: во всяком случае такой вывод напрашивается после чтения «Моей борьбы» Гитлера.

Гитлер и Сталин сформулировали, а нацисты и коммунисты воплотили на практике мысль о том, что пропаганда по сути есть

проникновение культурных ценностей в массы. Вытекающий отсюда антиинтеллектуализм, вообще-то характерный для толпы, красной нитью прошел через всю тоталитарную практику. Гитлер, например, призывая к общему, неспециализированному обучению, имел в виду, что во главу угла должно быть поставлено изучение нацистского мировоззрения. Коммунисты тоже весьма высоко ставили идеологию, и она как самая важная часть культуры внедрялась в общество, особенно в обучение гуманитарным наукам, самым бессовестным образом.

Гитлер говорил, что в любом поистине великом революционном движении пропаганда должна предварительно распространять его идею. Она должна попытаться сделать новое направление мыслей понятным для всех или по меньшей мере заставить сомневаться в прежних убеждениях. Как только пропаганда обретет опору, доктрина сама обеспечит себя необходимой организацией. В эту организацию в качестве ее членов войдут последователи, обретенные благодаря пропаганде. И она будет увеличиваться тем скорее, чем изощреннее станет пропаганда, которая, в свою очередь, может работать более успешно, если за ней стоит мощная организация.

Сознание первобытного человека, как отмечал Л. Леви-Брюль, целиком во власти коллективных идей или коллективных представлений. В отличие от древних людей в тоталитарном обществе идеи вырабатывает один человек или узкая группа людей, их идеи становятся догмами, законами для толпы. Отдельная личность получает их уже в готовом виде. Коллективные представления отличаются чрезвычайной императивностью, обладают почти принудительной силой и воспринимаются автоматически каждым лицом, так как они навязываются ему с раннего детства и, почти не поддаваясь действию критики, в неизменном виде передаются из поколения в поколение. Коллективные представления получают свое выражение в верованиях, обычаях и языке. Они целиком господствуют над сознанием человека толпы, он мыслит иначе, чем мы, поскольку его мышление целиком во власти коллективных представлений. Наши же представления настолько дифференцированы, что позволяют нам совершать сложные операции, отвлечения, обобщения и логические классификации. Наше мышление — концептуальное, строящееся на понятиях, предполагающих развитую способность отвлечения и обобщения. Мы никогда не смешиваем представления объекта с вызванными им переживаниями и порожденными им двигательными реакциями. В коллективном же представлении первобытного человека все эти три элемента слиты.

В коллективном сознании тоталитарного общества мы найдем ту важную особенность коллективных представлений первобытного

человека, которую Л. Леви-Брюль усматривал в их «*мистическом*» характере. Всякий реальный объект окружающего мира наделен, по представлению такого человека, тайными свойствами, связывающими его со сверхъестественным миром и миром скрытых, невидимых реальностей, причем, тайные или явные, эти свойства связаны между собой. В силу мистической ориентированности своего мышления первобытный человек в любой вещи ищет наряду с ее реальными, явными свойствами те или иные скрытые, тайные, мистические, в которых он готов усматривать истинные причины явления.

Объекты, обладающие тайными, мистическими свойствами, густым роем окружают коллективного человека тоталитарного общества. Ими обладают разные символы и знаки, ритуалы и манипуляции, которым придается особая, скрытая значимость и сила. Поэтому-то флаги, штандарты, значки, гербы, символические скульптуры, скульптуры и портреты вождей и иные изображения, а также шествия и парады имели такую власть над людьми при коммунизме и нацизме. Эти же люди придавали особый смысл учению, свято верили в бесконечные возможности доктрины, т.е. обычного слова, в его абсолютную власть, могущую перевернуть весь мир и сделать его таким, каким они желали его видеть. Коллективные представления особым могуществом наделяли вождей, которые были для них магами. Кроме того, что очень важно, самой строй тоталитарной жизни, ее нормы и ценности обладали столь же неодолимой силой.

Коллективный тоталитарный человек дологичен, как и его далекий предок, он игнорирует свидетельства повседневного опыта, не способен сделать из него адекватные выводы, кроме тех, которые угодны тому же коллективному сознанию. Он интересуется и руководствуется главным образом мистической сопричастностью между вещами и явлениями, без затруднений допускает многоаспектность, к тому же ему самому не всегда понятную, любого объекта и не видит ничего невозможного в тех случаях, когда приходит в действие вызываемая его мистическими ощущениями эмоциональная волна. Эта волна порождена всем, что имеет отношение к сверхъестественному миру, к миру тайных сил и свойств, превосходящих обычную человеческую мощь.

Тоталитаризм стремится к упрощению, лжемессиям нужен простой мир и примитивный человек, которыми легче всего управлять. Вожди пытаются воссоздать примитивного человека с присущим ему мышлением и мировосприятием, резко ограничив, сведя до минимума духовные потребности. Примитивность есть низшая ступень и исходная точка исторического развития личности, которая на современном культурном этапе представляет со-

бой не только продукт биологической эволюции и развития в детском возрасте, но и результат указанного исторического процесса.

Подобно тому как взрослый человек на бессознательном уровне иногда стремится к психологическому возвращению в детство, когда он испытывал наивысший эмоциональный комфорт и защищенность, так и тоталитарное общество желает вернуться к тому, что позволило бы ему создать себе наилучшие условия существования. Фашизму и коммунизму совершенно не подходит чуждый им современный культурный мир с его социальными и политическими институтами и нравственными ценностями, со всей сложностью его искусства и духовного мира, а главное, отношениями между людьми. Поэтому красно-коричневые диктатуры от всего этого обязательно должны избавиться. Проявляемые при этом нетерпимость и особая жестокость есть свидетельство того, что современная культура не только чужда, но и глубоко враждебна тоталитаризму, поскольку она несет в себе смертельную угрозу его существованию. В этом смысле можно сказать, что фашизм и его разновидности вынуждены уничтожать культуру и живых ее носителей. Тоталитаризм видит мир только в черно-белом изображении. Отсюда, например, отвергание всех усложненных форм искусства и призывы к тому, чтобы оно всегда было понятно народу, отсюда и пожелание Ленина, чтобы кухарка управляла государством.

Центральной характеристикой тоталитарного сознания есть вера в простоту мира, в то, что любое явление может быть сведено к легко описываемому, наглядному сочетанию нескольких первичных феноменов. Если мир в основе своей прост, то вся работа ученых — не что иное, как бессмысленная трата народных денег, а их открытия и выводы — попытка заморочить людям голову. Но мир не только прост, но и непонятен, а поэтому любое непонятное есть злонамеренное запутывание стройного, не таящего никаких существенных тайн мира. Ученый, да и любой грамотный человек, своим существованием отрицает эту примитивную «победу разума», и поэтому режим относится к нему как к врагу, возвеличивая «простого» человека, который в университетах не обучался, но именно поэтому является носителем подлинной нравственности и добра.

Вера в простой мир ответственна за принятие катастрофических по своим последствиям управленческих решений. Носители этой веры не способны увидеть явление в единстве его положительных и отрицательных черт и тяготеют к однозначным решениям, которые далеко не всегда уместны. Если уж что-то плохо, оно во всем плохо, если хорошо — то тоже во всем. А следовательно,

любое социальное событие или природный феномен должны быть объектом всемерной поддержки или бескомпромиссной борьбы. Если мир прост, то действия, направленные на его улучшение, должны быть также просты если не технически, то по идее. Нехватка воды решается поворотом рек, недостаток денег — печатанием новых, демографические проблемы — запрещением аборт, распространение инакомыслия — помещением в психбольницы (добавлю — и уголовным преследованием). Вполне закономерно, что из всех возможных решений тоталитарная власть, за редким исключением, с завидным постоянством выбирает наихудшие. Здесь нет злого умысла — критерием выбора служит ориентация на простой вариант, не превышающий по степени сложности сложность картины мира тех, кто принимает решение. За простыми решениями стоит примитивное представление как о причинах проблем, так и о последствиях действий властей.

Иллюзия простоты создает и иллюзию всемогущества. Любая проблема может быть решена, достаточно лишь отдать верные приказы. Результат, правда, обычно противоположен тому, к которому стремились, но и тут есть объяснение — козни врагов. Простая картина мира касается не только природы, но и общества. Она диктует особый способ решения социальных проблем, последовательно разделяя социум на наших и не наших, хороших и плохих. К бесконечной борьбе между ними сводится фактически все историческое развитие. Поэтому целые народы и социальные группы объявлялись ненужными и вредными, поэтому они вытеснялись или уничтожались. Даже собственные государственные структуры тоталитаризм упрощает до предела, а точнее, все ветви власти (законодательную, исполнительную и судебную) сосредоточивает в одних руках. Так, всем известно, что единственной реальной властью в СССР обладал ЦК ВКП (б) (КПСС) и его бюрократический аппарат, даже карательные органы, в том числе те, которые осуществляли репрессии вплоть до расстрелов, были лишь «простым» продолжением компартийных организаций. Аналогичное положение существовало в фашистских Германии и Италии. В Италии вся полнота власти принадлежала Муссолини, который руководил Большим фашистским советом (БФС), ставшим высшим органом политической власти в стране. БФС реально контролировал правительство и парламент, утверждал законопроекты и декреты перед их внесением на рассмотрение парламента, т.е., будучи партийной структурой, действовал так же, как ЦК ВКП(б) (КПСС). Деятельность БФС, как и ЦК КПСС, была окружена мистической таинственностью и секретностью.

Муссолини присвоил себе официальное наименование — «глава правительства» — и должен был отчитываться не перед парламен-

том, а перед королем (носившим кличку «Шелкунчик»), который, в свою очередь, мог подписывать декреты лишь с ведома и согласия БФС и лично дуче. Король настолько превратился в марионетку, что не мог в соответствии с законом ни сместить главу правительства, ни даже назначить себе преемника. Особый трибунал, предназначенный для расправ над антифашистами, подчинялся непосредственно Муссолини, который к тому же руководил тайной политической полицией. Эта полиция (как и гестапо, ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ) была окружена полной таинственностью, что должно было внушать еще больший страх. Более того, она именовалась аббревиатурой ОВРА и до сих пор нет единого мнения по поводу того, как она расшифровывалась. Иными словами, непонятность названия тоже должна была вызывать страх.

С одной стороны, это означает единство власти, а с другой — свидетельствует о том, что разделение властей и прочие сложности чужды тоталитарному сознанию. Выборы, голосования, обсуждения, борьба партий ломают представления о простоте мира и решений его проблем и по этой причине тоже не могут восприниматься диктатурой. Когда все ясно и безальтернативно, нужен лишь вождь или группа вождей («коллективная мудрость партии»), которые «просто» решат все проблемы, а потом силой проведут свои решения в жизнь. Это, кстати, устраивает и обывателя, человека толпы, который сам ненавидит премудрости и всех ученых людей, а поэтому простота решений ему чрезвычайно импонирует. Нельзя не заметить, что главари современных орд и руководители партий фашистского толка лихо, не задумываясь, отвечают на любой вопрос — от политики до науки и искусства. Это тоже прямое следствие того, что для них все чрезвычайно просто и понятно, колебания и сомнения им несвойственны, они знают все, потому что все несложно.

Тоталитарно ориентированными личностями и их группами цивилизация бессознательно ощущается как утратившая свой престиж. Напротив, прошлое примитивное устройство жизни и отношений властно влечет их к себе, поскольку в нем они могут обрести психологический комфорт, а поэтому они с такой свирепостью начинают бороться с цивилизацией. Однако ни одну такую личность ни в коем случае нельзя считать ни варваром, ни примитивом в чистом виде, поскольку они родились, воспитывались и развивались в современной культурной среде, а поэтому несут на себе ее родимые пятна, от которых, впрочем, всячески пытаются освободиться.

Этический кодекс культуры лжемессиянства фиксирует примитивные отношения, а его главная слабость, как и аналогичных вар-

варских кодексов, в том, что он носит не общественный, не институциональный характер. Преданность вождю, которая опирается на ряд индивидуальных нравственных императивов, не может считаться равноценной заменой цивилизованной социальной системы. Современные примитивы (равно как и варвары, и первобытные народы) абсолютно не способны создать устойчивые, стабильно действующие социальные институты. Своды их правил закрепляют весьма непрочные отношения, содержанием которых являются не экономический интерес и этическая солидарность, а сила, принуждение и страх, переплетающиеся с корыстолюбием и чистоганом. Вся эта система немыслима без вождя и всех связанных с ним норм и требований, поэтому диктаторские режимы обычно распадаются (например, режим Франко в Испании), как только умирает вождь. Поэтому вечная жизнь, как у патриарха в романе Г.Г. Маркеса, — голубая, но, увы, нереальная мечта всех диктаторов и их приверженцев. Так было и в древности — держава западных гуннов распалась, как только умер Аттила. То же можно сказать применительно к империям Тамерлана, Чингизхана и т.д.

Известный философ Карл Поппер, анализируя некоторые современные расистские теории, писал, что их авторы считали, что человек сделал решающую ошибку, став цивилизованным и, в частности, начав помогать слабым. До того он был почти совершенным человеко-зверем. Однако цивилизация с ее искусственными методами защиты слабых привела к вырождению и, следовательно, должна в конце концов разрушить себя. Отвечая на такие аргументы, Поппер признает, что человек, возможно, однажды исчезнет из этого мира. Но к этому надо добавить, что это верно и для самых совершенных зверей, не говоря уже о тех, кто «почти совершенен». Теория, согласно которой человеческий род мог бы прожить несколько дольше, если бы не впал в фатальную ошибку — помогать слабым, весьма сомнительна. Однако если бы даже она была верна, действительно ли простая продолжительность выживания вида — это все, чего мы добивались? Или почти совершенный человеко-зверь имеет столь выдающуюся ценность, что мы должны предпочесть продление его существования (он и так существует уже довольно долгое время) нашему эксперименту по помощи слабым?

Поппер верит, что человечество не совершило фатальной ошибки, когда помогло многим слабым людям. Вот уже почти сто лет (его книга написана между 1938 и 1943 гг.) рабство практически отменено. Некоторые надеются, что оно вскоре будет вновь введено, но, если все это будет потеряно и даже если придется вернуться к совершенному человеко-зверю, это не изменит того факта, что однажды, хотя бы на короткое время, рабство действи-

тельно исчезло с лица земли. Это достижение и память о нем могут компенсировать некоторые наши неудачи. Они, им можно, компенсируют фатальную ошибку, сделанную нашими предками, которые упустили золотую возможность остановки всех изменений — возврата в клетку закрытого общества и установления на века совершенного зоопарка почти совершенных обезьян¹.

Я полагаю, что возможность создания подобной клетки закрытого общества никогда не упускалась теми, кого судьба или провидение наделили соответствующими силами. При ее сооружении они много раз пытались уничтожить слабых и создать совершенного человека, отбросив культуру и полагая, что только они обладают выдающейся ценностью, поскольку не солидаризировались с гуманизмом и цивилизацией. Иными словами, эти совершенные люди пытались исправить фатальную, на их взгляд, ошибку своих предков — открыто или почти открыто в гитлеровской Германии, в большевистском СССР, коммунистическом Китае.

Мы должны быть жестокими, — говорил Гитлер Г. Раушнингу, — Мы должны преобразовать совестливость в жестокость. Только так мы можем изгнать из нашего народа мягкотелость и сентиментальное филистерство. У нас уже нет времени на прекрасные чувства. Мы должны вынудить наш народ быть великим, если ему нужно исполнить свою историческую задачу.

В XX в. фактически вновь возвратили рабство: Гитлер и Сталин ввели его в концентрационных лагерях, в колхозах, на производстве, в строительстве. Правда, слово «рабство» там не употреблялось или употреблялось очень редко, но это было настоящее рабство, хотя современных рабов и не продавали на невольничьих рынках.

Гитлер стремился создать «простое» общество из господ и низшего слоя, фактически низведенного до уровня рабов. В беседе с Г. Раушнингом он сказал: «При естественном порядке классы, народы наслаиваются друг на друга, вместо того чтобы существовать рядом друг с другом. И мы вернемся к естественному порядку, как только ликвидируем последствия либерализма. Уже в позднее Средневековье началось либералистское разложение прочных сословных барьеров, охранявших единоличное господство аристократии высшей крови. И вот, наконец, в наше бесславное время все ценности извращены и неполноценные составные части европейских наций оказались наверху, а наиболее ценные — внизу»².

Движение Гитлера к примитиву очень точно диагностировал Геббельс, записав в своем дневнике 8 августа 1932 г.: «...фюрер —

¹ *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 62—63.

² *Раушнинг Г.* Указ. соч. С. 18, 142.

мастер упрощения, сложнейшие проблемы он видит в их лапидарной примитивности».

В 1932 г. в узком кругу избранных Гитлер так изложил свои планы переустройства общества в смысле его возвращения в прошлое: «Будет класс господ — исторически сложившийся, созданный из различных элементов посредством борьбы. Будет множество иерархически организованных членов партии. Они станут новым средним словом. И будет большая масса безымянных, класс служащих, вечно немых — все равно, были ли они прежде представителями буржуазии или дворянства, рабочими или ремесленниками... Однако ниже них будет стоять слой поработанных иностранцев, проще говоря — современных рабов. А на самом веру будет новая высшая аристократия, особо заслуженные и особо ответственные лидеры».

Еще в начале фашистского господства, в 1933 г., Геббельс писал: «Необходимо создать структуры, в которых будет проходить вся жизнь индивида. Любая деятельность и потребность каждого отдельного человека будут регулироваться партией, представляющей всю общность. Не будет больше никакой «самодеятельности», не будет никаких свободных пространств, где индивидум принадлежал бы сам себе... Время личного счастья кончилось».

Подавление личности, полное поглощение ее системой есть яркое проявление тенденции к примитиву, особенно к тому периоду, когда нравственность и духовность еще только начали формироваться. В этом аспекте знаменательны следующие слова Гитлера: «Предопределение начертало мне стать величайшим освободителем человечества. Я освобожу человека от духовности, ставшей самоцелью, от грязных и унижительных самоистязаний — химеры, называемой совестью и моралью, и от претензии на свободу и личную независимость, до которых всегда дорастают лишь немногие.

Христианскому учению о бесконечно большой значимости каждой человеческой души и личной ответственности я с холодной ясностью противопоставляю освободительное чтение о ничтожестве и незаметности каждого человека и его загробной жизни по сравнению со зримым бессмертием нации. Вместо догм об искупительных муках и смерти божественного мессии — искупительная жизнь и деятельность нового фюрера-законодателя, освобождающая массы верующих от бремени свободы выбора».

Надо отметить, что Гитлер иногда признавал, что движется далеко назад. Так, в разговоре с Г. Раушнингем он сказал: «...те, кто слышит древний голос человечества, кто посвящает себя вечному Движению, — призван стать новым человечеством».

Лозунги большевиков о построении общества, в котором все будут равны, обладали в прошлом огромной притягательной силой, но теперь мало кого обманут, поскольку известно, что их практика

не имела ничего общего с теорией. Действительные рабы большевизма в концентрационных лагерях и колхозах, равно как и другие полусвободные люди («немые» — по терминологии Гитлера), находились под полным господством высшей аристократии — партийно-государственной номенклатуры. Как и в фашистской Германии, существовал еще один довольно многочисленный и страшный слой — порода палачей, выполнявших карательные функции и обеспечивавших власть верхушки. Поэтому упрек в адрес большевиков, что-де замыслы у них были отличные, а вот средства для их реализации они, к сожалению, избрали аморальные, весьма наивен и не выдерживает никакой критики. Дело в том, что «строители коммунизма» сразу начали создавать строго дифференцированное общество, в котором были все перечисленные группы.

Кроме рабов ГУЛАГа и крепостных колхозников, стали закабалиться и относительно свободные городские жители.

27 мая 1940 г. было принято постановление СНК СССР «О повышении роли мастера на заводах тяжелого машиностроения». Мастер превращался в надсмотрщика.

26 июня 1940 г. вышел новый указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Рабочие и служащие оказались приписанными к месту работы.

10 июля 1940 г. появился указ «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Указ предусматривал уголовные наказания.

19 октября 1940 г. принимается решение «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». Закабаление становилось еще более жестким и бесчеловечным.

Эти драконовские законы существенно дополнял ряд других, предусматривающих уголовную ответственность за мелкие хищения на производстве и в колхозах, за ненадлежащее обращение с техникой и ее повреждение (в колхозах еще за ненадлежащее обращение со скотом); в 1940 г. стали сажать за прогулы работы и опоздания на работу.

5.2. Нумера и примитив

Подавление и упрощение личности, примитивизация общественной жизни в итоге создали то сообщество «Мы», которое изо-

бражено в одноименном романе Е. Замятина, сообщество, в котором живут, нет — функционируют не люди, а номера.

Как всегда, Музыкальный Завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли номера — сотни, тысячи номеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди — государственный номер каждого и каждой. И я — мы, четверо, — одна из бесчисленных волн в этом потоке. Слева от меня — 0—90, справа — два каких-то незнакомых номера, женский и мужской.

Номера, естественно, не имели имен и обладали скудным набором самых элементарных прав даже для удовлетворения физиологических потребностей, например правом «на сексуальный продукт». Поскольку любовь, как и другие чувства и эмоции, кроме тех, с помощью которых предписывалось воспевать Верховного правителя, Благодетеля, запрещалась, то для интимной близости нужно было лишь записаться на любого номера, т.е. к нему (к ней) в постель. На такое посещение брался розовый талон, за использованием которого строго следили, но при этом возникала одна редкая возможность в таком обществе прозрачных стен — можно было опустить в комнате шторы.

Замятин был исключительно точен: большевики, например, действительно создали общество прозрачных стен. Это достигалось преобладанием коммунальных квартир и общежитий, причем случалось, что в одной комнате жили по две-три семьи, даже не связанные никакими родственными узами; установлением уголовной ответственности за добровольные гомосексуальные акты; отсутствием свидетельского иммунитета, когда каждый должен был доносить на каждого, даже мать на родного сына, да и вообще всеобщим доношением, широчайшей сетью доносчиков; обсуждением «аморальных» поступков в коллективах и т.д. Причем давление и воспитание были такими, что множество номеров доносили, например, с удовольствием.

Разумеется, управлять идентичными друг другу номерами в такой безжизненной культуре одинаковой простейшей пищи и одежды, строжайшей, неукоснительной дисциплины — одно удовольствие. Однако не совсем ясно, как добиться того, чтобы появлялись не люди, а не отличающиеся друг от друга номера. Ответ можно получить у одного из очень ироничных англичан, О. Хаксли, в его романе-антиутопии «О дивный новый мир». Совет прост: эти существа можно выращивать в бутылках, программируя вместе с тем и их будущую общественную дифференциацию, т.е. вхождение в заранее предопределенные социальные группы.

Строя и укрепляя примитивное общество, фашисты и большевики проделывали это под толстым одеялом демагогии и обмана.

И те и другие стермились к культуре, в которой отношения между социальными группами и отдельными людьми представлялись в сугубо черно-белом изображении. Подобное мировосприятие очень точно выразил известный «пролетарский» поэт в словах: «Тот, кто поет не с нами, тот против нас».

Фашистами и коммунистами сразу же после прихода к власти было «упрощено» государство, т.е. заменено по существу партией. Была осуществлена также примитивизация права, закона, правосудия, что не могло немедленно не обернуться кровавым произволом и неограниченным беззаконием. Вот несколько весьма показательных высказываний Гитлера о праве, юриспруденции и юристах, записанные Г. Пикером: «...он обратил внимание, что завещание... только тогда имеет силу, если подпись под ним заверена нотариусом. Подписи германского рейхсканцлера вкуче с имперской печатью, оказывается, нет веры, если отсутствует подпись нотариуса. Ни один разумный человек этого не поймет! Ни один разумный человек не в состоянии понять правовых учений, которые напридумывали юристы — не в последнюю очередь под влиянием евреев. В конце концов, вся нынешняя правовая наука — это лишь схематизация знаний о том, как перекаладывать ответственность на другого. Он поэтому сделает все, чтобы подвергнуть всевозможному презрению изучение права, то есть изучение всех этих правовых воззрений».

«Ему (Гитлеру. — Ю.А.) нужны судьи, которые твердо убеждены в том, что право — это не отстаивание интересов личности от посягательства государства, но в первую очередь забота о том, чтобы Германия не погибла».

«Если раньше актеров хоронили только на живодерне, то нынче именно юристы заслуживают того, чтобы их там хоронили. Нет никого ближе юристу, чем преступник, а если учесть, что оба — космополиты, то между ними просто нет разницы».

«Ныне он со всей откровенностью заявляет, что для него любой юрист или от природы неполноценен или со временем станет таковым».

В СССР, особенно в 1920—1930-е годы, о законе и законности отзывались примерно так же. Большевистские теоретики находили массу оправданий для беззакония, и их лакейская услужливость переходила все рамки приличия. Так, А.К. Стальевич, известный в прошлом теоретик права, решительно возражал против отношения к закону как к чему-то «господствующему, всевышнему, озаренному ореолом надклассовой справедливости, превосходнейшему, служащему общему благу». Он не мог смириться с правовым

характером власти, с тем, что над государством возвышается закон, велениям которого оно не может противоречить. Заклеймив подобные взгляды в качестве буржуазных, Стальгевич, на работах которого воспитывалось не одно поколение советских юристов, сокрушается по поводу того, что в соответствии с такими взглядами Советское государство «приобретает особый характер, характер государства правового, «связанного законом» и «ограниченного» законом. Цитируя слова Ленина о том, что Советское государство представляет собой «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть», этот автор «мудро» предостерегает против механического применения буржуазной теории к социалистическому государству.

Подобные «научные» упражнения и в других «научных» поделках можно найти без особого труда. Думается, что их авторы должны нести нравственную ответственность за свои писания, которые образовали идеологический и правовой фундамент массовых репрессий. А то, что государство не было стеснено никакими законами и опиралось на насилие, нашему народу, к сожалению, хорошо известно. Можно сказать, что социалистическое государство делало то, что ему хотелось, до крайности упрощая проблему законности.

В примитивном обществе должны жить примитивные люди, которые поэтому должны получить лишь минимальное образование. Вот что думал по этому поводу, судя по записям Г. Пикера, Гитлер: «Человека нужно учить лишь самому необходимому, все остальное будет ему только мешать! В школе нужно давать только общие знания, которые послужат фундаментом для специальных знаний. События громоздятся одно на другое. Какая же голова должна быть у ребенка, чтобы освоить историю родного края, историю страны в целом, да еще и историю рейха? Зачем мальчику, который хочет заниматься музыкой, геометрия, физика, химия? Что он запомнит из всего этого? Ничего. От любого подобного изложения следует отказаться. Администрация школы обязана так составить план занятий, чтобы детям давали только те знания, чтобы с честью выдержать жизненные испытания. В остальном же гораздо разумнее сделать так, чтобы они как можно больше времени проводили на свежем воздухе».

Это — для самого немецкого народа, для расы господ. Покоренные же народы, по Гитлеру, должны усвоить лишь язык жестов. Меморандумом Гимmlера (1940) «Об обращении с инородцами на Востоке» предписано, чтобы обучение для не немецкого населения не превышало четырех классов и ограничивалось простым счетом до пятисот, написанию своего имени и тому, что господь бог требует

слушаться немцев и быть честным, прилежным и порядочным. Умение читать признавалось излишним.

Как легко заметить, фашистские правители вовсе не намеревались обременять образованием все население гитлеровского рейха, в том числе немецкое. Не только покоренные народы, но и сами немцы вместо знаний напихивались национал-социалистской идеологией. Параллель напрашивается сама собой — точно так же навязывали коммунистическую идеологию советскому народу, который должен был поглощать ее, не раздумывая, просто принимая на веру.

Совсем не мудрствовали и вожди. Удивительным примитивизмом пронизаны многие высказывания Сталина по сложнейшим вопросам коммунистической утопии и так называемого социалистического строительства. Так, в Отчетном докладе XVII съезду партии в 1934 г. он высказал, например, следующие соображения.

«Бесклассовое общество не может прийти в порядке самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем уничтожения классов. Дело, кажется, ясное». «Будущая коммуна возникнет на базе более развитой техники и более развитой артели, на базе изобилия продуктов. Когда это будет? Конечно, не скоро. Но это будет. Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артели в будущую коммуны. Это спутало бы все карты и облегчило бы дело наших врагов... Дело, казалось бы, ясное и почти что элементарное».

«Марксизм является врагом уравниловки. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» бичевали Маркс и Энгельс примитивный утопический социализм, называя его реакционным... Энгельс в своем «Анти-Дюринге» посвятил целую главу бичующей критике радикального уравнительного социализма... Кажется, ясно».

«Возьмем вопрос о лозунге: «сделать всех колхозников зажиточными». Этот лозунг касается не только колхозников. Он еще больше касается рабочих, так как мы хотим сделать всех рабочих зажиточными... Казалось бы, дело ясное».

Подлинным «шедевром» примитива является написанная Сталиным глава о диалектическом и историческом материализме в «Кратком курсе истории ВКП(б)», в которой все архитрудные и многоплановые проблемы человека и общества решены с обезкураживающей простотой и, по мысли автора, раз и навсегда. Впрочем, это характерно для всей марксистко-ленинской теории, у которой всегда был готов исчерпывающий и окончательный ответ на любой вопрос в экономике, политике, науке, технике, искусстве, военном деле, международных отношениях, спорте и т.д. Сама

коммунистическая утопия есть, собственно, торжество примитива, поскольку в нем все сводится к простейшим и банальнейшим решениям и не принимаются во внимание давно установленные закономерности и истины. В этом плане особенно показательным отношением марксизма-ленинизма к личности: с одной стороны, полное пренебрежение к ней, а с другой — уверенность, что ее можно переделать так, как того хочется. Но можно полагать, что игнорирование человека проистекало из того, что марксисты-ленинисты бессознательно предчувствовали, что создать личность по их образцам все-таки не удастся.

В учебнике по психологии отечественный исследователь М.И. Еникеев дает следующий весьма интересный перечень наиболее характерных черт тотализированного типа личности: конвенционализм — некритическое принятие догматических норм и правил, тревожная озабоченность за их повсеместное исполнение; верноподданность, авторитарная зависимость — преклонение перед официальной властью, некритическая идеализация политических лидеров, вера в их незаменимость; авторитарная агрессивность — ненависть ко всем инакомыслящим; этноцентризм — крайняя переоценка роли своей нации во всемирно-историческом процессе, наделение других народов отрицательными качествами; ригидность, косность мышления, беспепелляционность суждений, оценок, неспособность к диалогу, пониманию оппонентов; уверенность в «моральной чистоте» только представителей своей группы; стремление к самоутверждению через принадлежность к корпоративным, кастовым объединениям, высокомерие и враждебное отношение к людям, не входящим в корпорацию; депрофессионализация — утрата компетентности, профессиональных знаний, социальной ответственности.

Эта упрощенная личность есть точный сколок с упрощенного общества, это древняя, а не современная личность, но именно она нужна диктаторским режимам. Этот режим, как и его первобытный прототип, все решает очень просто, в том числе проблемы со своими высшими чиновниками.

В цивилизованных странах неугодных министров и других высших чиновников, не справившихся со своими обязанностями, отправляют в отставку. В тоталитарных же странах их обычно расстреливают, а для устрашения и достижения полной покорности репрессируют жен и ближайших родственников. Но точно так же поступали и дикари: великий путешественник и гуманист Д. Ливингстон в середине XIX в. при посещении в Центральной Африке местного царька заметил, что вход в его двор был украшен множеством черепов и у большого числа его сановников были обрезаны уши, а у некоторых отрублены руки. Ливингстон

считал, что такими способами царек добивался усердия в работе и честности своих министров. Столь же кровавыми способами Сталин добивался полной, рабской покорности своей камарильи, и по-своему он был вполне логичен, поскольку его ближайшим сподвижникам иной язык был попросту непонятен.

Лжемессианской культуре была органически чужда религия. Впрочем, это была другая культура; во-вторых, религия в более или менее современных формах появилась лишь тогда, когда древние люди одолели то, что теперь называется цивилизацией. Лжемессии и их учения, как уже было показано, тяготели к дорелигиозным, доцивилизованным формам жизни, т.е. стремились назад, в доцивилизованное прошлое.

В России большевиками в 1922 г. была создана Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б), преобразованная затем в Антирелигиозную комиссию при Политбюро ЦК ВКП(б). В 1922—1929 г. по ее решению были изъяты книги Платона, И. Канта, А. Шопенгауэра, Вл. Соловьева, Ф. Ницше, Л.Н. Толстого. Было запрещено исполнение церковной музыки, в том числе величайших произведений художественной культуры — «Всенощной» С.В. Рахманинова и «Реквиема» В.А. Моцарта.

Утопически ориентированное мышление тоталитарной личности возвращает ее к первобытным временам. В те далекие годы дикари находили всему объяснение в мифах, если не в подробностях, то в принципе. Как только происходило событие, хоть сколько-нибудь выходящее из привычного ряда, объяснение ему уже было готово. Тайны, загадки природы не принуждали и не понуждали их к какому-либо умственному усилию. Мистически ориентированные, наши предки уже сразу же готовы были признать позади видимого мира тайный, сверхъестественный, который был для них еще более реальным и более важным, чем повседневный. Вот почему на том уровне развития был невозможен прогресс.

К абсолютно тому же побуждала жителей тоталитарной страны идеологическая машина, опирающаяся на государственное принуждение. Все ответы надо было находить в готовом виде в произведениях так называемых классиков марксизма-ленинизма, даже если возникали сугубо научные проблемы в области физики или биологии, не говоря уже о философии и других социальных науках. Эти произведения суть современные мифы, они, как и древнейшие мифологические сказания, в сущности, не объясняли сверхприроду, тайну, не давали возможность решить проблему, а только отражали самих себя. Коммунистическая доктрина была большей реальностью, чем действительность, данная в непосредственных ощущениях.

Как и первобытное, тоталитарное сознание особо чтит своих предков-основателей — это основоположники и умершие герои. Как и в первобытном, наиболее архаичном обществе, в тоталитарном идея прогресса не присутствует имманентно.

Тоталитаризм есть прямое указание на то, что часть общества изнемогает под бременем цивилизации и ее сложностей, стремится сбросить с себя ее путы и обрести простейшие решения. Отсюда яростная борьба фашистов и коммунистов с общепринятой моралью и высшими ценностями, с теми достижениями интеллекта и духа, которыми особенно гордится человечество. Собственно говоря, это и есть поражение разума и торжество примитива, т.е. попытка вернуться к первобытному восприятию мира, как это было на заре истории.

Означает ли приход коммуно-фашизма крах разума? Повидимому, современный разум все-таки терпит поражение, поскольку постоянно выталкивается смутными видениями и образами прошлого, примитивной логикой, грубой и слепой силой, новыми старыми ценностями и установками, которые отныне объявляются бессмертными и пытаются смести тысячелетние рациональные правила. Не случайно фашисты и коммунисты изгоняли из страны своего господства самых мудрых и талантливых, место которых тут же занимали в лучшем случае посредственности, но этим тоталитаризм ковал собственную гибель. Одним словом, это уход от цивилизации, которая означает компромисс, стремление к согласию, выработке единых норм, придерживаясь которых люди могут сосуществовать. На этой базе возникают мораль и право, под защитой которых человечество пытается обрести покой. Коммуно-фашизм всегда против компромисса и соглашения.

Возвращение тоталитаризма к примитиву и отрицание современной нравственности ярко проявились в сексуальной разнузданности представителей власти этого режима. Пользуясь отсутствием какого-либо контроля со стороны общества и злоупотребляя своим положением, нацистские и коммунистические большие и малые главари и их подручные предавались самому грязному и гнусному разврату, хотя самые «верхние» вожди — Ленин, Сталин, Гитлер — в интимной жизни были достаточно скромны. Подлинные же масштабы преступного распутства в красно-коричневых странах можно представить себе только в том случае, если учесть сотни тысяч изнасилованных женщин во время массовых репрессий и в концентрационных лагерях, во многих из которых существовали гаремы для начальства. По некоторым данным, в 1930-х годах из числа репрессированных советских женщин создавались даже публичные дома, например в Ростове-на-Дону. В число пострадавших женщин

необходимо включить и всех тех несчастных, подвергшихся сексуальному насилию после нашествия немецких войск в захваченные страны, а советских — в Германию.

В системе СС нацисты создали специальные организации под названием «Источники жизни» («Лебенсборн»), своего рода племенные заводы для людей. Там специально отобранные девушки с совершенно нордическими признаками спаривались с эсесовцами, отобранными по тем же критериям, для воспроизводства нордического потомства, не вступая между собой в какие-либо законные брачные союзы и даже просто человеческие контакты. Дети, родившиеся в этих пунктах случки, построенных на принципах направленной евгеники, принадлежали государству и воспитывались в специальных школах. Теоретически они должны были составить первое поколение чистых нацистов, сформированных начиная с эмбриона. Крушение фашистского режима не позволило продолжить этот эксперимент. Однако в «Источниках жизни» уже появилось на свет 50 тыс. детей, чей интеллектуальный уровень оказался значительно ниже среднего, а доля умственно отсталых среди них в четыре-пять раз превышала норму. Это неудивительно, поскольку дети рождались вне семьи и не знали материнской ласки.

Здесь мы видим полное возвращение к раннепервобытному человеческому стаду, когда не было и подобия семьи, не было любви и каждый вступал в сексуальные отношения с каждым, а детей растило все племя. Если нацисты пытались поместить всех немцев под одно одеяло, то коммунисты очень желали все время контролировать, что под этим одеялом происходит. Такие действия можно квалифицировать как вуайеризм, т.е. непристойное подглядывание за половым актом, в данном случае — на психологическом уровне. Как я хотел бы показать ниже, вуайеризм представляет собой одно из внезапных возвращений к современному человеку древнейшего невоспоминаемого опыта (коллективного бессознательного). Можно сказать, что при тоталитаризме этот опыт возвращается в самых различных формах: конечно, он вдруг возникает и в самых благополучных демократических обществах, но у отдельных людей, а в деспотиях — и на государственном и массовом уровне.

Предпринимались и другие усилия по примитивизации личной жизни. Гиммлер и Борман, учитывая образовавшийся из-за войны дефицит самцов-производителей, планировали введение полигамии. Предполагалось также, что брак, в котором свыше пяти лет не было детей, государству придется расторгнуть, а кроме того, все замужние и незамужние женщины, если у них нет четверых детей, обязаны до достижения возраста в 35 лет произвести с безупречными

в расовом отношении немецкими мужчинами четверых детей. Не имело значения при этом, были ли эти мужчины женатыми или нет. Каждая семья, уже имеющая четверых детей, должна отпускать мужа для этой акции.

Еще один момент я считаю чрезвычайно важным для понимания глубинного и истинного смысла тоталитаризма как возврата далеко назад. Это непреходящее стремление современных деспотов сделать всех одинаковыми во всем: в поведении, манере вести себя и образе жизни, общении, одежде, даже в мыслях и чувствах и, конечно, в преданности государству, одним словом, чтобы все люди были бы, по Е. Замятину, лишь нумерами. Таких результатов, как известно, пытались достичь террором, идеологической и психологической обработкой, всеобъемлющим контролем за жизнью людей, пресечением контактов с другими странами, уничтожением оппозиции и т.д. Но ведь это не только насилие ради насилия, не только жажда полного господства ради господства: внутренним и далеко не очевидным смыслом подобных действий диктатуры является желание возврата людей в первобытное стадо самых ранних этапов человеческой истории, когда люди действительно были одинаковыми и человек еще не успел выделиться в качестве самостоятельной ценности.

Если это так, то, следовательно, тоталитарные диктатуры отнюдь не сами создают себя, их действия лишь весьма относительно произвольны и не направляются только ими. Они влекомы тем тайным смыслом, который вложила в них история (или природа).

Тоталитарная теократия с ее государственным террором обладает еще одной чертой, которую точно подметил Камю. Это неодолимое стремление к вечному движению, которое оставляло за собой руины и выискивало все новые и новые жертвы. Германия, пропитанная гитлеризмом, потерпела крах, потому что развязала всемирную бойню, руководствуясь при этом, по мнению Камю, местечковым политическим мышлением. Гитлер пустил в ход вечный двигатель завоеваний и захватов, без которых он остался бы ничем. Непрекращающиеся поиски врага предполагают и непрекращающийся террор — теперь уже на государственном уровне.

Эти безусловно верные положения нуждаются в интерпретации и дополнениях. Прежде всего, необходимо выяснить, для чего красно-коричневым нужно было вечное движение, в чем его смысл, потому что одна лишь констатация такой тенденции мало что дает. Можно предположить, что страсть к постоянной борьбе с кем-то, с чем-то или за что-то сродни движениям лежащего на воде человека, чтобы удержаться на ее поверхности. В этом тоталитарная диктатура смыкается с профессиональным уголовником, который живет от преступления к преступлению, все время ищет возможности

их совершения и таким способом ведет постоянную игру. Не случайно моралью уголовника пронизана мораль и идеология коммуно-фашизма. В то же время в этом непреходящем поиске врагов и их уничтожении просматривается отношение первобытного человека к окружающему миру, который воспринимался им как всегда враждебный и поэтому требовал от него постоянного и адекватного отпора и нападения в целях защиты. Но ни местечковое мышление, ни первобытная психология в условиях современной цивилизации не могут рассчитывать на окончательный успех. Психология архаичных времен, воплощаясь в конкретных людях и их делах, способна сотрясать цивилизацию, наносить ей тяжелейшие удары, но не уничтожить ее.

Национал-социализм и коммунизм (последний был особенно страшен в облике большевизма) превратились в религию. Идеология, мессы, надежды на лучшие, поклонение новым спасителям придавали этим движениям характер веры. Их идеология приобрела тотальное значение, не допуская никакой другую, в том числе религиозную. Борьба с церковью наиболее грубой и кровавой была в СССР, в Германии она велась более скрытыми способами, хотя сам Гитлер был убежденным и последовательным противником религии и церкви.

Особое внимание нацизм и коммунизм уделяли молодежи, понимая, что ее завоевание «обеспечит» их будущее. Идеологической обработке подвергались самые юные (в СССР, например, пионеры), затем они переходили в гитлерюгенд и комсомол, а уже избранные из них — в партию. Доказательства ориентации нацизма и коммунизма на молодежь обнаруживаются повсеместно, так как в молодежи они усматривали ключ к собственному успеху. Решающую роль при этом играли образование и воспитание. Национальное единство было основным требованием, которое предъявлялось германскому обществу нацизмом, а классовое единство — коммунистами, хотя следует признать, что рабочий класс, которому демагогически отводилась решающая роль в обществе, вообще никакой власти не имел.

Принцип фюрерства (вождизма) был основополагающим для всего общества. Общественная жизнь строилась вокруг центра, лидера и его окружения. При этом деление на общественную и частную жизнь не допускалось. Отсюда многочисленные «личные дела» отдельных людей, которые так любила толпа, разбирая даже интимные вопросы на собраниях. По глубокому убеждению Гитлера, Сталина и Мао Цзэдуна (во всяком случае, это вытекает из их действий, выступлений и т.д.), прогресс человечества зависит не от объективного развития общества, а от гениальности и воли вождей.

Мнение большинства для них попросту не существовало, причем вполне объективно, поскольку это большинство было задавлено и не могло даже подать голоса.

Вожди и их клики составляли полное единство и со своими народами, они часть одного органичного целого. Каждое из обществ, которое возглавляли вожди, могло двигаться лишь к одной цели, которую лидеры и определяли.

Китайский, немецкий и российский народы всей своей историей и менталитетами были предуготовлены к тому, чтобы иметь своих любимых вождей и подчиняться им. Вожди играли роль отцов, которым можно довериться и которые решают за людей все сложные и ответственные вопросы. Человеку, оставшемуся в жестких рамках созданных лжемессиями культур, остается только подчиняться их мудрым указаниям, тем самым снимая с себя груз ответственности и облегчая себе жизнь. Попадая в толпу себе подобных, стянутую обручем единой, обязательной и жесткой идеологии, люди, как им казалось, начинали преодолевать свою отчужденность. Однако это была лишь видимость при всеобщем доносительстве и отказе от цивилизации.

Вожди создавали специфическую культуру и массовое познание как ее неотъемлемую часть, умело манипулируя им и используя в необходимой мере уже имеющиеся в толпе пристрастия и предубеждения. Тоталитарное мировоззрение сейчас, казалось бы, ушло навсегда, но многие его пережитки, надежды и предубеждения остались, ожидая своей актуализации. Это относится не только к вечнозеленому коммунизму, но даже к нацизму и фашизму.

5.3. Лжемессии и искусство

Можно ли утверждать, что ни в одной тоталитарной стране не было ни одного выдающегося, а тем более великого произведения искусства и литературы? Такие произведения создавались в подобных странах, но это было только местом их рождения, и не более. Вот почему Шостакович не может считаться советским композитором, а Пастернак и Солженицын — советскими писателями. Советскими, нацистскими, фашистскими и т.д. можно считать лишь те произведения художественного творчества, в которых прославляется коммунизм, нацизм, фашизм, маоизм и др., их лидеры. Произведения поэтов, музыкантов, прозаиков, скульпторов, кинематографистов и т.д. о любви, дружбе, преданности Родине, созданные на земле, оскверненной тоталитаризмом, отнюдь не прославляют его и его «мессий». Конечно, в те же годы появилось великое множество прославлений и гимнов «любимому» правительству, партии, строю, вождям, но они канули в Лету сразу же после провалов породивших их режимов.

Однако не все так просто, как представляется на первый взгляд. Могут возразить, что на потребу нацизма или коммунизма творили весьма талантливые люди, например В.В. Маяковский. Он действительно очень много сделал для пропаганды марксистско-ленинского социализма и особенно культа главного «мессии» — Ленина. Между тем выдающимися можно считать лишь художественные формы его сочинений, но отнюдь не их содержание (чего стоит, например, прославление им обер-палача Дзержинского!). По этой причине после «кончины» СССР в ту же могилу ушло и творчество «лучшего, талантливейшего» поэта Маяковского. Следовательно, и выдающиеся деятели искусства и литературы могут обслуживать тоталитаризм и его «мессий», но судьба их произведений именно по этой причине будет весьма плачевной, они никогда не будут признаны великими.

Тоталитаризму попросту не нужен и органически чужд талант и тем более гений. Поэтому система одних уничтожает (Гумилёв, Мандельштам, Мейерхольд, Флоренский, Вавилов, Клюев, Цветаева), других травит, выдворяет, выживает из страны (Бунин, Шмелёв, Замятин, Шаляпин, Куприн, Рахманинов, Бердяев, Солженицын, Бродский, Пастернак, Ахматова). Советская власть, равно как и немецкие нацисты, объявила интеллигенцию, особенно творческую, художественную, своим врагом номер один и организовала ее постоянную травлю. Доктор философии и литератор Геббельс, считавшийся в кругу гитлеровской верхушки чуть ли не главным интеллектуалом, приравнивал врагов-интеллигентов к евреям. Вместе с тем современные деспотии всячески поощряли, с позволения сказать, искусство, культивирующее грубую, бездушную, примитивную силу. Поэтому в фашистской Германии и большевистском СССР так любили писать, лепить и высекать плакатные квадратные физиономии без проблеска мысли, но со стальными мускулами и нерассуждающей готовностью и к агрессии, и к подчинению. Глыбообразные бабиши со снопами, девушки с веслами, физкультурники и военные с идиотски счастливыми лицами и могучими икрами «украшали» наши выставки, так называемые парки культуры, клубы, официальные учреждения, школы и т.д.

Вообще тоталитарное искусство в СССР, нацистской Германии, маоистском Китае и фашистской Италии было поразительно единым по содержанию и форме в живописи, скульптуре и архитектуре, которые всегда тяготели к ложному монометаллизму и бездушной помпезности. В живописи и скульптуре разрабатывались одни и те же сюжеты — вожди, «простые люди», естественно, всегда счастливые или готовые отдать себя во славу режима. Более чем довольные жизнью семьи и т.д. Надо признать, что среди них были и достаточно

талантливые, например «Рабочий и колхозница» В. Мухиной, хотя и в этой работе, естественно, видны тоталитарные штампы: более чем мускулистые тела без признаков интеллекта и яркая демагогия, причем, как остроумно заметил поэт Е. Евтушенко, «колхознице не мешало бы дать хотя бы «маленький паспортчек»».

Вот что писал один из главных идеологов Третьего рейха Розенберг, книга которого «Миф XX века» (из нее мы приводим выдержку) очень высоко почиталась фашистами, особенно их элитой, уступая лишь «Моей борьбе» Гитлера: «Во всех городах и во всех деревнях Германии... лица под стальной маской на военных памятниках... имеют сходство, которое можно назвать мистическим. Прямой, изборожденный морщинами лоб с глубокими складками в уголках, говорящими о твердой воле. Широко раскрытые глаза смотрят прямо. Они устремлены вдаль, в вечность. Воля и мужественность фронтовых солдат заметно отличают их от идеала красоты прежних времен: внутренняя сила стала еще заметнее, чем в эпоху Ренессанса или барокко. Такая же идеальная красота присуща и немецкому рабочему и вообще каждому борющемуся немцу... Тождество это хотят скрыть морфинисты-«бастарды», рисующие в еврейских и «рабочих» газетах и журналах искаженные лица нравственных калек, делающих гравюры на дереве, где идиотизм и эпилепсия должны изображать волю и борьбу, ее скрывает и церковь, малюющая распятия и божьих агнцев».

Выспренное словоблудие Розенберга не мешает понять, какое эмоциональное воздействие оказывал или должен был оказывать на молодых немцев описанный эталон арийского мужчины. Можно не сомневаться, что такой человеческий примитив готов был исполнить любой приказ, даже пойти в палачи и мародеры. «Теоретическое» обоснование антисемитизма, ненависти и пренебрежения к другим народам, иные, в том числе публицистические, писания на эти темы, им же посвященные произведения «искусства», равно как и большевистские письменные и устные упражнения о классовой морали, коммунистических ценностях, бдительности, необходимости усиления борьбы с империалистами и внутренними врагами, активно насаждали насилие в обществе, бездуховность и примитив.

В фашистской Германии была запрещена критика искусства. В приказе Геббельса было сказано, что начиная с 27 ноября 1936 г. раз и навсегда запрещается такая критика. «Впредь сообщения и репортажи об искусстве должны занять место критики искусства, которая возомнила, будто является его судьей, что имело место со времен еврейского господства в искусстве, полностью исказившего концепцию критики... В репортажах об искусстве какая-либо оцен-

ка содержаться не должна, ограничиваясь лишь описанием явлений и событий»¹.

В СССР критика произведений литературы и искусства позволялась, но только с идеологических марксистско-ленинских позиций. Еще имела свирепая цензура, которая строго следила за тем, чтобы в искусство, литературу и науку не пробралась крамола. Те, кто поддерживал все правила, обычно процветали в отличие от раскольников и тем более идеологических врагов, которых преследовали как просто общеуголовных преступников.

В Третьем рейхе, отмечает Д. Моссе, основной задачей культуры было распространение нацистского мировоззрения² (в СССР — соответственно марксистско-ленинского, в Италии — фашистского). Национал-социалистское мировоззрение основывалось на неприятии рационализма, что, по-моему (! — Ю.А.), в немалой степени связано с гитлеровским мистицизмом, свойственным фюреру с самого начала, еще до прихода его к власти. Наряду с этим любая попытка придать значение человеческому разуму рассматривалась как препятствие, нарушающее эмоциональную целостность идеологии, «понятной» всему народу. Гитлера называли поэтом, ставшим государственным деятелем, поскольку он способен проникать в суть германского бытия, государственным деятелем, потому что ему удалось создать новый народ. Сталина не называли поэтом, хотя в молодости он пописывал стишки, совершенно, впрочем, безвинные, но великим ученым всех времен и народов признавали.

В СССР интеллект и интеллектуалов совсем не жаловали, а наиболее «зловредных» жестоко преследовали. Основными героями выступали простые, не «изувеченные» интеллектом и знаниями парни из числа рабочих. Основу же германизма составляло крестьянство, которое обеспечивало сохранность расовых корней, непохожесть немцев на другие народы, да и все историческое развитие страны. Крестьяне были основными героями нацистского движения, хотя наряду с ними существовали и другие. Как уже отмечалось, скульптор Мухина тоже очень постаралась, чтобы наши колхозницы были вполне «счастливы».

Култ силы и примитив проповедовали и итальянские фашисты. На берегу Тибра в Риме был выстроен вульгарный «форум

¹ См.: Моссе Д. *Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма*. М., 2010. С. 199.

² См.: Там же. С. 168.

Очень не повезло у фюреров великому Гёте. Так, написанная в начале XX в. новелла Г. Бурте «Вильтфебер — вечный немец», в которой ее герой выступал за народ, впоследствии получила поддержку Гитлера, который считал ее выше Гёте. Сталин тоже считал горьковский рассказ «Девушка и смерть» сильнее, чем «Фауст» Гёте.

Муссолини» — комплекс спортивных сооружений, включавший большой стадион, который был «украшен» 60 статуями атлетов со зловными и непропорционально большими лицами, и другие большие сооружения. Главным же в комплексе был 17-метровый мраморный обелиск с латинским словом «Дух» (вождь), выбитым крупными позолоченными буквами.

Особый гнев большевистского и фашистского режимов вызывали те течения и школы в искусстве, которые отличались сложностью восприятия и воспроизведения мира и человека, уходом от одномерного, традиционного, упрощенного их понимания. Поэтому тоталитарные системы яростно боролись с импрессионизмом, экспрессионизмом, кубизмом, сюрреализмом, авангардом и т.д., они вызывали потоки грязной и невежественной брани и официально запрещались, художники, музыканты и скульпторы соответствующих направлений подвергались грубому давлению и даже физическим расправам. В гитлеровской Германии были преданы анафеме такие крупные мастера, как Кокошка, Бекман, Дикс, Хофер, Барлах, Шмидт-Ротлуф, Нольде, а в СССР — Малевич, Татлин, Шагал, Филонов, Гончаров, Кандинский, Ларионов. В нашей стране многократно появлялись властные распоряжения о том, как писать картины и музыку, художественную прозу и поэзию, как лепить и ваять, а суть всех этих приказов сводилась к требованию не выходить за рамки дозволенного, не усложнять то, что не мог понять примитивный ум партийных вождей и человека толпы.

Гитлер грозил стерилизовать художников-модернистов и обращаться с ними как с опасными преступниками. Тысячи произведений искусства были тогда конфискованы, в их числе работы Пикассо, Матисса, Ван Гога, Сезанна. 730 картинг этих художников были выставлены в новом музее как пример «дегенеративного искусства». Они были размещены в беспорядке, без названий, но под рубриками: «Так больные умы смотрят на природу», «Так евреи изображают немецких крестьян» и т.д. Были экспозиции, посвященные «выродившемуся негритянскому, марксистскому и еврейскому искусству». В экспозицию включили и картины сумасшедших, чтобы доказать, что произведения модернистов также безобразны. Два портретных наброска Кокошки были помещены рядом с картиной, созданной психически ненормальным.

Тоталитарное коммунистическое государство пограло великие гуманистические традиции русской классической литературы и искусства. На смену милосердию и любви пришли ненависть и страдание, вместо созидателей — бескомпромиссные «борцы» и разрушители, вместо исследования тончайших и интимнейших движений души — черно-белое восприятие мира, проповедь примитивных потребностей и инстинктов, вместо сомнений и духовных исканий —

не знающее колебаний беспрекословное подчинение, безраздельная и слепая вера в некие идеалы и утверждение следования им любой ценой. Для тоталитарной литературы стала совершенно обычной армейская терминология применительно к самым мирным занятиям, что, несомненно, выражает милитаризацию всей жизни и общую агрессивность системы. «Битва в пути», «боевые будни», «выход из окопов», «атака на урожай», «битва за урожай», «фронтальное наступление» и т.д. достаточно красноречиво живописуют состояние советской литературы. Использование почти тех же выражений в художественной литературе и публицистике фашистской Германии отмечал Л. Фейхтвангер.

Очень много «битв» и «борьбы» было в муссолиниевской Италии: «борьба с туберкулезом», «битва за хлеб», «битва за интегральную мелиорацию» (окультуривание заболоченных территорий и возведение ирригационных систем), «битва за лиру» и т.д. Немало «битв» и «борьбы» было в СССР, вспомним хотя бы «битву за урожай».

Тоталитарное искусство и литература воздействуют на эмоциональную сферу человека, т.е. на ту сторону его личности, которая наиболее уязвима и наименее защищена. Поэтому их роль в укреплении режима, его восхвалении, формировании полностью послушной ему личности чрезвычайно велика, тем более что соответствующие ценности внедряются в ходе воспитания и обучения подрастающего поколения. Именно искусство и литература принимают самое активное участие в создании культа вождя — непогрешимого, безгранично преданного народу и его интересам, друга и защитника каждого, многоопытного, мудрого, все знающего и в то же время твердого и решительного, беспощадного к врагам. Его повелениям, советам и указаниям должны следовать все, даже если приходится прибегать к насилию и быть несправедливым — ведь все делается ради родины, государства и процветания. Вождизм — непрменный атрибут тоталитарной системы и условие насаждения жестокости, а следовательно, укрепления этой системы и личной власти.

Смысл сокрушения тоталитаризмом художественной культуры означает его попытку возвращения к доцивилизованным, первобытным временам, когда такой культуры просто не существовало. Поэтому она была психологически чужда красно-коричневым магам, более того — враждебна им, поскольку выражала иные жизненные ценности и принадлежала к другому миру. Но уничтожение цивилизации не в меньшей мере выражалось и в отрицании нравственности, отказе от тех принципов и правил, которые сформировались позднее, в «послемагические» времена. Причем это делалось не просто декларированием отказа от них и проповедованием но-

вых норм поведения повседневным воспитанием, но и насильственным внедрением, в том числе в ленинско-сталинских и гитлеровских концентрационных лагерях и тюрьмах, физическим уничтожением живых носителей иной культуры. Четвертый всадник Апокалипсиса выпустил на волю самые темные, самые низменные человеческие инстинкты и уснувшие желания, сделал смерть и предательство повседневной приметой жизни.

В странах большевистско-фашистского (нацистского) господства бурно процветала массовая истерия насилия и, переплетаясь с ней, молчаливое его одобрение. Убийства совершались ради убийства и наслаждения им, появилась новая и доселе в таких масштабах невиданная социальная группа профессиональных палачей, для которых смерть была лишь ритуалом и жертвоприношением, лишь обычным ремеслом, дающим возможность утвердить и подтвердить себя, подавить свой страх смерти и снизить постоянную тревожность, испытать наслаждение фанатической и оргазмической дрожи. Для многих репрессии и убийства были надежным источником получения и немалых материальных ценностей. Они не могли не убивать и не могли испытывать угрызений совести, поскольку, во-первых, им приказывали делать это могучие маги, властители всего обзримого мира и, во-вторых, совесть — понятие нравственное, а палачи и их хозяева принадлежали к совсем иным, донравственным временам. Поэтому, когда пришло время нести ответственность, они не могли понять, в чем их вина, почему их наказывают, и были уверены, что это происходит только в результате победы врагов.

Глупо упрекать Сталина, Гитлера, Гимmlера, Вышинского, начальников концлагерей и других таких же преступников в попрании законности, массовых убийствах, уничтожении городов, памятников культуры и т.д. Они попросту не поняли бы, в чем их вина, поскольку это были люди не сегодняшнего, XX в. и наши ценности им чужды. Конечно, они часто употребляли такие, казалось бы, нравственные, даже высоконравственные категории, как любовь к родине, преданность, порядочность, но ими воспринималась только внешняя сторона этих категорий, которые наполнялись совсем другим содержанием. Например, любовь к родине понималась как безоговорочное принятие нацистского (большевистского) государства, преданность — как готовность следовать любым приказам и т.д. Поэтому французский историк Ж. Деларю в своей «Истории гестапо» необоснованно, по-моему, упрекает в цинизме Гимmlера, который приказал выставить в концентрационных лагерях щиты с надписью: «К свободе ведет один путь. И его вехами являются покорность, прилежание, честность, воздержание, чистота, самопожертвование, порядок, дисциплина и любовь к родине».

Гимmlер знал, естественно, что узники мест уничтожения не выйдут на свободу, и только в этой части он был циником, но считал своим служебным долгом и в лагерях проповедовать правила,

которые представлялись ему незыблемыми основами существования его мира. Правда, из этих правил было выхолощено все их нравственное, с позиций цивилизации, содержание.

Гиммлер, Эйхман, Ежов, Берия и подобные им были, разумеется, некрофилами и слугами смерти, но они же выступали в качестве добросовестных и аккуратных чиновников бездушной и донравственной государственной машины. Можно предположить, что отдельным из них было все равно, чем управлять и что являлось предметом их деятельности: в других условиях они могли бы с такими же результатами заниматься производством древесины или торговать нефтью.

Нацистские главари отнюдь не скрывали своего желания избавиться от нравственности и даже требовали этого от других. Широко известны следующие слова Гитлера: «Я освобождаю людей от отягчающих ограничений разума от грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью, и от требований свободы и личной независимости, которой могут пользоваться лишь немногие».

Чем, как не полным отрицанием нравственности дышит такое утверждение фюрера: «Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние дни прерогативой победителя было уничтожать целые племена, целые народы».

Итак, вместо нравственности — инстинкты, вместо более или менее убедительных аргументов — обращение к древнейшему опыту человечества, оправдание этим опытом тяжчайших преступлений.

Культура, в том числе искусство и литература, занимала в лжемессианской схеме действий центральное место, и ее задачи были определены четко — поддержка и распространение тоталитарного мировоззрения. Оно должно было проникать в психику аудитории, особенно толпы, а поэтому обязана быть простой и доступной. Индивидуализм нуждался в этом, что четко прослеживается в документах, принятых властью. Толпа везде и всегда, а тем более в тоталитарной стране не любит сложных проблем, ей чужды творческие искания, но близки незамысловатые фабулы и сюжеты, в том числе связанные с героическим прошлым.

Типичной в этом плане была грандиозная выставка германского искусства в 1937 г., на которой главенствующую роль играли деревенские и семейные мотивы. У германских нацистов крестьянин, сидевший на земле и укорененный в ней, представлялся прототипом «нового» человека, а рабочий представлялся потерявшим свои корни. В СССР главным персонажем был рабочий, поскольку он якобы управлял обществом; колхозный крестьянин появился несколько позже, но сытый и очень довольный.

Театр, кино, радио были прямыми рупорами лжемессианской пропаганды (сейчас первую роль играло бы телевидение), те же функции выполняла так называемая монументальная пропаганда

(как ее обозначил еще Ленин) — бюсты и статуи вождей. Они так въелись в плоть общества, что в тоталитарные годы без них трудно было представить себе город, поселок, завод, деревню, государственное учреждение; фото- и художественные портреты вождей «украшали» стены учреждений и квартир (иногда «украшают» и сейчас!). В настоящее время, когда Сталин «победил» Ленина в популярности, поскольку «сильная рука» оказалась вновь востребованной толпой, скульптурных изображений этого вождя в России почти не осталось. Зато во множестве городов и других населенных пунктов красуются бюсты и статуи Ленина как символ ушедшей и такой любимой толпой эпохи. Она, толпа, продолжает любить былые времена, когда ее люди могли не работать, но всегда имели доступ к водке, а главное, были тогда молоды. В неблагополучных, бедных слоях российского общества они передают эти взгляды молодым людям, тем, кто остался беден и не находит своего места в жизни.

Доктрины, принципы и направления искусства были примерно одинаковыми в разных фашистских, коммунистических и нацистских государствах. Так, министр культуры Италии, любимец Гитлера и близкий друг Геббельса Дино Альфьери лишь подвел итог общему настроению, когда в 1939 г. почти дословно процитировал известное изречение Ленина о том, что «искусство должно быть понятно самым широким народным массам», лежащее в основе советской, как и всякой тоталитарной, системы.

В отличие от германского и итальянского вариантов китайский вариант можно было бы принять за идеальную модель тоталитарной культуры по чистоте сформированных принципов и последовательности их проведения в жизнь. «Пожалуй, нигде демаркационная линия между старым и новым, прогрессивным и консервативным, революционным и контрреволюционным с такой определенностью не разделяла сферу культуры, как в Китае. Уже в 1940 г. в своей работе «Новая демократическая культура» Мао Цзэдун писал: «Новые политические, новые экономические и новые культурные силы в Китае в целом являются революционными силами, и они противоречат старой политике, старой экономике и старой культуре... Реакционная культура служит империализму и классу феодалов и должна быть сметена с лица земли». Пока она не уничтожена, никакой новой культуры построить нельзя.

«Здесь же Мао определил новую культуру как мощное революционное оружие народа. Неискушенная в диалектических тонкостях китайская ментальность (как, впрочем, и советская. — Ю.А.) склонна принимать высказывания своего лидера дословно, и принципы Мао, где бы и когда бы они ни высказывались (равно как и высказывания Ленина и Сталина. — Ю.А.) тут же становились руководством к действию и неуклонно внедрялись в жизнь»¹.

¹ Голомиток И. Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 120.

Мао часто просто пересказывал своими словами ждановско-сталинское определение соцреализма с его установкой на отражение действительности «в ее революционном движении» и, как Гитлер до него, указывал на те движущие силы этого развития, которые должны стать главными объектами отражения в искусстве. Под народностью Мао понимал не традиционные формы творчества китайского народа, а все те же массовость и доступность художественного языка собственной официальной культуры, которую он намеревался создать. В своих обращениях к писателям и художникам Мао следовал речевой стилистике Сталина.

Вообще мессии этих четырех стран — СССР, Германии, Италии и Китая — в один ряд ставили единство формы и содержания и единство политики и искусства, а все это было стянуто тугим обручем железной идеологии. Каждый мессия строго следил за своим детищем.

Как отмечает Голомшток, к каким бы первоисточникам по тоталитарной культуре мы ни обратились — к речам вождей, текстам партийных документов, уставам творческих союзов, — мы везде обнаружим чеканные формулировки, утверждающие, что искусство не есть просто автономная сфера деятельности человеческого духа, а некий объект, созданный и создаваемый с заранее заданными (и не всегда благовидными) целями. Концепция чистого искусства, искусства для искусства, имманентных, независимых от человеческой воли законов его развития оказывается в равной степени чуждой и враждебной любому тоталитарному сознанию. «Нет более опасной идеи, чем лозунг французского либерализма «искусство для искусства»», — говорил Гитлер. В советских текстах это словосочетание всегда заключалось в иронические кавычки, ибо с точки зрения тоталитарной идеологии такого искусства просто не могло быть: всякая его безыдейность является лишь уловкой, хитрым камуфляжем и, по А. Герасимову, «очень хорошо и «идейно» служит фашизму». Находясь в плену собственной идеологии, они искренне верили, например, что все нереалистические художественные течения XX в. направлялись кем-то извне с целью либо отравления здорового сознания народа, либо отвлечения его от актуальных задач классовой борьбы. И наоборот, стоит лишь на основе единственно верного мировоззрения правильно сформулировать цели и в административном порядке направить искусство на их осуществление, как оно не только начнет выполнять нужные общественные функции, но и окажется на пороге нового Ренессанса.

Если в итоге тоталитарные режимы и достигли успехов на пути создания искусства «нового типа», то его новизна в первую очередь определяется этим: в каждом обществе искусство, будучи созданным, играет заранее отведенную ему роль¹.

¹ Голомшток И. Указ. соч. С. 162—163.

6.1. Толпа как слой общества

Толпу и ее психологию, ее особенности и функции можно понимать в двух смыслах.

В ш и р о к о м — как массу людей — носителей идеологии и менталитета, обладающую обывательским и усредненным сознанием, некритичным и низко интеллектуальным, всасывающим в себя как власть и государство со всеми его институтами и органами, так и рядового человека. Она является носителем определенной идеологии, которая иногда, чаще в тоталитарных странах, есть в то же время идеология государства и общества.

Здесь понимание толпы примерно такое же, что и уже давно известного термина «масса» (В. Райх, Э. Канетти, С. Московичи). Примерно, но это все-таки не совсем совпадающие понятия. Толпа — это наименее мыслящая и наиболее покорная власти, предвзвешенная, традиционная и т.д. часть массы. Если хотите, это худшая составляющая общества, хотя и самая многочисленная, менее образованная, менее думающая, менее критическая и легковверная с примитивными художественными потребностями и низкой общей культурой. В ней можно найти рабочих, крестьян, предпринимателей, служащих всех рангов вплоть до административной элиты, интеллигенцию (меньше всего творческую), политиков всех уровней, наконец, представителей маргинальных, бездействующих слоев населения.

Из толпы как носителя идеологии и менталитета рекрутируются публика и члены толпы — стаи, о которой речь пойдет ниже. У толпы свои бытовые кумиры — киноактеры, модели, но прежде всего эстрадные певцы и особенно политики, и особенно — лжемессии. Политические кумиры — это почти боги, их авторитет непререкаем, а слово — закон. Они идут за лидерами — лжемессиями, они — ведомые, потому что нуждаются в отце, убегая тем самым от свободы. У них выработалась многовековая привычка к тому, что есть ведущий отец. Можно предположить, что такая толпа достаточно инфантильна.

К. Ясперс писал, что свойство толпы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого

числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется «общественным мнением». Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему зывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое¹.

В. Райх прямо связывал психологию масс с фашизмом. Он подчеркивал, что Гитлер, конечно, зажигал своими идеями массу, но центр исследования массовой психологии переносится с метафизики «идей фюрера» на реальность общественной жизни. «Фюрер» может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких масс.

Таким образом, такая толпа имеет свою идеологию, свои вкусы и пристрастия, в том числе политические, эстетические и т.д.

В у з к о м — как некое скопище людей, как неформальную временную социальную группу, иногда достигающую нескольких тысяч человек, которая тогда есть уже большая толпа. Между этими двумя социальными явлениями (толпой как массой — носителем идеологии и толпой как скопищем людей) существует тесная социально-психологическая связь. Психология и идеология первой могут передаваться, даже диктоваться второй и толкать ее на бесчеловечные поступки. Так, антисемитская пропаганда нацизма толкала отдельные группы людей на еврейские погромы; объявленная маоистами «великая пролетарская культурная революция» стимулировала расправы над китайскими интеллигентами.

Чтобы понять, что такое толпа как носитель идеологии и менталитета, необходимо выяснить, что такое идеология и некоторые связанные с ней понятия. Идеология представляет собой систему взглядов и идей — политических, правовых, нравственных, философских, экономических. В тоталитарных и даже полу-тоталитарных странах господствует единственная («единственно верная») идеология, изгоняющая, преследующая и уничтожающая любую другую. При этом, как правило, эта господствующая идеология является продуктом творчества мессии или лжемессии. Идеология, а тем более господствующая (единственная) оказывает огромное влияние на все сферы жизни обществ — правовые, нравственные, бытовые, и особенно на экономику. Так, на примере СССР очень хорошо видно, что идеология способна тормозить экономическое развитие страны, делать людей бедными, вырабатывать опреде-

¹ Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007. С. 45.

ленное, точнее, пренебрежительное отношение к труду, лишать их перспектив в жизни.

Как всегда, пессимистичному Ясперсу представлялось, что идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего самооправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы тем или иным способом уклониться от требуемых решений к своей выгоде в данной ситуации. Поэтому квалификация мышления для идеологии означает выявление заблуждения и разоблачение зла. Наименование какого-либо мышления идеологией — это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине, что оно неправдоподобно, следовательно, это решительное нападение¹.

Эти весьма важные положения требуют некоторых комментариев.

Во-первых, далеко не всегда создание субъективного мира и своего положения в нем означает самообман; очень многие люди верят, что данная идеология, взятая ими на вооружение, является истинной. Поэтому она не будет использоваться в качестве самообмана в целях маскировки своих подлинных интересов, что можно отнести и к фашизму, и к большевизму. Взятая на вооружение идеология может отражать реальные потребности данного человека.

Во-вторых, квалификация мышления для идеологии вполне может означать выявление заблуждений и разоблачение зла. Но многие из тех, что творят зло, вовсе не руководствуются никакими идеями, это им просто не приходит в голову. Они зверствуют, подчиняясь своим садистическим или некрофильским наклонностям.

В-третьих, квалификация мышления для идеологии отнюдь не всегда означает выявление заблуждения и разоблачения зла. Идеология непричинения зла, если человек искренне верит в это и соответственно поступает, для разоблачения зла может не оставаться места.

Конечно, индивид вне толпы, если под ней понимать его близких, родителей, воспитателей, родственников, друзей и т.д., социальным существом стать не может. Они передают ему правила и стандарты поведения, указывают на духовные ценности, взгляды, представления и т.д.

Общество постоянно трансформируется, и если то, что раньше было просто массой, которую можно было не брать в расчет, то теперь она имеет голос, становится толпой, с которой надо считаться и расположение которой надо завоевывать. Поэтому массу следует

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 146.

именовать толпой, различая ее отдельные виды, тем более что массовой можно назвать и животных, а толпой — только людей.

В любом, самом жестоком тоталитарном обществе, казалось бы, раздавленным лжемессией, всегда можно найти слой людей с другой идеологией, в том числе осуждающий господствующую и борющуюся с ней.

А.В. Брушлинский отмечал, что если изначально толпа есть скопление людей в одном и том же замкнутом пространстве в одно и то же время, то публика — рассеянная толпа. Благодаря средствам массовой информации теперь нет необходимости организовывать собрания людей, которые информировали бы друг друга. Эти средства проникают в каждый дом и превращают каждого человека в члена новой массы. Оставаясь у себя дома, читатели газет, радиослушатели, телезрители и т.д. существуют вместе как общность, как особая разновидность толпы.

При всей бесспорной и исключительной важности этих выводов можно поставить вопрос, считал Брушлинский, о целесообразности и правомерности понимания толпы — не только стихийной, но и организованной в виде политической партии, армии, церкви и т.д. По крайней мере, в русском языке слово «толпа» ассоциируется с его исходным и основным понятием «скопление людей, сборище», что может помешать его расширительному пониманию. И тогда, вероятно, стоило бы в случае организованных, «рассеянных» и т.д. больших общностей людей применять термин «массы», но не толпы. Чем интенсивнее идет процесс рассеивания, тем острее встает вопрос о том, является ли человеческий индивид социальным, если он находится вне толпы, вообще вне определенной общности людей¹.

Действительно, в русском языке слово «толпа» ассоциируется со скопищем людей, в современном сознании «толпа» понимается как сборище, мало кто видит в ней публику. Брушлинский предлагает множество людей, объединяемых средствами массовой информации, называть массой, но не толпой. Мне представляется, что разница тут невелика, возможно, ее вообще нет. Мы используем слово «толпа» как нечто не очень думающее, плохо улавливающее сокровенные мысли и смыслы, точнее — смыслы вообще вне ее возможностей. Чернь — это самый низший слой толпы.

Деление толпы на толпу как носителя идеологии (лучшее название еще предстоит определить) и на толпу как стаю (скопище людей) следует считать совершенно необходимым. Тогда не будут понимать толпу только как социальное животное, сорвавшееся

¹ Брушлинский А.В. Предисловие к русскому изданию монографии С. Московичи «Век толп» — «Социальная психология в России и теория Сержа Московичи». М., 1996. С. 15—16.

с цепи (Серж Московичи). Толпа как носитель идеологии может и не превращаться в скопление людей, тем более гигантское, а достигать своей цели иным путем, например подачей своего голоса на выборах, а главное, выработкой своей ментальности, которую по механизмам коллективного бессознательного вбирает в себя каждый появившийся на свет. В толпе обоих типов отдельный человек ощущает себя частицей единого мощного целого, хотя в отдельных случаях это целое не более чем груда кирпича, которая может рассыпаться от сильного удара, как это, например, бывает во время гражданских войн.

Идеология тесно связана с менталитетом, ментальностью народов. *Ментальность* представляет собой совокупность ощущений народа относительно себя, своих отношений к себе и жизни вообще, а также отношение к другим народам и их культурам. Ментальность находит свое выражение в привычках, традициях и обычаях, пристрастиях и предпочтениях, стандартах поведения в быту, общественных местах, на работе и т.д.; она выражается в символах, в искусстве и литературе. Ментальность включает в себя позицию относительно власти и ко всему тому, что стоит «над». Но ментальность может быть разной у разных социальных групп, например у рабочих и интеллигенции, у низших, маргинальных слоев и интеллектуальной элиты, хотя их принадлежность к одной расе, нации и религии способна сближать их, иногда максимально. Последнее можно наблюдать у народа (нации) небольшой численности.

Ментальность — намного более консервативное образование, чем идеология, которая, хотя и может «захватывать» другие страны и народы, гораздо более динамична и подвижна. Но это нельзя полностью утверждать, говоря об идеологии, основанной на религии, которая может пронизывать как идеологию, так и ментальность, нередко связывая их воедино. Последняя не только более консервативна, но и более глубока, а поэтому может быть названа «душой народа», или психологией народа. И ментальность со временем тоже, конечно, меняется, как, впрочем, и религия. Так, католицизм XXI в. совсем не похож на католицизм XV в. Меняется и ислам, постепенно, очень медленно избавляясь от изживших себя форм (например, в Турции и Египте).

В. Вундт полагал, что «душа народа всегда состоит из единичных душ, причастных ей; она — ничто вне последних, и все, что она порождает, приводит нас с необходимостью назад, к свойствам и силам индивидуальной души. Но если, как это само собой разумеется, предварительные условия всего, что порождается известным составным целым, уже должны содержаться в его членах, однако этим совсем не утверждается еще, что все продукты,

создаваемые составным целым, вполне объяснимы из предварительных его условий»¹.

Эти конструктивные рассуждения можно продолжить, отметив, что целое как продукт и совокупность единичных в то же время оказывает обратное влияние на свои составные части, т.е. отдельных людей из числа рабочих, крестьян, предпринимателей и т.д. Каждый из них делает «как все», подчиняясь общим стадным инстинктам, и поклоняется тем кумирам, которым подчиняются все остальные. Между тем любая культура своей составной частью имеет толпу, однако познание культуры не может быть обеспечено в полной мере только с помощью психологии, игнорируя экономику, политику, религию, географические факторы и др.

Исследованием психологии толпы занимается социальная психология, но его результаты весьма значимы не только для самой психологии, но и для права, криминологии, криминалистики, политологии, психиатрии, истории, этнологии и некоторых других наук. Изучение психологии толпы имеет большое практическое значение, например, для принятия политических решений, борьбы с преступностью и т.д.

Толпа доверчива, ее легко можно убедить в самом невероятном, а общественное мнение, которое часто выдается за мнение всего общества (населения), — это, в сущности, лишь мнение толпы, которая составляет большинство в любой стране. Поэтому результаты выборов отражают предпочтения именно толпы, а не всей страны (общества). Вот почему самые серьезные сомнения можно высказать в отношении всеобщего избирательного права²,

¹ Вундт В. Психология народов. М.: СПб., 2002. С. 22.

В.О. Ключевский писал, что народ «свою роль в мировой сцене выполняет теми силами, какие успел развить в себе своим историческим воспитанием. Идеал исторического воспитания народа состоит в полном и стройном развитии всех элементов общезития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других. Только историческим изучением проверяется ход этого воспитания. История народа, научно воспроизведенная, становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передежки его прошлого» (Ключевский В.О. Русская история. М., 1912. С. 7).

² Подлежат коррекции и устоявшиеся взгляды по поводу того, что каждый народ должен сам решать свою судьбу. Если в стране захватывает власть тиран, объявивший себя мессией, любой тиран, установивший кровавый режим, он должен быть свергнут по решению Организации Объединенных Наций (Совета Безопасности). Если бы демократические страны свергли бы Ленина, а затем и Гитлера путем вторжения соответственно в Россию и Германию, были бы спасены миллионы жизней, не было бы Второй мировой войны и т.д. Границы государства должны быть неприкосновенны только в том смысле, что это государство (страна) не может быть аннексировано другими либо стать объектом разбоя или мести.

поскольку толпа абсолютно некритична, слепо верит в надуманные идеи, демагогические призывы и лозунги, а также слухи, пустые обещания, случайно вырвавшиеся слова. Но все-таки сильнее всего менталитет толпы, который определяет ее позицию по многим важнейшим вопросам.

Толпа обладает определенными характеристиками:

- (1) она проявляет тенденцию к росту численности. Ничто не может предотвратить ее рост; если же ставить искусственные преграды, то может произойти взрыв;
- (2) внутри толпы господствует равенство, но это только если брать ее рядовых членов, а равенство выражается в одномерности их предпочтений;
- (3) толпе требуются лидеры, и малые и большие. Последними обычно выступают политики, кровь от крови, плоть от плоти толпы;
- (4) толпе нужна плотность. Она никогда не должна быть слишком тесной, слишком редкой или слишком плотной. Не должно быть промежутков между людьми, они должны быть монолитны, но не стеснять друг друга;
- (5) толпе требуется направление — экономическое, политическое, историческое, эстетическое и любое другое. Она будет двигаться по направлению к цели, а совместное движение усиливает ощущение равенства. Движение предотвращает распад.

Психологически толпа — это не просто скопление людей в одном месте, а человеческая совокупность, обладающая психической общностью, которая определяется единством цели, экономическим, политическим, идеологическим, эстетическим и т.д. единством. Нельзя считать (как полагает Серж Московичи), что индивид действует сознательно, а толпа неосознанно, поскольку сознание индивидуально, а бессознательное коллективно.

Во-первых, индивид может действовать бессознательно, например в состоянии сильного опьянения. Кроме того, очень часто мотивы поведения человека им не осознаются.

Во-вторых, толпа, даже состоящая из случайных людей, которая громит магазин, воруя оттуда товары, действует вполне сознательно, т.е. она вполне понимает, что она делает и ради чего.

В немалой степени толпа консервативна, несмотря на свой подчас революционный образ действий. Так, они кончают реставрацией того, что вначале низвергли. Это мы можем явно видеть на примере собственной истории, когда народы России низвергли в 1917 г. самодержавие, а затем воссоздали его, соглашаясь с новыми лидерами и восхищаясь ими. Все время действовала толпа, в том числе толпа-стая, но культ вождя во все времена поддерживался

толпой как носителем определенной идеологии и ментальности, определенного уровня культуры.

Для управления толпой политическая власть должна опираться на какую-нибудь высшую идею — революции, Родины, светлого будущего, загробной жизни и т.д., которую взращивают и внедряют в сознание человека толпы. Для этого иногда нужна иррациональная пропаганда, парализующая критику и здравый смысл. Для этого пропаганда, адресованная толпе, обязана использовать энергичный и образный язык аллегорий с простыми и повелительными формулировками. Непререкаемость вождя составляет часть этой иррациональной пропаганды.

Нельзя утверждать, что толпа — это нечто новое, а раньше был индивид. Во-первых, и в древности толпа могла собираться по любому поводу, чаще религиозному или политическому. Во-вторых, толпа — это не только стая, скопище людей, но и вся послушная, отсталая, некритическая часть общества. Но нельзя представлять себе толпу-стаю только как нечто бунтующее, негодующее или громящее. Толпа как скопище людей может существовать в форме вполне благопристойной публики на концерте или стадионе. Так же нельзя утверждать, что каждый человек, попавший в беснующуюся толпу, будет действовать заодно с ней. Можно легко себе представить, что в ней найдется лицо, которое сразу же покинет ее.

Современную толпу, для того чтобы сделать ее своим послушным орудием, совсем необязательно сводить на определенном пространстве. Для обеспечения ее единства достаточно газет, Интернета, телевидения, радио, благодаря которым люди толпы существуют вместе как специфическая общность. Но она уже подготовлена к единству твердо усвоенной идеологией и своей ментальностью. Все другое для нее — чужое, как и носители этого чужого, а поэтому в них вполне возможно видеть и врагов. Толпе они очень нужны, как, впрочем, вождям и лидерам, на них, на этих врагов, всегда можно свалить вину за свои неудачи и просчеты, а наказав (если это возможно), сделать вид, что движение вперед обеспечено и делается то, что нужно. Для человека толпы происки врагов, внутренних и внешних, столь же очевидны, как и для средневекового субъекта наличие чертей и демонов.

Побеждают революции, происходят перевороты, возникают новые режимы, и почти всегда возвышаются вожди. Московичи видел в этом нечто новое, но ничего нового в вождях нет, поскольку толпа нуждалась и будет нуждаться в руководителях, лидерах — вождях, царях, королях, императорах, президентах и т.д. Толпа инфантильна и всегда нуждается в отце — пусть и строгом, но умном и правильном. Исключение составляют подлинно цивилизо-

ванные и демократические страны, которые хотя и имеют своих политических кумиров, как правило, давно умерших (например, Дж. Вашингтон), отцов нации, но современникам не позволяют слишком долго засиживаться на высшей должности.

Лжемессианство представляет собой логическое продолжение идеи абсолютной монархии в современных условиях, которая продолжает жить в странах, отстающих в своем развитии. Я имею в виду и Германию, которая сохраняла абсолютную монархию до окончания Первой мировой войны. Если в прошлом, начиная с египетских фараонов, во многих странах монархи почитались как боги (римские императоры считались богами), то рядом с ними были религии. С ослаблением религии, когда вера в бога стала индивидуальным, а не государственным делом, у толпы появилась потребность в таких отцах, которые несли бы в себе нечто потустороннее. Тоталитарные вожди достигли уровня небожителей благодаря идеям, которые были особенно любимы толпой. Из числа этих идей несомненное лидерство принадлежит коммунизму, охватившему не только Россию с ее общинной психологией, но и многомиллионный Китай, Северную Корею, Камбоджу, причем в Северной Корее коммунистические вожди передают власть по наследству, совсем как в монархиях. Вообще коммунизм — вечнозеленое растение.

Но не только тоталитарная элита отравляет толпу. В ней, в толпе, живет глубинный страх перед правдой и желание жить, опираясь на надуманные мифы. Человеку российской толпы лучше умереть с красивой ложью на устах, чем найти в себе мужество узнать правду о себе и своей стране. И сейчас происходит сакрализация имени Сталина, причем власть не мешает этому, но в то же время активно не препятствует его культуре. Душа толпы жаждет лжи и кумира.

Забытое со времен Французской революции и возрожденное Сталиным словосочетание «враг народа» упало в уже подготовленную почву. Сначала эти слова пугали обывателя, но затем были приняты им и уже в 1930-е годы выводили на митинги сотни тысяч людей. Причем они собирались не только перед угрозой расправы, перед страхом, что их тоже сочтут врагами народа. Они собирались по доброй воле, их гнала вперед всеобщая вдохновляющая вера, снимающая муки совести, к тому же в это верили все и был всеобъемистый подъем. Они подчинялись всеобщей истерии огромной толпы.

Толпа крушила храмы и грабила церковное имущество. В смертельной борьбе с религией большевиков участвовали сотни тысяч людей, у которых прежнюю веру сменила новая, обещающая благостное будущее не на небесах, но еще при жизни, правда, неизвестно когда. У новой веры была своя библия, свои боги и ритуалы, свои молитвы и герои — великомученики.

При молчаливой поддержке толпы был восстановлен и многократно усилен тотальный контроль государства над обществом и человеком. Частная инициатива и частное предпринимательство были искоренены властью, что получило одобрение большей части толпы, это продолжается в России и сейчас, что окончательно добивает развитие страны.

Толпа постоянно забрасывает тестовые послания и в то же время освещается средствами массовой информации и статистикой, подобно тому как изучаются скопления в космосе светового спектра. Толпа выражает себя на официальных и протестных манифестациях, поэтому назвать ее молчаливой, как это делает Ж. Бодрийяр, называя так массы, никак нельзя. От имени толпы говорят ее лидеры и политические вожаки, многие журналисты, часто используя тот же язык, что и толпа.

Толпа может взорваться — и тогда происходят бунты и революции, как, например, в арабских странах. Но она не понимает глубинных смыслов своих нападений и всего, что происходит в связи с ними. Толпа никогда не кончится, какого бы уровня ни достигли техника и культура. Она всегда будет пытаться навязать свою волю, хотя далеко не всегда достигая успеха. В толпе всегда таится тревожность, особенно в социально неблагополучных странах, и скапливается огромная энергия.

Толпа впитывает в себя социальную энергию, и та становится ее энергией. Толпа впитывает в себя все знаки, символы и смыслы, и они становятся ее знаками, символами и смыслами. Она поглощает обращенные к ней призывы и потом выдает их за свои и обязывает лидеров их реализовывать. Она способна воспринять как истину любые выдумки и глупости, а мотив для нее вообще пустой звук. Ее природа объективно-субъективная — она выступает и объектом информационного воздействия, и субъектом, выдающим информацию, впрочем, иногда искаженной, особенно когда она передается одной частью толпы другой. Тогда создается круговое движение и укрепление желаемых мифов, но иногда, при известных обстоятельствах, миф теряет силу, как, например, это случилось с коммунистическим мифом. Но в России он оказался необыкновенно живуч, и у этого есть свои причины, прежде всего общинная идеология народа и его привычка довольствоваться минимумом социальных благ, особенно материальных.

Поддакивающее большинство толпы — социологическая реальность, и ее мнение надо воспринимать только так, но не как путь, указанный обществу. К тому же мнения толпы могут резко меняться в зависимости от обстоятельств: рукоплещущие прежде Муссолини итальянцы повесили его труп вниз головой когда он

потерпел поражение. Дело Сталина еще долгие годы жило и процветало, его идеям многие поклоняются и сейчас, а поэтому он умер во всенародных слезах. «Великий вождь всех трудящихся» почитается как «успешный менеджер».

Толпа может оказаться в качестве зрителя события, если ее не допускают решать что-либо в нем, например, в дворцовом перевороте. В иных случаях в ней могут остро нуждаться и призывать к борьбе за «правое дело». Если нужно, организуют референдум с участием толпы, чаще всего заранее догадываясь о результатах. При этом толпа может и не догадываться о скрытых смыслах опроса, может не понимать, к чему это способно привести.

Бодрийяр считает, что масса — медиум гораздо более мощный, чем все средства массовой информации, вместе взятые, что, следовательно, это не они ее подчиняют, а она их захватывает и поглощает или, по меньшей мере, избегает подчиненного положения. Существуют не две, а одна-единственная динамика, динамика массы и одновременно средств массовой информации¹. Конечно, история знает много случаев, когда масса, толпа «захватывает» средства массовой информации и заставляет следовать за собой. Но в тоталитарных странах средства массовой информации полностью поглощены властью; и они являются ее рупором — толпа оказывается полностью зависимой от них, т.е. от власти, партии, вождя. Говоря словами того же Бодрийяра, толпа — это тень, отбрасываемая властью; чтобы стать таковой, она должна быть послушной средствам массовой информации.

Зародыши главнейших учреждений и производств развились в то время, когда человек был еще дикарем. Всюду, где на различных континентах может быть установлена связь между современным учреждением и его общим зародышем, можно вывести заключение о происхождении самих народов от общего начального ствола. Отмечаемая здесь преемственность, происхождение народов от единого корня, обеспечивалась, как я полагаю, не только тождественностью мозга всех человеческих рас, не только плавным и постоянным наследованием каждым новым поколением всего многообразия опыта предыдущего, но и тем, что человечество «посещает» невоспоминаемый опыт коллективного бессознательного. Это бессознательное ведет, по словам Л.Г. Моргана, от общего начального ствола к современным народам и современному обществу.

Коллективное бессознательное порождает не только тенденцию к тождественности отношений, установок и ценностей, но и их повторяемость. А это означает преемственность и тесную связь

¹ Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. С. 116.

различных поколений, даже тех, которые, казалось бы, очень отдалены друг от друга во времени. Например, повторение в «обычных» жизненных сценариях, описанных Э. Берном, содержания древних мифов как раз представляет собой такую преемственность. В большинстве мифов можно найти попытки ответить на главные вопросы бытия или хотя бы поставить такие вопросы, определить свое, свойственное данной культуре отношение к миру, к жизни и т.д.

Конечно, сами мифы отражают различные уровни развития своих творцов, но тем более важно отметить, что в них часто можно встретить не только общие идеи и содержания, но даже и схожести.

Собственно говоря, повторяемость означает постоянное воссоздание общечеловеческого не только знакомого, но невспоминяемого опыта, его повседневное использование. В этом смысле можно повторить вслед за библейским Екклесиастом: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят «смотри, вот это новое», но это уже было в веках, бывших прежде нас» (Эккл., 1:9, 10).

Нелишне заметить, что история знает немало примеров, когда предпринимались попытки разорвать повторяемость, навязать качественно иную систему отношений, но такую, которая уже отвергалась, вытеснялась последующим развитием, т.е. вернуться назад, восстановить забракованный опыт. В силу этого подобные попытки не только трагичны, но и заранее обречены на провал. Пример: большевистский переворот в 1917 г. и последующая тоталитарная деспотия, все-таки закончившаяся крахом. То, что октябрьский переворот 1917 г. произошел именно в России, отнюдь не случайно. Он готовился всей предыдущей историей страны, которая всегда отставала в своем развитии от ведущих западных стран: в России на два-три века дольше, чем в этих странах, продержалось крепостное рабство, которое никогда не становилось предметом бурных социальных дискуссий, а воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Великие деятели русской культуры (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь и др.) никогда не протестовали против того, что их сограждан продавали как скот; Арина Родионовна, любимая няня Пушкина, была крепостной. «Хижина дяди Тома» не могла быть написана в России.

После отмены крепостного права толпа всячески препятствовала прогрессу: были убиты великие реформаторы — царь Александр II и П.А. Столыпин, страна была залита кровавым террором.

Все эти исторически значимые события, включая переворот 1917 г., окончательно преградивший путь к прогрессу, означают,

что общество, а точнее — толпа, не хочет двигаться вперед; что Россия пытается возвратиться в прошлое, когда если не все, то очень многое решалось с помощью насилия и жестокости, когда жили только общиной и индивидуально человек не смел проявлять себя, когда слово имело магическое значение, а кругом были враги. Толпа не могла жить в условиях свободы и, повинувшись зову древнего человека, резко повернула назад.

Но конечно, Россия здесь не исключение. Аналогичные повороты можно было наблюдать в Иране, когда шах Пехлеви пытался влить страну в современную жизнь, но это ему толпа не позволила сделать, и он был изгнан. В Иран вернулся аятолла Хомейни, горячо приветствуемый ею, который превратил его в теократическую державу с очень жестким режимом. Аналогично было в Камбодже, где кровавая клика Пол Пота уничтожила всю цивилизацию и ввергла эту страну древнейшей культуры в примитивное первобытное варварство и нищенское прозябание. Подобные примеры можно продолжать.

Глубинным источником соответствующей активности является все то же коллективное бессознательное, точнее, его теневая часть. Получается, что прошлый опыт оживает, чтобы разрушить хотя бы на время какой-то уже устоявшийся порядок вещей; хотя в целом коллективное бессознательное и представляет собой гарант этой устойчивости, бунтует, следовательно, То, что вытесняется жизнью в Тень.

Аналог можно найти в поведении отдельного человека, прибегающего к насилию. Исследование мотивов его действий показывает, что чаще всего они допускаются лицами, у которых наличествует страх смерти, принимающий деструктивные формы. Этот страх, обычно минуя сознание, заставляет их предпринимать упредительные удары, чтобы самим не быть уничтоженными. Однако сам страх смерти и высокая тревожность формируются в далеком детстве в результате эмоционального лишения со стороны родителей, в первую очередь матери, необеспечения ими надлежащей психологической защиты ребенка и его социализации. Этот страх, складывающийся в бессознательном и ведущий там потаенное существование, вырвавшись на волю, начинает затем мощно мотивировать жестокие и особо жестокие поступки. Следует подчеркнуть, что насильственный преступник уничтожает не только других, но и сам в результате собственного поведения очень часто становится объектом агрессии. Не реже наступает и социальное разрушение человека, т.е. потеря им в результате совершения преступлений многих прав и привилегий, социальных статусов и ролей, снижение и оскудение личности, падение на самые низшие ступени общественной лестницы.

Я хочу тем самым сказать, что очень давнее прошлое вполне способно, вернувшись, разрушить своего носителя, его социальный карточный домик, лишив всего того, чего он смог достичь, даже здоровья, чести, самой жизни, разрушив до конца его же представление о самом себе. Как и в обществе, уничтожается тот порядок, который был у данного человека и вокруг него.

Коллективное бессознательное не только обеспечивает тенденцию к тождественности и преемственности жизни, но и порождает возврат к древности, который очень часто крайне нежелателен, но, по-видимому, неизбежен. Возврат к кровавым деспотиям, например, приводится в действие силами, не подвластными обществу, во всяком случае вся история свидетельствует именно об этом. Само понятие древности, разумеется, относительно, и наш сегодняшний век через какое-то время тоже может называться древностью, а это потом заставит классифицировать явления, охватываемые приведенным понятием.

Следует сделать общий вывод, что как индивидуальное бессознательное включает в себя невспоминаемый личный опыт, инстинкты и автоматизмы, так и коллективное бессознательное ассоциирует в себе опыт, восходящий к заре человеческого существования. Учет этого опыта для объяснения, например, тоталитаризма в Новейшей истории особенно важен, и мы обязаны помнить, что человек появился и начал развиваться во враждебных условиях, когда необходимо было максимально сконцентрироваться, чтобы выжить. На протяжении всей своей истории, образно говоря, с самых первых дней, он постоянно защищался — от других людей и их групп, от своего государства и от общества, иногда даже от своего рода или племени, его традиций и обычаев, от враждебных народов и стран, от чуждых идеологий и установок, от зверей и разрушительных явлений природы, от собственной природы и заключенных в себе же темных сил, от многочисленных и опасных болезней. Могут возразить, что, раз так было, значит, все оно необходимо, например, для того, чтобы, как это парадоксально ни звучит, человечество выжило. Подобное возражение неоспоримо в силу его аксиоматичности, но, с другой стороны, совершенно ясно, что человек всегда держал и держит круговую оборону. А это не может не сказаться в его коллективной памяти, в его идеологии и психологии.

Известно, что в истории человечества не существовало ни одного более или менее значительного по времени периода, когда не было бы войн и в связи с этим массовых убийств, насилий, грабежей, поджогов, угонов людей в неволю, разрушений материальных

и духовных ценностей и т.д. В результате конфликтов исчезли целые народы, а другим был нанесен огромный, часто невосполнимый ущерб. На самом низшем, межличностном и межгрупповом уровнях насилие не прекращалось никогда, и в нынешнем, XXI в. люди уничтожают друг друга с такой же неистовостью, как в XXI в. до нашей эры. Поэтому я полагаю, что на протяжении столетий человечество накопило неисчерпаемый потенциал к разрушению, всегдашнюю готовность к ненависти, а агрессия уже давно стала одной из ведущих потребностей всего людского рода и способов разрешения противоречий.

Можно, по-видимому, утверждать, что всемирная история — это история войн и насилий. Разумеется, столь же весомые основания имеются для оценки ее как непрерываемой цепи созидания и творчества, любви и взаимопонимания. То и другое несомненно отложилось в коллективном (историческом) бессознательном, но первое — в тени, как все то, чего стыдятся и что по этой причине лучше прятать от солнечного света. Однако понять движущие механизмы общества невозможно, если не принимать во внимание то, что долгое время скрыто в темноте и вдруг мощно, уничтожая все на своем пути, вырывается вовне. Это зов древнего человека.

Даже теоретически нельзя ставить утопическую задачу устранить или уничтожить коллективное бессознательное — это было бы катастрофой для человека и человечества, которые научились жить именно с данными сферами психики и иначе существовать не могут. Это тем более важно отметить, что в содержание индивидуального бессознательного отдельного человека интегрировано коллективное бессознательное, которое, однако, не является его единственным источником. Такое невозможно сделать и светом сознания (пусть этого и желает Д. Радьяр), которое само «произрастает» из бессознательного и, следовательно, зависит от него, хотя, конечно, бессознательное младенца и бессознательное взрослого — далеко не одно и то же, причем у взрослого оно приобретает вполне определенную автономию. Такое и не нужно делать, поскольку бессознательное (индивидуальное и коллективное) отнюдь не является хранилищем того, что может вызвать лишь антисоциальные последствия. К тому же нет никаких оснований думать, что сознание человека и общества содержит только все светлое и непорочное. Например, постоянная и вполне осознанная алчность конкретного человека или кровавые законы деспотического государства опровергают это. Другое дело — взаимная ассимиляция и сближение этих двух сфер индивидуальной и социальной психики, овладение сознанием бессознательных содержаний.

6.2. Толпа в тоталитарном режиме лжемессий

Нам важно знать отношение лжемессий к толпе, которую они называют массой. Вот что говорил, например, Гитлер о ней.

Большая масса людей не состоит из профессоров или дипломатов. Небольшие абстрактные знания, которыми она располагает, направляют ее настроения и мысли в мир чувств. И от этого зависит ее негативное или позитивное поведение, признающее только силу одного из этих направлений. Сентиментальность массы вызвана в первую очередь ее исключительной стабильностью. Поэтому гораздо труднее подорвать веру, чем знания, труднее изменить чувство любви, чем уважение. Ненависть прочнее, чем антипатия, а движущая сила наиболее важных перемен в мире во все времена слабо отражалась в научных исследованиях, не воодушевляя массы. Напротив, в массах доминирует фанатизм, а истерия ведет их вперед.

Тот, кто овладеет массами, должен знать ключ, который откроет дверь к людским душам. Он называется, однако, не объективностью, а слабостью, требующей власти и силы.

Борьбу за души людей выиграет только тот, кто наряду с усилиями по достижению собственных целей станет уничтожать силы, поддерживающие противную сторону.

В яростных атаках на своих противников люди всегда видели доказательство собственной правоты, воспринимая отказ от их ликвидации как неуверенность и сомнения в справедливости своих требований, а то и вовсе как признак своей неправоты.

Большие массы людей являются лишь частью природы, и осознание этого не допускает сплошных рукопожатий, ибо каждый хочет чего-то другого. Всеобщим желанием становится победа сильнейших и достижение безоговорочной капитуляции слабых.

Нацификация народных масс будет успешной только тогда, когда вместе с позитивной борьбой за их души будут уничтожаться международные отравители¹.

В отличие от других видов деспотий современный тоталитаризм не есть просто власть кровавой верхушки над задавленным народом. Напротив, одна из особенностей коммуно-фашизма состоит в том, что он овладевает массами, формирует ее стремления и желания, ее мировоззрение и психологию, а затем умело использует это. Массы уже готовы к такому повороту событий, к такой своей роли. Поэтому они, как правило, поддерживают режим, они искренне убеждены в том, что все делается во благо народа, они

¹ Цит. по: *Моссе Д.* Указ. соч. С. 40—41.

восторженно приветствуют каждый такой шаг властей и в истерике рукоплещут своим идолам.

Ни в коем случае не следует преуменьшать тираническую силу и опасность массы, толпы¹, пораженной красно-коричневой эпидемией. Во-первых, народная масса подавляет и преследует личность в первую очередь свободную и творческую. Этим наносится мощный удар культуре, обществу угрожает откат далеко назад, к тем временам, когда личность должным образом еще не выделилась из племени или рода. Таким путем масса обеспечивает возврат к примитиву. Во-вторых, зараженная тоталитаризмом толпа, прежде всего ее нижние люмпенизированные слои, стремится избавиться от традиций, освободить свои низменные инстинкты и свою животную природу и тем самым сбросить многие нравственные путы. Толпа требует простых и простейших решений, и это рабское восстание примитивизма. В-третьих, масса, да еще на подъеме, опьяненная посулами и обещаниями, жаждет вождя и обретает его. Вождь, в свою очередь, извлекает из этого максимум выгоды для себя, в частности для расправы со своими политическими противниками. В-четвертых, зная вожделения толпы, чутко улавливая ее психологию и настрой, верховные главари, умело манипулируя ею, становятся еще более агрессивными. Следует подчеркнуть, что преступные вожди крепко держат массу в руках, в том числе с помощью демагогического трезвона, эксплуатируя ее интеллектуальное невежество и готовность довольствоваться суррогатами культуры.

В странах деспотической диктатуры масса (толпа) иногда напоминает параноика, который видит мир таким, каким он ему нравится, вместо реального, с которым он не может примириться. При неумении отделять причины от следствий паранойяльный взгляд на мир приводит к тому, что толпа становится не только излишне доверчива, но и весьма агрессивна в целях изменения окружающего по своему усмотрению. Она предрасположена к тому, чтобы у нее был враг, внутренний или внешний, который (в ее глазах) является главным источником всех бед. Если же враг в пределах досягаемости, то его уничтожают, как это сделали с евреями в нацистской Германии.

Толпа как носитель идеологии в основном состоит из посредственностей, которые рассматривают человека сквозь призму ходячей, обывательской морали, и не способна ни к широким обобщениям,

¹ Опасность массы, толпы известна в общем-то давно. В конце XIX в. французский социолог и социальный психолог Г. Лебон предрекал наступление «эры масс» и последующий упадок цивилизации. Он постулировал «духовное единство толпы» в результате основного социально-психологического процесса психического заражения.

ни к анализу глубинных причин явлений, которая она же наблюдает и в которых сама участвует. Толпа консервативна, и она же верит в таинственные события и в людей, стоящих над ней.

Толпа может охотно смириться со своим низким уровнем материального обеспечения и не заметить потери свободы. Она нисколько не возражает против коллективизации всей жизни тотального контроля. Я думаю, что это отнюдь не случайно, поскольку именно такой контроль и такая всеобщая взаимозависимость повторяют тот строй и образ жизни, который был характерен для ее далеких предков из первобытно-общинного мира. К тому же подобная общность, вертикальный и горизонтальный гнет создают для толпы иллюзию безопасности, что для нее очень важно. Здесь масса психологически смыкается с вождем, который выступает главным гарантом ее безопасности. Ради последней она отказывается от цивилизации, к которой всегда подспудно испытывала отвращение, хотя иногда и пользовалась ее отдельными достижениями. Толпа может активно выступать и против демократии как необходимого атрибута современной цивилизации, если демократия не представляет необходимой защиты среди обрушившегося на нее хаоса. Страх перед ним умело использует сам тиранический режим, постоянно запугивая толпу и добиваясь тем самым ее повиновения. Режим соблазняет возможностью защиты и быстрого решения сложных насущных проблем, не сковывая свои действия партийной борьбой и другими требованиями цивилизации.

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что диктаторы и диктатуры XX—XXI вв. в той же мере являлись творцами масс, в какой и массы — их создателями. Было встречное движение, взаимное ожидание, был союз, под которым тем не менее скрывались недоверие друг к другу и глухая вражда, причем этот нижний этаж редко им же осознавался. К тому же содержание отношений сторон было, несмотря на огромное сходство, различным — масса, наученная вековым опытом, до конца не доверяла власти, а власть всегда испытывала презрение к толпе, которое было сильным еще и потому, что вожди в своем подавляющем большинстве вышли из безвестных глубин народа. Однако в наивысшие периоды расцвета режим и толпа были гармонично слиты.

В год прихода Гитлера к власти, в 1933 г., К.Г. Юнг в своих лекциях в Кёльне и Эссене говорил, что власть в настоящее время определяется просто подавляющим весом масс. Неудивительно, что ныне в воздухе носится ощущение катастрофы — словно с гор свалилась лавина, которую ничто не способно остановить. Человек коллектива грозит удушить человека-личность, чьему чувству ответственности в конечном итоге обязано своим существованием

все ценное в истории человечества. Масса как таковая всегда безымянна и безответственна. Так называемые вожди являются неизбежными симптомами массовых движений.

Во многих случаях диктатуре необходимо прибегать к насилию, вследствие чего такой способ решения сложнейшей задачи защиты масс всячески пропагандируется и в конце концов принимается ею. Муссолини, например, писал: «Нам было необходимо проложить свой путь через насилие, через жертвы, через кровь, чтобы установить столь желанный массами порядок и дисциплину, а добиться этого слюнтяйской пропагандой было невозможно». Дуче утверждал также, что «люди устали от свободы. Теперь свобода уже перестала быть той непорочной и строгой девицей, ради которой боролись и гибли поколения второй половины прошлого века. Для взволнованной и суровой молодежи, вступающей в жизнь в утренних сумерках новой истории, есть слова, вызывающие гораздо большую привлекательность. Это слова: порядок, иерархия, дисциплина».

Коммунисты виртуозно решали вопросы безоговорочного принятия толпой насилия как средства ее же защиты. Это достигалось не только истерическими воплями в средствах массовой информации, что давало бы в основном пассивное приятие насилия, чего было мало. Необходимо было, чтобы народ принял участие, хотя бы психологическое, символическое, в пролитии крови, был помазан ею. Вот почему особенно в 1930-х годах организовывались многотысячные митинги, участники которых требовали смерти для «изменников» и «врагов». Вот почему так насаждалось доношительство и поощрялось безусловное осуждение каждого, кто выступал против «генерального курса». Вот почему даже в концлагерях общеуголовные преступники натравливались на осужденных за политические «преступления». Каждый гражданин был обязан присягнуть в верности тоталитарному государству, его вождям и идеалам. Но очень мало было тех, кто понимал, что тем самым он роет собственную могилу. Для этого надо подняться над массами и ее психологией, сбросить ее путы, но сделать это человеку толпы, усредненной личности совершенно не под силу. К ее несчастью, диктаторы все это прекрасно понимали и уничтожали тех, кто предпринимал такие попытки.

Даже преследуемые, безвинно наказанные люди толпы продолжали поклоняться своему кумиру, например Сталину. Этот психологический феномен давно известен, и его аналог наблюдался среди дикарей. Так, английский путешественник В.Л. Камерон в середине XIX в. обнаружил в свите одного местного царька большое количество искалеченных людей и был поражен, узнав, что многие были таким образом изувечены просто по прихоти или

как доказательство его могущества. Преданный слуга лишился рук, носа, ушей, губ в результате припадков ярости патрона, но, несмотря на столь жестокие испытания, казалось, боготворил землю, по которой ступала нога этого земного божества. Несколько других, столь же тяжко изуродованных, были не меньше приметны своей преданностью.

И все-таки у народа тоталитарной державы по сравнению с населением демократических стран нет мира и спокойствия, нет наслаждения покоем и уверенностью в прочности основ своего бытия. Порабощенные массы все время с чем-то или с кем-то борются (вспомним современную историю СССР и Китая), задавив одного врага, тут же начинают атаку на нового, постоянно протестуют, угрожают, проклинают, боятся доносов соседей, сослуживцев и т.д. Их действительное положение и реакции на ожидаемые опасности, реальные или мнимые, разительно напоминают ситуации первобытных людей, которым тоже постоянно угрожала враждебная среда.

Все это красно-коричневому государству очень выгодно, поскольку занятый вечными распрями и ожиданиями беды человек толпы не способен осмыслить собственное действительное положение и продолжает жить в паранойальном мире. Таким образом, можно констатировать одновременный психологический подъем масс, торжество массовой психологии и массовых стандартов наряду с дальнейшим закабалением народа. Но можно думать, что он получает мазохистское наслаждение от своего полного подчинения. Власть становится для него смертным божеством, каким оно и было во времена язычества.

Вот как описывает отношения толпы и власти Г. Раушнинг в своей книге «Зверь из бездны», посвященной нацизму:

Тем, кто сейчас управляет, если они имеют власть в своих руках, больше нет необходимости считать массы неподвижным, неизвестным фактором. Массы больше не представляют опасности, они стали податливым материалом, который может принять любую желаемую форму в руках опытного ваятеля. Массы уже не могут выступать как неконтролируемая стихийная сила. Эту силу можно направить в нужное русло и использовать с выгодой. Она может стать действенным оружием для достижения любой цели, которую выдвинет управляющая группа. Это могущественная сила, которая, будь она правильно использована, продвигает любую политическую амбицию с удвоенной скоростью. Какое упрощение в сравнении со сложной манипуляцией общественным мнением в демократиях! Какое упрощение в сравнении с абсолютистскими

режимами XVII и XVIII столетий! Одно необходимо — решимость использовать все средства, благодаря которым можно ввести массы в заблуждение. Эти средства хорошо известны. Они состоят не только из террора и жестокости, но и включают в себя методы возбуждения масс, внушения и растления, которым учит современная пропаганда и которые придали природе современного общества свой новый коллективный характер¹.

Раушнинг прав, что механизм и возможности управления массами в современных деспотиях значительно упростились по сравнению не только с нынешними демократиями, но даже и абсолютистскими режимами XVII—XVIII вв., когда императоры и короли были полными хозяевами в своих владениях. Я думаю, что здесь дело не только в высокой эффективности современных средств массовой пропаганды, а главным образом в том, что народные массы растлеваются красно-коричневым ядом, к поглощению которого они спонтанно готовы; это действительно делает их воском в руках ваятелей, но, повторяю, самый наглый и искусный политический скульптор ничего не смог бы с ними поделаться, если они сами еще не созрели для этого. Поэтому толпу не всегда надо заставлять что-то делать силой и угрозами, ее представители будут работать в самых бесчеловечных условиях и идти под вражеские пули, не рассчитывая даже на посмертную славу, из голого фанатизма, уверенности в правоте своего дела, в допустимости, целесообразности и оправданности такого способа действия, из одной преданности идее и вождю. Отечественная история, к сожалению, предоставляет великое множество примеров именно такого нерассуждающего поведения.

О том, какое значение в глазах преступных правителей имело управление массами, свидетельствуют следующие высказывания Гитлера в книге «Моя борьба». Но сначала нелишне напомнить, что этот священный опус нацизма был предназначен широким народным массам и готовился поэтому в расчете на большой пропагандистский резонанс. Отсюда множество демагогических утверждений и комплиментов в адрес «простого» народа. Гораздо более циничным и откровенным в своем отношении к этому самому народу фюрер был в частных беседах, записи которых сейчас хорошо известны. Однако в упомянутой книге он открыто признавал важность подчинения масс. Гитлер, например, писал: «Всякому движению, ставящему себе большие цели, нужно самым тщательным образом добиваться того, чтобы оно не теряло связи с широкими слоями народа. Такое движение должно каждую проблему рассматривать в первую очередь именно под этим

¹ Раушнинг Г. Указ. соч. С. 141.

углом зрения. Все его решения должны определяться этим критерием. Такое движение должно далее систематически избегать всего того, что может уменьшить или даже ослабить его влияние на массу. И это не из каких-либо «демагогических» соображений. Нет. Этим надо руководствоваться по той простой причине, что без могучей силы народной массы ни одно движение, как бы превосходны и благородны ни были его намерения, не может достичь цели».

«Сильные духом люди должны дать массе толчок в определенном направлении, а потом уже сама масса подобно маховому колесу усиливает движение и дает ему постоянство и упорство». «Широкие массы народа это только кусок самой природы. Они не понимают, как это люди, утверждающие, что они хотят прямо противоположного, в то же время миндальничают друг с другом, жмут друг другу руки и т.д. Масса требует одного — победы сильного над более слабым, уничтожения слабого или его беспрекословного подчинения».

И совсем уж откровенно Гитлер сказал: «Масса, народ — для меня это как женщина. Любой, кто не понимает присущего массе женского характера, никогда не станет фюрером. Чего хочет женщина от мужчины? Ясности, решимости, силы, действия. Ради этого она пойдет на любую жертву».

Не вызывает сомнений, что Гитлер каждому народу приписывал мазохистские черты, немецкому в первую очередь.

И. Фест обоснованно считает ораторские триумфы Гитлера феноменом сексуальности, направленной в пустоту. Очевидно, пишет Фест, Гитлер не без причины сравнивал толпу с «воплощением женского начала». Достаточно перелистать соответствующие страницы его книги «Моя борьба», достаточно одного взгляда на тот эротический пыл, который пробуждали в нем идея массы, его представления о ней и который позволял ему добиваться примечательной стилистической свободы выражения, чтобы понять, чего искал и что находил этот неконтактный, одинокий человек, стоя на трибуне над послушной массой. Однажды он в порыве саморазоблачения назвал массу своей единственной невестой. Магнитофонные записи того времени ясно передают своеобразную атмосферу непристойного массового совокупления, царившую на тех мероприятиях: затаенное дыхание в начале речи, резкие короткие вскрики, нарастающее напряжение и первые освобождающие вздохи удовлетворения, наконец, опьянение, новый подъем, а затем экстатический восторг как следствие наконец-то наступившего оргазма, не сдерживаемого уже ничем.

Сталин был настолько плохим оратором, что в своих публичных выступлениях не мог насиловать толпу. Почти все его книги и статьи написаны серым, невыразительным языком в сугубо канцелярском стиле. Однако анализ некоторых его выступлений показывает, что он глубоко презирал массу, совершенно обоснованно считая, что она поверит всему им сказанному. Я хотел бы привести одно из объяснений Сталина в «любви» к народу, высказанное им в 1924 г. на вечере воспоминаний кремлевских курсантов о Ленине:

Теоретики и вожди «партий, знающие историю народов, проштудировавшие историю революций от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверием в творческие способности масс. На этой почве возникает иногда некий аристократизм вождей в отношении к массам, не искушенным в истории революций, но призванным ломать старое и строить новое. Боязнь, что стихия может разбушеваться, что массы могут «поломать много лишнего», желание разыграть роль мамки, старающейся учить массы по книжкам, но не желающей учиться у масс, — такова основа этого рода аристократизма. Ленин представлял полную противоположность таким вождям. Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин. Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, которые старались свысока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт масс.

Эта восхитительная ода в своем роде настолько совершенна, что ее не хочется комментировать и тем более оспаривать. К тому же таких «гимнов любви» у Ленина, Сталина и их сподвижников неисчислимо множество. Не нужно думать, что все они лживы, напротив, они правдивы, но признать их таковыми можно лишь при условии не понимать сказанное буквально. Всем известен, например, прекрасный пассаж «гуманиста» Дзержинского о том, что чекистом может быть только человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Здесь все верно, у чекистов Дзержинского все так и было: голова холодна из-за отсутствия сочувствия к людям и эмоционального тепла, сердце горячо от глущей ненависти к ним, а руки умыты кровью.

Даже если толпа не стала бы орудием чьего-то господства, даже если бы не ее руками совершались разбойничьи войны, угнетение и уничтожение целых социальных групп и наций, а только ради невиданного ранее общественного порядка, то причиненный вред заключался бы в самом подчинении толпы, массы, подчине-

нии абсолютном и в методах удержания их в таком положении. В полной зависимости от строя попирается жизнь и плоть человека толпы, его разум и душа. Деспотическое сверхцентрализованное государство властвует и над внутренней жизнью индивида, которая похищается не только запретами на высказывания или на объединения, но и массовой пропагандой и внушениями, опутыванием особой сетью строгих безальтернативных обязанностей и требований, относящихся к труду, творчеству, общению, развлечениям, семейной и интимной жизни. «Поистине и дано ему было вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откровение св. Иоанна Богослова, 13:7, 8).

Коллективный человек, человек толпы в тоталитарном исполнении не способен интегрироваться в цивилизацию, поскольку цивилизация и он — это несовпадающие и явно противоположные друг другу явления. Фашизм и большевизм извлекли на поверхность заложенное в человеке зло и показали, как можно манипулировать им и какую политическую пользу можно из этого извлечь. Однако это было проделано не с отдельными людьми, а с массами, с толпой, и это помогало эксплуатировать самые низменные инстинкты и вожделения. Иными словами, усилия диктатуры в этом направлении идут параллельно со стиранием индивидуальности, насаждением единообразия, тщательным регулированием всех сторон жизни. Зверь, который порождается взрывом Тени коллективного бессознательного, принимает форму безликих зараженных масс и коллективного примитивного человека.

Толпа особенно склонна ненавидеть, преследовать и уничтожать врагов, которых она видит в других народах и нациях, в других классах и социальных системах, в политических противниках и конкурентах своих идолов, а человек толпы — среди своих знакомых, сослуживцев, соседей, даже случайных встречных.

Этим свойством массы умело пользуются тоталитарные вожди. Так, Гитлер пришел к власти, постоянно обвиняя австро-венгерскую и германскую императорские династии, буржуазию, евреев, интеллигенцию, парламентских политиков, другие партии, страны Антанты, а в годы Второй мировой войны — участников антигитлеровской коалиции, своих генералов, многих из которых он считал бездарностями и даже изменниками, и т.д. Ленин и Сталин постоянно изобличали врагов — свергнутые классы, офицерство, мировую буржуазию, буржуазные партии, внутренних врагов и, конечно же, тех, кто оспаривал их власть, в том числе вчерашних соратников.

Поиск и нахождение врагов надо рассматривать в общем контексте того, что в тотализированном обществе все четко делится на «мы» — «они», «наше» — «не наше»; естественно, все «наше» — это хорошее, достойное, благоприятное и т.д., все чужое — плохое, неприятное, заслуживающее порицания, отторжения и даже наказания, уничтожения. Но такое черно-белое восприятие социума уже было у человечества — у первобытных людей, которые могли обрести безопасность только в своем племени или роде.

Точно так же ребенок вначале не отделяет «я» от «не я», только потом он начинает понимать нетождественность «мы» и «не мы». Если он вырастает в неблагоприятных эмоциональных условиях, «не я» и «не мы» навсегда могут запечатлеться в его психике как нечто неизменно чуждое и враждебное, от которого необходимо защищаться, лучше всего — нападая. Я говорю об этом не только потому, чтобы отметить во многом совпадение путей развития отдельного человека и человечества (эта мысль не нова), но и потому, что значительную часть ярых приверженцев фашизма и большевизма составили те, кто с детства делит всех окружающих четко и бескомпромиссно на «наших» и «не наших».

Именно к людям с черно-белым видением мира обращены исполненные глубокой ненависти слова Гитлера: «Будущее движение больше всего зависит от фанатизма и нетерпимости, с какими сторонники его выступают на защиту своего учения, решительно борясь против всех тех, кто конкурирует с данным учением... Движение должно воспитывать своих членов так, чтобы борьба не казалась им чем-то тягостным, а чтобы они сами рвались навстречу борьбе. Они не должны бояться вражды со стороны противника. Напротив, эту вражду они должны рассматривать как первое доказательство того, что собственное движение имеет право на существование. Не страшиться ненависти со стороны противника должны мы, а стремиться к тому, чтобы он как можно глубже ненавидел нас за нашу работу на пользу нашей нации» («Моя борьба»).

Итак, глухая стена со всеми, кто стоит по другую сторону, только борьба с ними до полного уничтожения, никакого сближения и никаких уступок, как это принято в цивилизованном обществе, и фанатизм, ненависть, нетерпимость... То отношение к окружающему, которое звучит в приведенных словах Гитлера, можно назвать чувством преследования, которое Э. Канетти отнесил к числу наиболее бросающихся в глаза черт жизни массы. Он писал, что имеется в виду особая возбудимость, гневная раздражительность по отношению к тем, кто раз и навсегда объявлен врагом. Эти люди могут вести себя как угодно, быть грубыми или предупредительными, участливыми или холодными, жесткими или мягкими — все воспринимается как проявление безусловно дурных

намерений, недобрых замыслов против массы, заведомое стремление откровенно или исподтишка ее разрушить¹.

Всем известны грандиозные митинги и демонстрации германских и итальянских фашистов, советских, китайских кубинских коммунистов, коммунистов других стран, где они правили. Эти массовые мероприятия были призваны сплотить людей вокруг режима и его идолов, еще больше подчинить их и продемонстрировать единство, вселить в них иллюзию, что они являются вершителями своей судьбы и что без них не движется история, без них, доселе подавленных и презираемых, мучающихся своей неполноценностью, своей вековой судьбой людей второго сорта. Не в меньшей степени огромные сборища имели своей целью устрашить врагов, показать свою мощь и несокрушимость. Именно поэтому такие мероприятия всегда сопровождалась военными парадами с показом самой современной техники. Однако красно-коричневые движения, возможно сами того не ведая, лишь повторяли то, что уже делалось много веков назад. В доказательство приведу из книги Э. Канетти «Масса и власть» описание танца хака новозеландского племени маори, датированное первой третью прошлого века.

Маори стали в длинный ряд по четыре человека. Танец, называемый «хака», должен внушить страх и ужас каждому, кто видел его впервые. Все племя, мужчины и женщины, свободные и рабы, стояли вперемешку, независимо от занимаемого ими положения. Мужчины были совершенно нагие, если не считать патронташей, опоясывающих их. Все были вооружены ружьями и штыками, прикрепленными к концам копий и к палкам. Молодые женщины с обнаженной грудью, включая жен вождя, также принимали участие в танце.

Такт пения, сопровождавшего танец, выдерживался весьма строго. Подвижность этих людей была поразительна. Вдруг все они высоко подпрыгивали, отрываясь от земли одновременно, как будто ими двигала одна воля. В тот же миг они взмахивали своим оружием и изображали на лице гримасу. Со своими длинными волосами, которые у них обычны как для мужчин, так и для женщин, они были подобны войску горгон. Опускаясь, все издавали громкий стук о землю ногами одновременно. Этот прыжок в воздух повторялся часто и во все более быстром темпе.

Черты их были искажены так, как только возможно для мускулов человеческого лица, и всякую новую гримасу в точности повторяли все участники. Стоило одному сурово, как будто винтом, стянуть лицо, все тотчас ему подражали. Они так вращали глазами, что порой виден был только белок, и казалось, что в следующий

¹ См.: Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 27.

миг они выскочат из орбит. Все одновременно высовывали длинные-предлинные языки, как этого никогда бы не смог сделать ни один европеец; для этого нужно долго, чуть ли не с детства, упражняться. Их лица представляли зрелище ужасающее, и облегчением было отвести от них взгляд. Каждая часть их тела жила отдельной жизнью. Шум их пения был оглушителен, в танце участвовало 350 человек. Можно себе представить, какое воздействие производил этот танец в военные времена, как он возбуждал храбрость и как усиливал враждебность сторон друг к другу.

Как мы видим, и дикари, эти социальные ископаемые, и нынешние тоталитарные ископаемые, чтобы утратить других, ведут себя одинаково — показывают свои последние технические достижения: первые — штык, прикрепленный к палке, вторые — ракеты дальнего действия и суперсовременные танки, первые стремятся воздействовать с помощью «страшных» гримас и криков, воинственных плясок, вторые — ритуала, дисциплины, воинской выправки, но смысл поведения тех и других абсолютно один и тот же. Кроме устрашения демонстрацией оружия, главари современных орд охотно прибегают к неприкрытым угрозам, точно так же, как это делали и делают дикари, испуская воинственные крики. Так, провинциальный фанфарон Муссолини, чтобы запугать западные страны, в начале 1930-х бахвалился, что Италия превращена в огромный военный лагерь, в котором «миллионы людей готовятся к решающей битве. Слышится глухой шум, напоминающий шаги колоссального легиона на марше. Этот бесчисленный легион — фашистская Италия... Никто не в силах ее остановить. Никто не остановит». Муссолини пророчествовал: «Со спокойной совестью я говорю вам, о несметных толпах людей, что XX век будет веком фашизма. Он будет веком итальянской мощи: это будет век, когда Италия в третий раз станет руководителем цивилизованного мира». В те годы толпа в националистическом угаре поддерживала своего дуче; он называл ее «моя толпа» и был абсолютно прав.

С древнейших времен значительную массу людей собирали под открытым небом. До появления радио возможности воздействия на нее ограничивались силой голоса говорящего, но последние технические достижения позволили выступать перед многотысячными толпами и соответственно усилить эффективность воздействия на них. Гитлер, как известно, бредил грандиозными проектами строительства огромных площадей и стадионов, широчайших улиц именно для этих целей, нисколько не сомневаясь в том, что любая масса будет ему послушна. Но он ее презирал и видел в ней подвластную себе толпу, и больше ничего. Ни один человек из нее не представлял для него никакой ценности, и именно поэтому

в его строительных планах не было места жилым кварталам и зеленым насаждениям.

Весьма показателен тот факт, что Гитлер собирался построить в Берлине Триумфальную арку, которая должна была быть более чем в два раза превышать Триумфальную арку в Париже. На своей арке он намеревался высечь имена 1,8 млн немцев, погибших в Первой мировой войне. По этому поводу Канетти тонко отмечает: вряд ли кто-нибудь прочитал бы такое множество имен, что останется у людей, так это их число, а это огромное число — придаток к его имени. Ощущение массы мертвецов для Гитлера — решающее. Это и есть его истинная масса. Без этого ощущения его не понять, не понять ни его начала, ни его власти, ни того, что он с этой властью предпринял, ни к чему его предприятия вели. Его одержимость, проявлявшая себя с жуткой активностью, и есть эти мертвецы, пишет Канетти в статье «Гитлер по Шпееру». Я думаю, что упомянутая активность есть яркое проявление его глубоко некрофильской натуры.

Сами немцы нужны были Гитлеру постольку, поскольку они могли побеждать, и в этом тоже заключается поражение толпы. В качестве побежденных они не представляли для него никакой ценности и обрекались им на гибель. Примерно так же относился к народу Сталин. Его страсть уничтожить и унижить как можно больше людей можно усматривать не только как строительство пьедестала для собственного величия, но и как обретение покоя на горах мертвецов.

Неистовое стремление к войне немецкого и советского фюреров, т.е. к уничтожению, к горам трупов, следует оценивать также и в плане их отношения к людской массе. Огромные армии тоталитарных государств — это тоже массы, причем наиболее послушные, управление ими, возможность значительную часть этой массы по своему желанию сделать мертвецами доставляли некрофилам Гитлеру и Сталину неизъяснимое удовлетворение. Такое же удовлетворение получал Гитлер при уничтожении евреев, Сталин — во время массовых репрессий, максимально расширяя психологическое пространство для своей личности. Следовательно, мир был для них невыносим. Массовое сеяние смерти есть тоже поражение толпы, которая, чтобы быть готовой к гибели, активно примитивизируется, как и составляющие ее отдельные люди, эти жалкие нумера.

Есть все основания рассматривать войну, столь свойственную тоталитаризму, как способ принесения людей в жертву богам, причем как в ходе самих военных действий, так и после них», когда уничтожаются пленные и мирное население. Так поступали

немецкие фашисты в отношении советских военнопленных и населения завоеванных земель. Так поступали древние ацтеки, одна из главных целей многочисленных войн которых заключалась в захвате пленных в целях их последующего принесения в жертву богам. Чешский исследователь М. Стингл отмечает, что столь жестокою целью войны надо воспринимать в общем контексте ацтекского мышления, ацтекских религиозных представлений. Своей судьбе пленный не сопротивлялся и из плена никогда не убежал. Из кодексов и рассказов первых хронистов известен ряд случаев, когда пленный, по какой-либо причине не принесенный в жертву, сам домогался осуществления предначертанного ему удела.

У ацтеков принесение человеческих жертв было столь актуальной потребностью, что к жертвенному камню приводились даже побежденные в боевых соревнованиях «команды» двух дружественных городов. Когда испанцы из экспедиции Кортеса вошли в главный храм Теночтитлана, они насчитали там, по их рассказам, 130 тыс. человеческих черепов. Все эти люди были принесены в жертву лишь за несколько лет, предшествовавших появлению испанцев.

Тоталитарное государство называется так не только потому, что пытается охватить все стороны жизни общества и все области бытия личности, но и потому, что вырабатывает нормы и ориентации, принудительно обязательные для всех. Эти коллективные представления нацелены на формирование коллективного человека, человека толпы, что необходимо тираническому режиму и рационально для него, поскольку позволяет гибко и твердо управлять обществом. Люди как бы сами по себе, внешне лишь изредка следуя прямым указаниям высших властей, тем не менее все время выполняют их волю. На самом деле автоматическое поведение длительное время формируется путем воспитания, постоянной идеологической и психологической обработкой, обучением и «просвещением», а также силой, в том числе самой грубой и примитивной, кровавыми репрессиями, внушающими ужас. Силовое принуждение в большинстве своем приводит к покорности и полному послушанию. На определенном этапе коллективное подавляет индивидуальное, и советский, например, человек был именно коллективным человеком, что не могло не отразиться в литературе, искусстве, идеологических штампах и, самое главное, в его поведении.

Однако это отнюдь не изобретение большевиков и фашистов, несмотря на всю их чванливую уверенность, что лишь только они и открыли свой новый мир. Оно уже было, было давно, в глубокой древности, что еще раз дает мне основание считать тоталитаризм возвратом к примитиву и правлению коллективной Тени.

Л. Леви-Брюль исходил из того, что сознание первобытного человека целиком во власти коллективных идей и коллективных представлений. Они вырабатываются не отдельной личностью, а обществом, и отдельная личность получает их в готовом уже виде. Коллективные представления отличаются чрезвычайной императивностью, обладают почти принудительной силой и воспринимаются автоматически каждым лицом, так как они навязываются ему с раннего детства и, почти не поддаваясь действию критики, в неизменном виде передаются из поколения в поколение. Коллективные представления получают свое выражение в верованиях, обычаях и языке. Они целиком господствуют над сознанием первобытного человека, он мыслит, по мнению Л. Леви-Брюля, иначе, чем мы, поскольку его мышление целиком во власти коллективных представлений. Наши же представления настолько дифференцированы, что позволяют нам совершать сложные операции отвлечения, обобщения и логической классификации. Наше мышление — концептуальное, строящееся на понятиях, предполагающих развитую способность отвлечения и обобщения. Мы никогда не смешиваем представления объекта с вызванными им переживаниями и порожденными им двигательными реакциями. В коллективном же представлении первобытного человека все эти три элемента слиты.

Опираются на толпу не только властители, особенно тоталитарные лжемесии. Это делает и церковь, исходящая из того, что каждая душа принадлежит ей. В регионах господства той или иной религии, особенно мировой, все обстоит более или менее спокойно, и по большей части они не боятся конкурентов. Сами церкви и их здания уже давно приспособлены к определенной массе верующих, т.е. к тому, что в этих зданиях могут уместиться все желающие. Но и в мировых религиях есть свои трудности. Прежде всего, в рамках таких религий возникают различного рода секты, которых церковь страшится и неистово преследует. Все это рождает недоверие к толпе и желание как можно сильнее привязать ее к себе. Поэтому верующих так охотно сравнивают с овцами.

Толпа способна одобрить терроризм и экстремизм, если от этого не пострадает она сама. Террор тоталитарной партии или движения, самой лжемессианской власти направлен на то, чтобы воодушевить и мобилизовать своих сторонников. Он может быть весь продуман для того, чтобы создать хаос, и тогда революция, захват власти станут выходом из него. Террор гитлеровцев и тех, кто предшествовал большевикам, а также самих большевиков создавал неразбериху и сеял панику, разрушал государственные структуры, активно способствуя приходу к власти соответствующим

сих групп. В дикости происходящего толпа не улавливала смысла, она была обманута, причем уже была готова к тому, что ее обманут, и совсем не стремилась докопаться до правды — она не смогла бы сделать этого.

Толпа выступает за террор, но только если этот террор организует и реализует вождь — фюрер, а не какая-либо группа или вообще одиночка, непричастные к тоталитарной власти. Но она же будет бурно приветствовать терроризм и экстремизм в отношении нежелательных для тоталитарной власти, ненавистных ею групп и отдельных лиц. Все это укрепляет тоталитарную систему, сливает вождя — фюрера с толпой. Иногда ликование масс по поводу территориальных захватов других стран превращается в магический ритуал и превращает толпу в пародию на саму себя. Так было, когда толпы приветствовали Гитлера или советские люди — Сталина и его приспешников, или требовали казни для изменников Родины, или ликовали по поводу какого-нибудь революционного праздника. Абсолютно не понимая, что все это только способ еще больше поработить их, толпы не отдавали себе отчета, что они участвуют в театрализованном и срежиссированном представлении, которое состоялось только потому, что власть разрешила его¹.

Если понимать толпу как массу людей и слой общества, объединяемый единой идеологией, социально-психологическими и интеллектуальными узлами, то она обладает еще одной характеристикой, которую журналистка Ю. Латынина точно назвала *светской религиозностью*. В отличие от настоящей религии светская, составляя сумму убеждений, легко проверяется опытом. К числу таких убеждений наших граждан относятся «Башни-близнецы взорвали сами американцы», «Теракт на Дубровке осуществили рос-

¹ Бодрийяр утверждает, что «терроризм порожден не стремлением к насилию, а характерен для нормального состояния социального — в той мере, в какой это нормальное состояние в любой момент может превратиться в нечто прямо противоположное, абсурдное, неконтролируемое» (*Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы*. М., 2007. С. 223). То, что терроризм не порожден стремлением к насилию, является полным абсурдом. И с правовых, и с криминологических позиций терроризм порожден стремлением к насилию и сам является насилием. Если он не порожден стремлением к насилию, то следует допустить, что терроризм вызывается и неосторожностью, что является явной нелепицей. Он совсем не характерен для нормального состояния социального, но «если это состояние в любой момент может превратиться в нечто противоположное, абсурдное, неконтролируемое», то такое состояние социального никак нельзя назвать нормальным. С такой ненормальностью сталкивается большинство государств, поэтому у них есть свои службы безопасности. Если угроза терроризма реальна, это никак нельзя назвать нормальным. Очевидно, Бодрийяр плохо знаком с природой и причинами терроризма.

сийские спецслужбы», «леди Ди убили британские спецслужбы», «так называемые демократы — это ставленники ЦРУ» и т.д. Любая попытка проверки расценивается как глупость или признак неблагонадежности, но сами утверждения о таких фактах никогда не проверяются, в них нет связности и доказательств. В них просто верят, как в Средневековье верили в ведьм и чертей, не требуя доказательств.

Людей всегда скрепляла в обществе и государстве какая-либо идея — чаще всего это была религия, а экономика и торговля обычно дополняли ее. С ослаблением религии в западных странах еще с XVIII в. появилась потребность в других, стискивающих все обручах. В некоторых странах им стала коммунистическая идея, производная от средиземноморских верований, в иных — национализм (нацизм, расизм), призванный «спасти» ту или иную нацию (расу) от «гибели».

В человеческой истории было немало деспотий, и далеко не каждая из них может быть названа тоталитарной или лжемессианской. Представляется, что современные тоталитарные или лжемессианские тирании можно определить как те, которые исповедуют какую-либо одну, но чрезвычайно важную и спасительную для толпы идею — в XX в. это была идея спасения и торжества немецкого народа (Гитлер и гитлеризм), итальянского (Муссолини) и спасения всего человечества путем построения общества всеобщего счастья и благоденствия (марксизм и большевизм). Были и другие тоталитарные идеи, особенно религиозные, например в Иране аятоллы Хомейни.

Таким образом, тоталитарная тирания отличается от всех других антидемократических режимов тем, что все должны были думать и действовать одинаково, исповедовать одну и ту же идею, а неподчиняющегося ждала немедленная расправа.

Казалось бы, современные тоталитарные тирании ничем не отличаются от подобных режимов Средневековья и Древнего мира. Тогда тоже отступники от веры или заподозренные в колдовстве кончали свою жизнь на кострах инквизиции. Но в те теперь далекие годы все страны были такими. Сейчас картина резко изменилась, уже давно есть страны, которые живут по демократическим канонам и не знают никаких наказаний за инакомыслие. Именно эти страны добились наибольших успехов в экономике, финансах, военном деле, что вызывает острую зависть и ненависть менее развитых стран, имеющих господствующую идею, чаще религиозную, но иногда национальную. Общеобъединяющее обязательное учение (идея) является, таким образом, бесспорным признаком отсталости и недемократических порядков.

6.3. Лидер толпы

Особую роль в толпе играет лидер, вождь. Но надо различать вождей толпы как самого многочисленного слоя общества, а следовательно, политических деятелей и главарей беснующихся толп, в том числе спортивных болельщиков и религиозных фанатиков.

Политический вождь толпу зачаровывает, ведет за собой, внушает ей идеи и мысли, которые представляются ей самыми мудрыми и жизненно значимыми; в то же время он подавляет людей и опутывает их страхом, в том числе страхом его послушания. Вождь делает ее своим послушным орудием, одновременно часто выставляя себя единственным или главным защитником интересов народа. На самом деле он настолько подавляет ее и устанавливает такое поклонение ему, что некоторые исследователи сравнивают это с религией. Вождь навязывает толпе свою волю, свои взгляды, свою решимость до такой степени, что она безоговорочно принимает его как своего кумира.

Современные лжемессии обладают некоторыми типичными для них чертами, которые необходимо знать и науке, и самой жизни. Прежде всего, следует указать на то, что кровавые лжемессии были выдающимися личностями — «порок и гений» вполне совместимы, и второе очень может помочь первому.

Понятно, что преступные «мессии» являются отличными организаторами, харизматическими личностями, наделенными талантами убеждать других и увлекать их, при этом внушать страх, необходимыми званиями для исполнения обязанностей глав государств, в том числе в военной сфере. Некоторые из вождей были очень хорошими ораторами (например, Гитлер). Вместе с тем у некоторых из них выражены психопатические (Гитлер) и паранойальные (Сталин) черты. Отмечу еще одну особенность, присущую личности «мессии», которая часто не учитывается исследователями, хотя и является характерной для лидеров вообще. Как показывают исследования, лидерам присуща *эмоциональная холодность*, которая проявляется в безразличии к субъективным стремлениям, переживаниям, судьбам, интересам других, что свидетельствует об их отчуждении от людей. Эмоциональная холодность и отчуждение определяют отношение лжемессий к человеку и обществу в целом, их страдания нисколько не задевают таких людей, даже если жертвами становятся миллионы. Проявить холодность при принятии решения об агрессии (казни) или получении сообщения об этом — составная часть роли всемогущего владыки. Проявлять сочувствие можно, но лишь когда, например, погибает (умирает) соратник или это выгодно, чтобы произвести впечатление на толпу, но и тогда в сострадании больше притворства, чем истинных эмоций.

Вот почему лжемессии редко подвержены эмоциональным срывам, сдержаны, расчетливы и проницательны, способны к аналитическому расчету, особенно в интригах. Одним словом, они не способны к идентификации с другими людьми, даже, казалось бы, близкими. Люди вообще не воспринимаются ими как «живые личности», а лишь в аспекте того, соответствуют они или нет предписанной им роли. Это порождает явление *имперсонализации*, при котором другой человек воспринимается и оценивается только с указанных позиций, его способности реализовать в своем поведении ролевые ожидания вождя; не принимаются во внимание субъективные переживания, чувства, желания и интересы иных людей. В таких отношениях эмоциональная теплота выхолащивается, но достигается стабильность, неуклонное следование своим целям.

Тоталитарный вождь отличается от всех других лидеров (в том числе монархов) тем, что он предлагает некую сверхъестественную идею, например коммунизм. Тогда вождь становится почти небожителем, ниспровергая других богов, созданных религией, возводится и возводит себя в ранг мессии, которому дозволено все и которому можно безусловно верить, которому нужно беспрекословно подчиняться, как в детстве строгому, но любящему отцу. Мессианство становится цементом, неимоверно укрепляющим его господство и ставящим над толпой. Вместе с тем усиливается одиночество такого лица, который не только не делит с кем-либо реальную власть, но еще в силу своей эмоциональной холодности не способен к дружеской близости с кем-либо. Совершенно закономерно Ле Бон называл этих божков «вождями толп».

Когда речь идет о лжемессиях-вождях, неизбежно возникает вопрос: обладают ли они харизмой и, главное, что отличает их от других вождей — политических лидеров, но не лжемессий? Думается, что харизма есть у всех тоталитарных вождей, но, чтобы дать на этот сложный вопрос адекватный ответ, надо разобраться с тем, что такое *харизма*.

Обратимся к Московичи. Он писал, что в психическом мире есть господство, осуществляемое не столько на основе физической, анонимной силы, сколько на основе духовного, личного влияния: это харизматическая власть. М. Вебер, создатель харизмы как термина, считал, что он представляет собой там, где появляется, «призвание свыше», в высоком смысле слова, как миссию или «внутреннюю работу». Воздействие харизматического лидера не зависит ни от богатства, ни от промышленности, ни от армии — они представляются лишь вспомогательными средствами повседневного управления. Харизма — это дар, некое качество отношения между верующими или последователями и учителем, в кото-

рого верят, которому подчиняются. Это как бы лекарство, исходящее от одного человека для исцеления другого. Она придает ее обладателю знак чрезвычайной значимости и отметину исключительности, неистовой силы. Она пробуждает толпы от спячки, возбуждает их и приводит в движение. Власть вождя распространяется поверх всех промежуточных образований, организаций, партий, массмедиа и т.д.¹

Полагаю, что харизма есть, прежде всего, индивидуальное качество силы, исходящей от конкретного человека, но, конечно, не физической, а психической, духовной. Другой субъект может ощущать такое качество непосредственно, но что касается политиков, то по большей части представление о необычайной силе формируется толпой (в наше время с помощью средств массовой информации), а уже ею передается отдельному индивиду. Он теперь видит в харизматическом лидере защиту и опору, вождь для него — господин и повелитель. Восприятие и ощущение сил могут меть место и в том числе вследствие жестокости и бесчеловечности вождя, попрания им всех норм морали.

Харизматический вождь не обязательно должен быть публичным политиком, т.е. часто выступать на митингах, по радио или телевидению, печати и т.д. Таким, например, был Гитлер, обладавший выдающимися ораторскими способностями и любивший выступать перед толпой, что выдает его истероидный характер. Сталин, напротив, не был таким деятелем и относительно редко выступал на публике. Но ему приписывались необычные качества, особенно мудрость, он восхвалялся столь неистово, что толпа не могла не видеть в нем вождя и учителя. Ближайшему окружению он мог внушить страх и даже ужас вследствие присущей ему холодной жестокости.

Хочу присоединиться к тем авторам, которые считают, что харизматические вожди появляются в периоды безвременья и хаоса, а толпа ждет от них наведения порядка. В периоды социальной стабильности демократического общества такие властители в психологии масс не появляются. Поэтому в обществе возникновение потребности в твердой и даже жестокой руке есть свидетельство нарастающего социального неблагополучия. Сколь ни архаичным представляется подобный властитель, в глубинах толпы всегда имеется зерно, из которого он вырос; следовательно, его природа архетипична. Это зерно суть мнестический след, остающийся в психике масс. Поэтому не следует думать, что выдающиеся события и связанные с ними персонажи забываются.

¹ См.: *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 349—351.

Многие исследователи (в частности, Московичи) представляют себе лидера архаичным персонажем, а Вебер прямо отвечает, что харизма есть великая революционная сила, связанная с традицией. Московичи пишет, что толпы, как и история, проходят циклы. Они возвращаются в места, уже посещавшиеся, бессознательно повторяют прежние действия. Харизма из их числа. В ней можно видеть одну из тех материй, что существовали в архаические времена. Периодически она возрождается, когда колесо общества выносит ее на вольный воздух, а затем исчезает вновь... Люди и ситуации прошлого принимают в нашей психике форму *imago* — наглядных представлений, давая эффект присутствия.

Харизма должна была бы представлять отца, воскрешенного и перевоплощенного в личность одного из своих убийц. Но это и сам убийца, считает Московичи, в образе героя, т.е. один из сыновей, воспротивившихся тирану и победивший его. Итак, есть два персонажа в одном — обожествленное *имаго* отца и след героического индивида, его сына. Вождя, который обладает подобной харизмой, массы признают. Он притягивает к себе влюбленное восхищение к умершему отцу и страх перед жестокостью того, кто убил отца и подчинил соперничающих братьев. Самая большая сила исходит от его двойственности. Он «над другими» и «как другие». Держатель места отца, который оживает в нем, он в то же время занимает место братьев — заговорщиков, которые вверили ему свою власть¹.

Это объяснение Московичи относительно происхождения и природы харизмы, особенно в части представления в ней «отца» и взбунтовавшихся «братьев», взято у Фрейда. Может ли теория Фрейда о происхождении религии через убийство отца объяснить нам, что такое харизма?

В своей статье «Человек Моисей и монотеистическая религия» Фрейд писал, что в первобытные времена

сильный самец был господином и отцом всей орды, неограниченным в своей власти, осуществлявшейся им через насилие. Все существа женского рода были его собственностью, как жены и дочери собственной орды, так, наверное, и украденные из других орд. Судьба сыновей была сурова; когда они возбуждали ревность отца, то или умерщвлялись, или кастрировались, или изгонялись. Им ничего не оставалось, как сосуществовать в малых сообществах и добывать себе жен грабежом, как придется, добываясь для себя положения, аналогичного положению отца в первоначальной орде. В исключительную позицию по естественным причинам попадали

¹ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 358, 370.

младшие сыновья; защищенные любовью матерей, они извлекали выгоду из старения отца и имели шанс заместить его после его смерти. Как об изгнании старших, так и о предпочтении младших сыновей мы, похоже, слышим отголоски в легендах и сказках¹.

У детей появилось чувство вины перед отцом, и постепенно его обожествили. Так появилась религия.

Однако никаких доказательств своей правоты Фрейд не приводит. Поэтому возникают серьезные сомнения, что «Отец» был прообразом всех вождей, в том числе харизматических. Скорее, им можно считать Моисея, безотносительно, конечно, к его национальной принадлежности.

Вождь господствует, потому что у него есть сила, власть, идеи и убеждения. Он переплавляет индивида в массу, тем самым указывая ему, что его ценность в первую очередь определяется принадлежностью к массе (толпе, партии, движению), что благодаря своей принадлежности к ней он укрепил свои этнические, религиозные, политические, экономические и иные связи, а поэтому стал значительнее и весомее. Сам вождь — это душа мира, зеркало, в котором толпа может созерцать свою собственную душу, это фигура, перед которой склоняются народы, но она господствует потому, что вера, его и масс, слившись воедино, сделала этого человека вождем и пророком. Можно считать доказанным, что толпа в годы безвременья, хаоса и беспорядка жаждет героя, который укажет ей путь и поведет по нему. Из безоглядной преданности ему могут совершаться подвиги, и он никогда не сходит со сцены в том смысле, что его не забывают, хотя он и способен вызывать только омерзение.

Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду для понимания лидеров толпы. В. Райх писал:

успех Гитлера невозможно объяснить на основе его реакционной роли в истории капитализма, поскольку эта роль достигла бы противоположной цели, если бы она открыто призналась в его пропаганде. Исследование психологического воздействия Гитлера на массы должно исходить из предпосылки, что фюрер или борец за идею может достичь успеха (если не в исторической, то по крайней мере в ограниченной перспективе) только в том случае, если его личная точка зрения, идеология или пропаганда имеет определенное сходство со средней структурой широкой категории индивидуумов. Тогда возникает вопрос: какой исторической и социологической ситуации обязаны своим происхождением указанные массовые структуры? Таким образом, центр исследования массовой психологии

¹ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // З. Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 206.

переносится с метафизики «идей фюрера» на реальность общественной жизни. «Фюрер» может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп. Постоянный или только временный характер воздействия фюрера на историю зависит лишь от того, соответствует его программа направлению развития прогрессивных социальных процессов или возникает на их основе. Следовательно, стремясь объяснить успех Гитлера демагогией национал-социалистов, «запутыванием масс», их «обманом» или применяя неопределенный термин «нацистский психоз», как это делали впоследствии коммунисты и другие политики, исследователь становится на ложный путь, ибо проблема заключается в понимании, почему массы поддались обману, запутыванию и психозу. Эту проблему невозможно решить без точного знания того, что происходит в массах. Недостаточно утверждать, что гитлеровское движение было реакционным. Успех НСДАП в массах противоречит этой предполагаемой реакционной роли, ибо почему тогда многие миллионы соглашались с тем, чтобы их угнетали? В этом заключается противоречие, объяснить которое способны не политика и экономика, а социальная психология¹.

Нас не должно смущать, что среди лидеров толпы, героев и вождей, нередко встречаются люди с акцентуациями характера и психическими аномалиями. Фрейд писал:

глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества, и не только тогда, когда они были знатного происхождения. Обычно они сеяли хаос, но не всегда. Такие лица оказывали далеко идущее воздействие на настоящее и будущее, они способствовали многим важным движениям культуры и совершали великие открытия. С одной стороны, они были способны к таким достижениям с помощью «неповрежденной» части их личности, то есть несмотря на свою аномальность, но, с другой стороны, часто именно патологические черты их характера, односторонность их развития, аномальная сила определенных желаний, некритическое и неограниченное следование какой-либо одной цели давали им силу тащить за собой других и преодолевать всевозможные препятствия².

Однако не следует полагать, что психические отклонения неотделимы от великих свершений, поскольку такие свершения были делом рук и вполне нормальных людей. Тому в истории множество подтверждений.

¹ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 40—41.

² Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. Двадцать восьмой президент США. Психологическое исследование. М., 1992. С. 22.

Толпа может выделить из своей среды представителя своих интересов, даже лидеров, как это произошло, например, с Гитлером, который, даже обладая некоторыми выдающимися качествами, все-таки никак не смог смыть с себя печать человека толпы. Он смог найти, определить то, что ей нужно, и пошел навстречу, часто путем демагогии и обмана. Толпа вначале не понимала этого и долгие годы верила ему, потом не смела сопротивляться, в мазохистском упоении отдаваясь ему. Но она поняла далеко не все и не до конца. И только много лет спустя, сопротивляясь комплексу национального унижения после огромной работы на государственном уровне — изменений преподавания истории в школах и высших учебных заведениях, бурного роста экономики, осуждения гитлеризма и его преступлений во всех странах, появилось поколение немцев, которым уже не нужен был фюрер, даже в воспоминаниях.

В связи с этим напомним, что Гитлер был из среды мелкого чиновничества, Сталин — из крестьян (впоследствии его отец был сапожником и рабочим обувной фабрики), отец Муссолини был кузнецом, но у него даже была своя молотилка. Но все они могли быть аристократами или происходить из семей крупных предпринимателей, но это не помешало бы отнести их к людям толпы, если бы они были пропитаны ментальностью толпы.

Толпа, попав под влияние лидера, тем более харизматического, совсем не хочет свободы. Для нее перестают существовать компромиссы, а только формула «или — или». Тоталитарный лидер, который на протяжении своей жизни захочет указывать путь и принимать решения, появляется лишь там, где он находит благоприятную почву, иными словами, где толпа ждет его. Вопрос в том, к чему он должен апеллировать, обращаясь к толпе? Какие инстинкты он должен пробуждать, имея дело с ней? Какие для этого существуют шансы у него, толпы и общества? Толпа может принять решение большинством, даже меньшинством, если остальные ему подчинятся. В борьбе за большинство можно пользоваться внушением, обманом, обещаниями.

Привязанность к тоталитарному лидеру в СССР, Китае, Италии и других таких же странах была столь же тесной и неразрывной, что и у новорожденных утят (по К. Лоренцу). Любые попытки порвать эту связь отнюдь не расценивались как возможность дать человеку свободу, а как покушение на страну, измену Родине, предательство и т.д. Если человек сам пытался разорвать такой «союз», он вполне мог уподобиться тому, кто рубит сук, на котором сидит.

Гитлер стремился воплотить в жизнь националистический империализм с помощью методов (в том числе и методов массовой организации), заимствованных у марксистов, писал В. Райх. Однако успехом своим эта массовая организация обязана и массам, а не

только Гитлеру. Ибо укорениться его пропаганда могла только благодаря авторитарной структуре толпы, испытывающей страх перед свободой. Поэтому с социологической точки зрения своими достижениями Гитлер обязан и своей личности, и тому значению, которое придавали ему массы. Проблема, однако, значительно усложняется тем абсолютным презрением, с каким Гитлер относился к народным массам, с помощью которых он собирался реализовать свои империалистические стремления. Для доказательства этого утверждения нет нужды приводить множество примеров¹.

Разумеется, это не означает, что все немцы были слепо преданы Гитлеру, а все советские граждане — Сталину.

Райх отмечал, что в качестве партии, которая, подобно итальянскому фашизму, обязана своим первым успехом практической заинтересованности крупных землевладельцев, НСДАП должна была привлечь на свою сторону мелких и средних фермеров, создавая таким образом для себя социальную базу. Естественно, что в своей пропаганде НСДАП не могла открыто отстаивать интересы крупных землевладельцев и поэтому вынуждена была обращаться за поддержкой к мелким фермерам.

Райх имел все основания считать, что социальную базу гитлеризма составляли мелкие буржуа. По этому поводу он писал, что, прежде всего, следует отметить совпадение национальных и семейных связей в психологических структурах различных групп мелкой буржуазии. Эти связи приобретают особую силу благодаря процессу, который протекает параллельно такому совпадению и фактически возникает на его основе. С точки зрения масс, националистический фюрер персонифицирует нацию. Связь личности с таким фюрером устанавливается лишь в той мере, в какой он действительно олицетворяет нацию в соответствии с национальными чувствами масс. Поскольку фюрер знает, каким образом можно пробудить в массах эмоциональные семейные связи, он также олицетворяет и фигуру авторитарного отца. Он использует в своих целях все эмоциональные особенности, которые прежде приписывались строгой, но внушительной (в глазах ребенка) фигуре отца-защитника. В дискуссиях с горячими поборниками национал-социализма по поводу несостоятельности и противоречивости программы НСДАП много раз говорили, что Гитлер лучше их разбирается во всем — «он все устроит». В этом случае отчетливо проступает потребность ребенка в защите со стороны отца. В условиях социальной действительности потребность народных масс в защите позволяет диктатору «все устраивать». Такая позиция

¹ См.: Райх В. Указ. соч. С. 64.

существенно затрудняет осуществление общественного самоуправления, т.е. разумной независимости и сотрудничества. Никакая подлинная демократия не может и не должна быть построена на основе такой позиции.

Более важной, однако, представляется роль идентификации массовых индивидов с «фюрером». Чем беспомощнее становится «массовый индивид» (благодаря своему воспитанию), чем отчетливее проступает его идентификация с фюрером, тем глубже детская потребность в защите прячется в чувстве его единства с фюрером. Эта склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т.е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с «величием нации». Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он бессознательно воспринимает себя защитником «национального наследия» и «нации». Это не позволяет ему презирать толпу и противопоставлять себя ей как индивидуума. Ужас его материального и сексуального положения настолько затмевается возвышающей идеей принадлежности к расе господ и существования выдающегося фюрера, что со временем он полностью утрачивает понимание всей ничтожности своей слепой преданности¹.

Конечно, Райх был прав в том, что Гитлер опирался на мелкую буржуазию, но не только. Прослеживая историю германского нацизма, каждый раз убеждаешься в дьявольской способности фюрера приспособляться к различным социальным группам и становиться выразителем их интересов. Он мог выражать интересы не только их, но и всего немецкого общества, мнящего себя вершителем мировой истории, но по злой воле союзников после Первой мировой войны свергнутого в унизительное положение и жаждущего реванша. В этих условиях каждый немец чувствовал себя патриотом и готов был подчиниться лидеру, который призывал к всегерманскому господству в мире, и был готов возглавить всегерманский же поход к этой сияющей вершине. Гитлер действительно стал отцом нации, но ему должна была помочь толпа — без нее он был беспомощен. А поэтому каждый истинный патриот был обязан встать под его знамена, тоже чувствуя себя значимой фигурой, создателем нового мира, но благодаря не только своей идентификации с фюрером, но и осознанию выполнения исключительно важной работы для истории, но под руководством этого совершенно необычного человека.

Гитлер всегда ощущал свою особость, свою неспособность к человеческим отношениям, а отсюда затем и свою предназначенность к великим свершениям. Война была для Гитлера великим

¹ Райх В. Указ. соч. С. 84—85.

положительным моментом его формирования, «огромным впечатлением», «грандиозным», «столь счастливым», как сам он это сформулирует, безудержно приветствуя этот опыт, имевший для него, по существу, метафизический ранг.

Сам Гитлер скажет, что война его перевернула. Ибо, помимо всего иного, она придала ему, чувствительному молодому человеку, твердость и осознание его собственной ценности. Примечательно, что теперь он уже не боится показаться на глаза своим родственникам — отпуск в октябре 1917 и в сентябре 1918 г. он проводит у родных в Шпитале. Кроме того, на фронте он узнал пользу солидарности, получил какие-то навыки самодисциплины и, наконец, ту веру в судьбу, которой будет отмечен патетический иррационализм его поколения в целом. Мужество и хладнокровие, которые были проявлены им под самым жестоким огнем, создали ему у однополчан своего рода нимб; если Гитлер рядом, говорили они, «то ничего не случится». Кажется, эта уверенность произвела большое впечатление и на него самого; она явно укрепила в нем ту веру в свое особое призвание, которую он настойчиво сохранял в себе во все эти годы неудач¹.

Этот нимб впоследствии будет только укреплен.

У Сталина много общего с Гитлером. Как и фюрер, наш «любимый» вождь был эмоционально холоден и жесток, как и он, являл собой типичного садонекрофила и шел напролом, невзирая ни на какие нравственные препятствия. У Сталина, собственно, и не было никаких нравственных правил. Он был мастером интриги, и это мастерство было ему остро необходимо, поскольку конкурентов в борьбе за власть оказалось очень много, значительно больше, чем у Гитлера. По-видимому, был прав Р. Такер, что обращение отца Сталина с сыном, в особенности то, что он бил мальчика и бил при нем его мать, развило в Сталине с детских лет ощущение одиночества во враждебном мире и чувство глубокого страха. Со временем он стал замкнут, холоден, неразговорчив.

У Сталина была не совсем обычная способность как бы стоять над толпой, плыть над ней своим курсом. Это создавало ему ореол не только всезнающего человека, но еще и заботливого отца, которому вполне ведомо, куда он ведет. Человек толпы поэтому доверял ему и восторженно встречал, что подкреплялось всегдашним послушанием народа власти и в то же время страха перед ней. Не будем забывать о громогласности несмолкающей какофонии прославления этого человека.

Жизнь и деяния этих двух мерзавцев удивительно схожи, но вот смерти их были очень разные. Гитлер потерпел полное фиаско,

¹ См.: *Фест И.* Указ. соч. Т. I. С. 87.

и его особенно никто не оплакивал, если не считать группового самоубийства семьи Геббельсов. Сталин же умер как победитель и во всенародных слезах. Долгое время простой народ, толпа просто не знали, как жить без него и каким будет теперь окружающий мир. Он и сейчас победитель и вождь толпы.

Чем меньше человек, чем более узкие масштабы его личности, тем больше он нуждается в вожде. Очень важна роль в его идентификации массовых людей с ним. Чем беспомощнее массовый человек, тем глубже прячется эта потребность в чувстве единства с ним, склонность же к идентификации выступает психологической основой национального нарциссизма, т.е. уверенности в себе отдельного лица благодаря его ассоциации с правящим классом или нацией. Благодаря такой идентификации простой человек ощущает себя частью вождя, защищая свою религию, нацию или социальный слой, а следовательно, причисляет себя к расе господ. Со временем такой человек утрачивает сознание своей ничтожности и оправдывает свои действия преданностью вождю и делу, которому он служит.

Для человека великой державы очень важна идея принадлежности к ней через великую персону. Что-то от этой персоны переходит «ко мне», ведь «мне» «принадлежит» такая держава, а значит, и ее мудрейший вождь. Если враги поносят «твою» державу и ее вождя, то, значит, и «тебя», и вообще ругань в ваш адрес говорит лишь о том, что «нас» боятся в том числе, а возможно, и в первую очередь потому, что у нас такой вождь. Причем его ненавидят только толстосумы, а простой народ, вроде нас, его очень любит и уважает. Ведь недаром везде написано, что он вождь трудящихся всего мира.

6.4. Толпа-стая

Толпу-стаю прежде всего надо отделить от публики на концертах, зрелищных мероприятиях, в театре, церкви и т.д. Толпа-стая не обязательно должна собираться с целью что-то разрушить, разорить, уничтожить, хотя это бывает достаточно часто, особенно если иметь в виду религиозных фанатиков или футбольных болельщиков. Она может собраться также в связи с манифестациями, для требования справедливого приговора либо освобождения невинного, восстановления каких-то нарушенных прав, приветствия любимого актера и по множеству других поводов.

Наблюдатели часто видят в сборище народа концентрацию общественного психоза, сходного с наркотическим или гипнотическим психозом. И пока пребывает в этом состоянии, она способна верить всему или почти всему, что ей скажут, и сделает такая толпа

все, что ей прикажут. Они будут подчиняться любому призыву, каким бы бессмысленным он ни был. Очень важен повод для сбора толпы — одно дело требование справедливого приговора и совсем другое — разгромить болельщиков враждебной команды.

Если исключить религию, толпа лишена духовности и не преследует духовных целей. Толпа же религиозных фанатиков, готовая разорвать на части любого, кого сочтет врагом своей религии, в сущности заботится как раз не о ней, а о себе. Преследуя и унижая религиозных врагов, ненависть к которым ее объединяет и сплачивает, она защищает сама себя. Толпа фанатиков (любых!) не способна к рассуждению, но если, фантазируя, приписать ей эту невероятную для нее способность, то она должна прийти к выводу, что отстаивает то, что является фундаментом ее бытия. Поэтому масса как носитель идеологии и толпа как скопище склонны к экстремизму и его разновидности — терроризму, и она готова служить им людьми и материальными средствами, отдавать все свои симпатии и эмоции.

Толпа как скопище людей может полностью состоять из случайных личностей, до этого не знакомых друг с другом или знакомых с одним или двумя, например с товарищами из числа спортивных болельщиков. Но она способна сформироваться из большого количества хорошо знакомых, например односельчан или жителей микрорайона либо товарищей по работе. Люди, требовавшие смертной казни для так называемых изменников в сталинском СССР, обычно были рабочими и служащими одного предприятия или учреждения. Их умело организовывали в стаю, и они проникались общим настроением в отношении объектов своей ненависти.

Толпа-стая дает каждому ощущение личной связи, причастности к очень важному, к идее, имеющей глобальное значение. Толпу объединяет в общность несколько броских фраз и лозунгов, захватывающих эмоций, что создает для индивида ощущение общности, но это уже не эрзац общности, а настоящая, подлинная общность и единство. Особенно влияют на подобного человека грандиозные, торжественные церемонии, так любимые в тоталитарных странах, постоянные собрания, шествия, митинги и т.д.

Толпа — это прежде всего группа, отличительная черта — вовлеченность участников в совместную деятельность, причем не каждый участник толпы как группы понимает, в какую именно деятельность он вовлечен и какие функции возложены на него или он возложил на себя сам. В зависимости от того, какой именно является группа, она может рассматриваться как создаваемая усилиями людей, каждый из которых руководствуется собственными, незави-

симыми мотивами, либо подчиняясь, даже слепо, общему настрою или общему влечению.

В толпе-стае, как правило, нет независимо мотивируемых субъектов, но они способны координировать друг с другом свои действия в той степени, в какой они соответствуют общему настроению или совместно поставленной цели. В такой толпе, особенно если она действует стремительно, ее участник может ничего не знать о том, кто с ним заодно, но какую-то информацию о нем, нужную для совместных поступков, он должен иметь. Вообще в повторяющихся и хорошо организованных ситуациях люди в состоянии действовать совместно и сравнительно легко потому, что они более или менее одинаково представляют себе, как следует поступить каждому участнику.

Толпа-стая всегда есть производное от толпы как носителя идеологии и менталитета. Наблюдения за гражданскими междоусобицами, особенно длительными, между толпами показывают, что у каждой стороны есть вдохновители и организаторы, обеспечивающие их не только материально и вооружающие, действующие тайно или открыто. Бывает и так, что для враждующих толп характерен один и тот же менталитет.

Толпа-стая требовала казни Христа, насмешками и издевательствами сопровождала его к Голгофе. Толпа-стая испускала крики восторга, когда в Европе сжигали еретиков на кострах. Толпа-стая активно способствовала приходу Гитлера к власти, когда уничтожала его противников и навязывала нацизм всем другим, она же крушила магазины, принадлежавшие евреям, а из самих магазинов воровала товары; люди из такой стаи потом служили в лагерях смерти, каждодневно проявляя садизм. Толпа-стая требовала в СССР крови так называемых предателей и врагов Сталина. Толпа-стая, умело организованная, и сейчас поддерживает истощенными воплями любые действия властей. Толпа-стая футбольных болельщиков способна к погромам и убийствам, она вообще главное действующее лицо погромов в этно-религиозных конфликтах — не нужно разбираться в том, кто прав, а кто виноват, какова национальная, расовая или религиозная принадлежность человека, — ей ясно указывают, кто должен быть уничтожен и, следовательно, кто виновен.

Толпа как скопище людей есть и психологическое, и обычно социальное образование. Она отрицает общечеловеческие ценности, часто и действующие правила и законы, а мотивация ее поведения бессознательна, поскольку от нее всегда ускользает внутренний смысл ее поведения. Но ее преследуют не в любом обществе, в тоталитарном ее даже поощряют, направляют, ставят перед ней конкретные задачи. Она имеет своих представителей

и защитников в массе, среди элиты, даже в государственной власти, особенно если она действует длительное время. Велики и значительны связи толпы среди одобряющего большинства, она нередко выступает в качестве представителя этого большинства, например, в националистических или политических эксцессах.

Чтобы понять некоторые экстремистские проявления, например погромные действия футбольных фанатов, необходимо обратиться к феномену психологии толпы. Разумеется, к погромам прибегают не только футбольные фанаты, а ее психология проявляет себя и в других ее действиях.

Представление о толпе обычно рождается из личного опыта людей. Практически каждый либо бывал в толпе, либо видел ее поведение со стороны. Иногда, поддавшись простому человеческому любопытству, люди присоединяются к группе, рассматривающей или обсуждающей какое-то событие. Возрастая количественно, заражаясь общим настроением и интересом, люди постепенно превращаются в нестройное, неорганизованное скопление или толпу.

Толпа как скопление людей — это группа, в которой люди находятся в состоянии взаимного внушающего воздействия. Они стремятся подчеркнуть то, что их сближает, то, что у них было общего до встречи. Каждый из них сводит к минимуму свое личностное начало, которое могло бы привести к риску противостояния. С. Московичи отмечал, что в ходе контактов и взаимодействий они все больше и больше стирают, сглаживают ту сознательную часть, которая их разделяет и делает непохожими друг на друга. Психическое единство толп, которое является результатом этого, не имеет иного интеллектуального или эмоционального содержания, как именно это бессознательное, вошедшее в дух и тело людей. Если мышление индивидов является критическим, т.е. логическим, использующим идеи-понятия, в большинстве своем абстрактные, то, напротив, мышление толпы автоматическое. Над ним господствуют стереотипные ассоциации, клише, глубоко сидящие в памяти. Толпа пользуется конкретными образами. Московичи ссылается на Г. Лебона, который повторял в различных вариантах, что массы неспособны к абстрактным суждениям. Бесплезно, следовательно, обращаться к ним, взывая к качеству, которым они не обладают¹.

Мышление толп, отмечает Московичи, — это всегда мышление уже видимого и уже известного².

¹ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 128—129.

² См.: Там же. С. 131.

Толпа — бесструктурное скопление людей, лишенных ясно сознаваемой общности целей, но взаимно связанных сходством эмоциональных состояний и общим объектом внимания. Определение «толпа» вошло в социальную психологию в период мощного революционного подъема масс в конце XIX — начале XX в. Под толпой психологи в то время понимали главным образом слабо организованные выступления «трудящихся против эксплуататоров».

Весьма образное определение толпы в «Психологии народов и масс» дал Лебон: «Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю». Там же он писал, что, каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни занятий, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности.

При объединении малых групп, состоящих из негодующих по определенному поводу индивидов, в достаточно большую группу, резко возрастает вероятность проявления стихийного, иногда деструктивного поведения. Последнее может быть направлено на выражение испытываемых людьми чувств, оценок и мнений либо на изменение ситуации через действие. Очень часто субъектом такого стихийного поведения оказывается толпа, которая требует, негодует, поддерживает или опровергает, во всяком случае, выступает как сила, с которой во многих случаях необходимо считаться или реагировать каким-то образом, например, если ее повеление носит разрушительный характер.

Нередко требования толпы расцениваются тоталитарными политиками как «глас народа». Это мы хорошо помним из собственной отечественной истории.

Толпой как субъектом массовых форм внеколлективного поведения часто становятся:

- (1) публика, под которой понимается большая группа людей, возникающая на основе общих интересов, часто без какой-либо организации, но обязательно в ситуации, которая затрагивает общие интересы и допускает рациональное обсуждение;
- (2) контактная, внешне неорганизованная общность, действующая крайне эмоционально и единодушно;
- (3) совокупность индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу и не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, но связанных каким-либо общим более или менее постоянным интересом. Тако-

выми оказываются массовые увлечения, массовая истерия, массовые миграции, массовый патриотический или лжепатриотический угар.

В массовых формах внеколлективного поведения большую роль играют неосознанные (бессознательные) процессы. На основе эмоционального возбуждения возникают стихийные действия в связи с какими-либо впечатляющими событиями, затрагивающими главные ценности людей в ходе, например, их борьбы за свои интересы и права. Таковыми были многочисленные «медные» или «соляные» бунты городской и крестьянской гольтыбы в русском Средневековье или бунтарские выступления английских луддитов, выразившиеся в уничтожении машин, не лишённые идеологического контекста и осознаваемых целей совершаемых действий.

Основные механизмы формирования толпы и развития ее специфических качеств — это циркулярная реакция (нарастающее взаимонаправленное эмоциональное заражение), а также слухи. Ядром толпы или зачинщиками выступают субъекты, задача которых сформировать толпу и использовать ее разрушительную энергию в поставленных целях. Участники толпы — это субъекты, примкнувшие к ней вследствие идентификации своих ценностных ориентаций с направлением действий толпы. Они не зачинщики, но оказываются в сфере влияния толпы и активно участвуют в ее действиях. Особую опасность представляют агрессивные личности, которые примыкают к толпе исключительно из-за появившейся возможности дать разрядку своим невротическим, нередко садистским наклонностям. Другую разновидность участников толпы составляют те, кто преследует свои корыстные, в том числе преступные, цели, например кражу во время погрома.

В среде участников толпы попадают и добросовестно заблуждающиеся. Ошибочно воспринимаемая обстановка, они присоединяются к толпе, движимые, например, ложно понятым принципом справедливости. Такими были немецкие обыватели в «хрустальную ночь», искренне поверившие Гитлеру, что евреи — враги немецкого народа.

К толпе примыкают и другие обыватели, не проявляющие большой активности, но привлеченные экссесом в качестве волнующего зрелища, которое разнообразит их скучное, унылое существование.

В толпе находят себе место повышено внушаемые люди, которые поддаются общему заражающему настроению, они без сопротивления отдаются во власть стихийных явлений, многие не без надежды на то, что в толпе и ее действиях они найдут выход раздрающим их эмоциям.

Участниками толпы оказываются и просто любопытные, наблюдающие со стороны. Они не вмешиваются в ход событий, однако их присутствие увеличивает массовость и усиливает влияние стихии толпы на поведение ее участников. Они как бы вдохновляют ее участников. Поэтому результаты действий толпы могут быть еще более опасными.

Как и любое другое социальное явление, толпу можно классифицировать по различным основаниям. Если за основу классификации взять такой признак, как *управляемость*, то исследователи выделяют следующие виды толпы.

Стихийная толпа. Она формируется и проявляется без какого-либо организующего начала со стороны конкретного физического лица, государственной или общественной организации.

Ведомая толпа. Формируется и проявляется под воздействием с самого начала или впоследствии конкретного физического лица, являющегося в данной толпе ее лидером. Он определяет ее направленность и способы поведения.

Организованная толпа. Эту разновидность ввел Лебон, рассматривая в качестве толпы и собрание индивидов, вступивших на путь организации, и организованную толпу. Можно сказать, что Лебон подчас не делает разницы между толпой организованной и неорганизованной, хотя согласиться с таким подходом трудно. Если какая-либо общность людей организована, следовательно, в ней имеются структуры управления и подчинения. Это уже не толпа, а формирование. Даже отделение солдат, пока в нем есть командир, уже не толпа.

Если за основу классификации толпы взять *характер поведения* в ней людей, то можно выделить несколько ее типов и подтипов.

Окаzionale (ситуативная) толпа. Образуется на основе любопытства к неожиданно возникшему происшествию (дорожная авария, пожар, драка и т.п.). Она может быть как пассивной, так и весьма активной, оказывая, например, кому-либо помощь.

Конвенциональная толпа. Образуется на основе интереса к какому-либо заранее объявленному массовому развлечению, зрелищу или по иному социально значимому конкретному поводу. Готова лишь временно следовать достаточно диффузным нормам поведения, но если временное ее существование преобразуется в постоянное, то кто-то из ее членов сможет обрести там место.

Экспрессивная толпа. Она формируется, как и конвенциональная толпа. В ней совместно выражается общее отношение к какому-либо событию (радость, энтузиазм, возмущение, протест и т.п.), например к спортивному состязанию.

Экстатическая толпа. Представляет собой крайнюю форму экспрессивной толпы. Характеризуется состоянием общего экстаза на

основе взаимного, ритмически нарастающего заражения (массовые религиозные ритуалы, карнавалы, рок-концерты и т.п.).

Наибольшую опасность представляют агрессивные фанатичные толпы, особенно если они стимулированы религиозными предрассудками. П. Концен, посвятивший фанатизму интересное исследование, выделяет его масштабы, сопоставляет с фундаментализмом и ненавистью, выделяет различные виды фанатизма, при этом показывая связь между различными видами и возможности перехода одного в другой.

Нас в этой книге по понятным причинам интересует политический фанатизм, поскольку именно он питал и поддерживал тоталитарные режимы. Но ограничиться именно этим видом фанатизма было бы ошибкой, поскольку религиозный фанатизм связан со всеми видами религий, христианской в том числе. Известно также, что современный исламский терроризм во многом обусловлен фанатизмом.

Суть политического фанатизма, по Концену, — бескомпромиссное утверждение общественной цели, национальной независимости, господства одной расы, всемирной справедливости¹. Сходство с религиозным фанатизмом зачастую состоит в мифически сакральном почитании своего дела, которое получает статус чего-то возвышенного, божественно трансцендентного. Под религиозным фанатизмом Концен предлагает понимать неизмеримые отношения с другими религиями (или неверующими вообще. — Ю.А.). Ведь имеется в виду абсолютно противоположное — неизмеримые извращения человеческой веры, которые в самых крайних случаях позволяют нам заглянуть прямо в ад. Абсолютно закаменелая, нетерпимая, игнорирующая любое добро и гуманность вера, которая изнуряет себя в борьбе с сомнениями, с желанием уничтожить зло, — это и есть первоначальная форма фанатизма. Главное требование — примирение всех религий. Это превращается здесь в радикальную противоположность. Никакое притязание на власть не реализуется так явно, как то, которое прикрывается волей бога; нигде групповой эгоизм не проявляется так бескомпромиссно, как тогда, когда он призывает к религиозным обетам; ни один образ врага не демонизируют так скверно, как тот, который объявляют безбожным или одержимым дьяволом. Религиозный фанатизм во все времена и во всех культурах оставил ужасный след в виде деструктивных сект, инквизиции и священных войн. Именно войны монотеистических религий за единственную веру, способную сделать человека счастливым, слили гекатомбы крови и причинили глубокие травмы кол-

¹ Концен П. Фанатизм. Психологический анализ этого ужасного явления. Харьков, 2011. С. 83.

лективной психике христиан, евреев и арабов. Также кажущиеся толерантными азиатские религии постоянно порождали оргии деструктивности — достаточно вспомнить резню между индусами и сейками или террор секты Аум¹.

Лебон различал виды толп по признаку *гомогенности*: разнородная, анонимная (уличная, например), персонифицированная (парламентское собрание), однородная, секты, касты, классы. Современные представления о типологии толпы несколько отличаются от взглядов Лебона. Об организованной толпе уже шла речь выше. Также сложно рассматривать в качестве толпы персонифицированное собрание людей типа производственного совещания, парламентского собрания, присяжных суда (Лебон относит эти образования к категории «толпа»), которые лишь в потенции могут превратиться в толпу, но изначально таковой не являются. Классы тоже трудно отнести к разряду толп, особенно если иметь в виду большую группу людей, занимающих свое особое место в процессе общественного производства.

Есть все основания думать, что все-таки одним из основных системообразующих признаков толпы является ее *стихийность*. Но следует подчеркнуть, что она вполне может быть организована.

Толпа обладает и другими психологическими особенностями, знание которых поможет понять механизм ее преступного поведения.

В психологической структуре этого образования можно выделить: когнитивный, эмоционально-волевой, темпераментальный и моральный аспекты.

Важными психологическими характеристиками толпы являются ее *бессознательность*, *инстинктивность* и *импульсивность*. Если даже один человек довольно слабо поддается посылам разума, а потому большую часть поступков в жизни делает благодаря эмоциональным, порой совершенно слепым импульсам, то людская толпа живет исключительно чувством, а чаще эмоциями и слепыми влечениями, логика противна ей. Вступает в действие неуправляемый стадный инстинкт, особенно когда ситуация экстремальна, когда нет лидера и никто не выкрикивает сдерживающие слова команд. Разнородное в каждом из индивидов — частице толпы — утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества. Общие качества характера, управляемые бессознательным, соединяются вместе в толпе. Изолированный индивид обладает способностью подавлять бессознательные рефлексы, в то время как толпа этой способности не имеет.

У толпы сильно развита *способность к воображению, фантазированию и мифологизированию*. Толпа очень восприимчива к впечатле-

¹ Концен П. Указ. соч. С. 73.

ниям. Образы, поражающие воображение толпы, всегда бывают простыми и ясными, как и истины, однозначные и плоские, усваиваемые ею. Вызванные в уме толпы кем-либо образы, представления о каком-нибудь событии или случае по своей живости почти равны реальным образам. Не факты сами по себе поражают воображение толпы, а то, как они предъясняются ей. Она не требует доказательств сообщаемых фактов, ей достаточно, что они доводятся до ее сведения.

Еще один очень важный эффект толпы — *коллективные галлюцинации*. В воображении людей, собравшихся в толпе, события претерпевают искажения. Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении виртуальный образ, в свою очередь, вызывает другие, той же природы, причем они могут не иметь никакой логической связи с первым. Толпа не отделяет субъективное от объективного. Она считает реальными образы, вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдаленную связь с наблюдаемым ею фактом. Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам.

Толпа не рассуждает и не обдумывает. Она принимает или отбрасывает идеи целиком, не будучи способной их расчленять и анализировать по частям. Она не переносит ни споров, ни противоречий. Ее рассуждения основываются на ассоциациях, но они связаны между собой лишь кажущейся аналогией и последовательностью. Толпа способна воспринимать лишь те идеи, которые упрощены до предела. Суждения толпы всегда навязаны ей и никогда не бывают результатом собственного всестороннего обсуждения. Если бы она была способна обсуждать, тем более здраво и взвешенно, это была бы уже не толпа.

Толпа никогда не стремится к правде. Она отворачивается от очевидности, которая не нравится ей, и предпочитает поклоняться заблуждениям и иллюзиям, если только они прельщают ее, если они соответствуют тем разжеванным истинам, которые она уже проглотила. Для толпы, не способной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует ничего невероятного, однако невероятное и поражает всего сильнее. Она верит в него, особенно если оно исходит от авторитетного человека, которому она привыкла подчиняться. Толпа, например, может легко поверить в то, что переживаемые странной трудности возникают только по причине происков зарубежных врагов или обмана вселившихся инородцев.

Обычно в толпе нет предумышленности. Она может последовательно пережить и пройти всю гамму противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под влиянием возбуждений минуты, не отдавая себе отчета в имеющихся противоречиях. Ассоциа-

ция разнородных идей, имеющих лишь кажущееся отношение друг к другу, и немедленное обобщение частных случаев — вот характерные черты рассуждений толпы. Толпа постоянно попадает под влияние иллюзий. Некоторые важные особенности мышления толпы следует выделить особо.

Так, она, не испытывая никаких сомнений относительно того, что есть истина и что есть заблуждение, выражает такую же авторитарность в своих суждениях, как и нетерпимость. Отсюда решительность в действиях толпы, когда, например, она расправляется с представителем «чужой» нации или расы.

Будучи в основе своей чрезвычайно консервативной, толпа питает глубокое отвращение ко всем новшествам и испытывает безграничное благоговение перед традициями, например, ненависти к тем же «чужим». Она находится как бы под гипнозом — ситуации, вождя или лидера, внушенной ей идеи, самой себя. Самое опасное и самое существенное в психологии толпы — это ее восприимчивость к внушению, которое часто трансформируется в ее цель. В то же время всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, она принимает или отвергает целиком и относится к ним либо как к абсолютным истинам, либо как к абсолютным заблуждениям.

Очень часто источником внушения в толпе выступает *иллюзия*, рожденная у одного какого-нибудь индивида благодаря более или менее смутным воспоминаниям либо намеренно вброшенная ей какой-нибудь группой, организацией или властью. Вызванное представление становится ядром для дальнейшей кристаллизации, заполняющей всю область того, что условно можно назвать разумом толпы, и парализующей всякие критические способности.

Ей очень легко внушить, например, чувство обожания, заставляющее ее находить счастье в фанатизме, подчинении и готовности жертвовать собой ради своего идола. Мы это очень часто видели в обожании, доходившем до обожествления коммунистических лидеров.

Как бы ни была нейтральна толпа, она часто все-таки находится в состоянии выжидательного внимания, которое облегчает всякое внушение. Рождение легенд, легко распространяющихся в толпе, обуславливается ее легковерием. Одинаковое направление чувств определяется внушением. Как у всех существ, находящихся под влиянием внушения, идея, овладевшая умом, стремится выразиться в действии. Невозможного для толпы не существует. Часто реализацию невозможного она делегирует своим вождям, веря в их сверхъестественные способности.

Человек склонен к подражанию. Мнения и верования распространяются в толпе путем заражения и подражания. Иными словами, в толпе имеет место такое социально-психологическое явление

ние, как *эмоциональный резонанс*. Люди, участвующие в эксцессе, не просто соседствуют друг с другом, они заражают окружающих и сами заражаются от них. Термин «резонанс» к такому явлению применяется потому, что участники толпы при обмене эмоциональными зарядами постепенно накаляют общее настроение до такой степени, что происходит эмоциональный взрыв, с трудом контролируемый сознанием. Наступлению эмоционального взрыва способствуют определенные психологические условия поведения личности в толпе.

Чувства и идеи отдельных лиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Рождается коллективная душа, имеющая, правда, временный характер. Толпе преимущественно знакомы простые и крайние чувства.

Различные импульсы, которым она повинется, могут быть в зависимости от внешних обстоятельств, содержания, направленности и силы возбуждений великодушными или злыми, героическими или трусливыми, но они обычно настолько сильны, что никакой личный интерес, даже чувство самосохранения, а тем более справедливости не в состоянии их подавить.

В толпе преувеличение чувства обуславливается тем, что само это чувство, доброе или злое, распространяясь очень быстро посредством внушения и заражения, вызывает всеобщее порицание или одобрение, которые в значительной мере содействуют возрастанию его силы. Эмоции и сила чувств толпы еще более увеличиваются из-за отсутствия ответственности. Уверенность в безнаказанности (тем более сильная, чем многочисленнее толпа) и сознание значительного (хотя и временного) могущества дают возможность скопищам людей проявлять такие чувства и совершать такие действия, которые просто немыслимы и невозможны для отдельного человека. Какими бы ни были чувства толпы, хорошими или дурными, характерной их чертой является односторонность. Односторонность и преувеличение чувств толпы ведут к тому, что она не ведает ни сомнений, ни колебаний.

Общество в первую очередь интересуют те силы толпы, которые направлены лишь на разрушение. Инстинкты разрушительной свирепости дремлют в глубине души многих индивидов. Поддаваться этим инстинктам опасно для изолированного индивида, но, находясь в безответственной толпе, где ему обеспечена безнаказанность, где он часто действует анонимно, он может свободно следовать велению своих инстинктов.

Эти силы могут быть разрушительны сейчас, в эту минуту, когда, например, расправляются с инакомыслящим. Но иногда дест-

руктивные силы толпы действуют более или менее длительное время, даже отстаивая нечто, что плохо для нее самой.

В толпе малейшее пререкание или прекословие со стороны какого-либо несогласного немедленно вызывает яростные крики и бурные ругательства, даже побои. Нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, — это *ярость*. Толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения. Крушащая, уличающая или громящая, толпа создается главным образом на базе противопоставления данной общности объекту недовольства. Толпу делает общностью именно то, что «против них». Это, конечно, не слепая ненависть ко всему, с чем люди себя не идентифицируют. Тем не менее в толпе противопоставление «мы» и «они» достигает социально значимой, нередко весьма опасной величины.

У толпы отсутствует критическое отношение к себе и присутствует нарциссизм — «мы» безупречны, во всем виноваты «они». «Они» отливаются в образ врага. Толпа считается только с силой, и доброта ее мало трогает, для толпы доброта — одна из форм слабости. Очень ярко это проявляется в групповом насилии против представителей других наций или рас, которые всегда являются врагами. Если толпа небольшая, то личный интерес у каждого может быть могущественным двигателем, в то время как и у отдельного человека он стоит на первом месте. Хотя все желания толпы бывают очень страстными, они все же продолжаются недолго, и толпа также мало способна проявить настойчивую волю, как и рассудительность.

В толпе нередко рождается невероятная жестокость, подстрекаемая демагогами и провокаторами. Безответственность позволяет толпе топтать слабых и преклоняться перед сильными. Агрессивность толпы, часто превращаясь в жестокость, всегда проявляется в физической активности и диффузности. Стремление немедленно превратить в действия внушенные идеи — ее характерный признак. Возбудители, которые действуют на повинующуюся им толпу, весьма разнообразны — этим объясняется ее чрезвычайная изменчивость. Над прочно установившимися верованиями толпы лежит поверхностный слой мнений, идей и мыслей, постоянно нарождающихся и исчезающих. Мнение толпы непостоянно.

Отсутствие ясных целей и диффузность структуры порождают наиболее важное свойство толпы — ее легкую превращаемость из одного вида (или подвида) в другой. Такие превращения часто происходят спонтанно. Знание их типичных закономерностей и механизмов позволяет умышленно манипулировать ее поведением в авантюристических целях либо в целях сознательного предотвращения ее особо опасных действий.

В толпе индивид приобретает ряд специфических психотических особенностей, которые могут быть ему совершенно не свойственны, если он пребывает в изолированном состоянии. Эти особенности оказывают самое непосредственное влияние на его поведение в этом стихийном скопище людей.

В поведении толпы проявляются как идеологические влияния, с помощью которых готовятся определенные действия, так и изменения в психических состояниях, происходящие под воздействием каких-либо конкретных событий или информации о них. В действиях толпы происходит стыковка и практическая реализация влияний идеологических и социально-психологических, их взаимопроникновение в реальное поведение людей. Естественно, что на толпу влияет вся масса, та сила, которая нередко ее организует и направляет.

Совместные чувства, воля, настроения оказываются в толпе эмоционально и идеологически окрашенными и многократно усиленными. Обстановка массовой истерии служит фоном, на котором разворачиваются нередко самые трагические действия. Одним из видов поведения толпы является *паника*. Паника — это эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка и проявляющееся в импульсивных действиях. Факторы, способные вызвать панику, многообразны. Их природа может быть физиологической, психологической и социально-психологической. Известны случаи возникновения паники в повседневной жизни как следствие катастроф и стихийных бедствий. При панике людьми движет безотчетный страх. Они утрачивают самообладание, солидарность, мечутся, не видят выхода из ситуации.

Факторами, особо сильно влияющими на поведение толпы, могут быть следующие:

- (1) суеверие — упрочившееся ложное мнение, возникающее под влиянием страха, пережитого человеком. Впрочем, может иметь место суеверный страх, причины которого не осознаются. Многие суеверия связаны с верой во что-либо. Им подвержены самые разные люди, вне зависимости от уровня образования и культуры. По большей части суеверие основано на страхе, оно многократно усиливается в толпе;
- (2) иллюзия — разновидность ложного знания, традиции или обычая, закрепившегося в общественном мнении. Она может быть результатом обмана органа чувств. В данном же контексте речь идет об иллюзиях, относящихся к восприятию социальной действительности. Социальная иллюзия — сво-

его рода эрзац-подобие реальности, создаваемое в воображении человека взамен подлинного знания, которое он почему-то не приемлет. В конечном счете основа иллюзии — незнание, которое может дать самые неожиданные и нежелательные эффекты, когда проявляется в толпе;

- (3) предрассудки — ложное знание, превратившееся в убеждение, точнее, в предубеждение. Предрассудки активны, агрессивны, напористы, отчаянно сопротивляются подлинному знанию. Это сопротивление до такой степени слепо, что толпа не приемлет никаких аргументов, противоречащих предрассудку. Они являются могучим источником активности толпы.

Психологическая природа предрассудков состоит в том, что память человека запечатлевает не просто мнение (знание), она сохраняет и сопровождающее это знание чувство, эмоцию, отношение. Вследствие этого память весьма избирательна. Факты и события, противоречащие определенному мнению, не всегда анализируются на уровне сознания. И конечно, они отбрасываются под влиянием эмоций, которые обычно переполняют, захлестывают толпу. В случаях, когда распространенные стереотипы общественного мнения перенасыщаются эмоциями, возможно возникновение массового психоза, во время которого люди способны совершать самые безрассудные поступки, перестают отдавать себе отчет во всех последствиях своих действий.

Факторы, определяющие характер мнений и верований толпы, бывают двоякого рода — факторы непосредственные и факторы отдаленные. Непосредственные факторы, влияющие на толпу, действуют уже на подготовленную отдаленными факторами почву — без этого они не вызвали бы столь сокрушительных результатов, которыми нередко поражает беснующаяся толпа. Факторы, способные впечатлять и саму толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к рассудку.

В отличие от любой другой группы в толпе-стае человек далеко не всегда выбирает себе роль: она может возлагаться на него складывающимися обстоятельствами, распоряжением вожака, его собственными желаниями тоже, если, например, он участвует в деятельности толпы, чтобы чем-то завладеть. Толпы, о которых здесь идет речь, и в первую очередь агрессивные, могут растворяться, как только сделают свое дело, например линчуют кого-то.

Фундаментальное объяснение поведения группы-скопища (стаи) дает З. Фрейд. На его взгляд, есть комплексы, которые вытеснились сознанием, а ранее были в нем. Но есть и такие, которые никогда не входили в него, а поэтому не вытеснялись. Человек пребывает

в блаженном неведении относительно этих сил, поскольку они никогда (или почти никогда) не касаются наших личных дел в обычных обстоятельствах. Но стоит людям собраться вместе и образовать толпу, как высвобождается динамика коллективного человека — звери или демоны, сидящие в каждом человеке, не проявляют себя, пока он не сделался частью толпы. Там человек бессознательно нисходит на низший моральный и интеллектуальный уровень. Тот уровень, который всегда лежит за порогом сознания, готовый прорваться наружу, стоит подействовать стимулу совместного пребывания в толпе¹.

В толпе-стае человек как бы отдает себя ей, действует импульсивно, даже компульсивно, повинуюсь инстинктам. Попадая под ее власть, он часто начинает чувствовать, что свершилось то, что давно хотелось ему: ценой потери себя наступило избавление от постоянной и изматывающей заботы о себе, обретение чего-то, чему можно отдаться без остатка. Наступает нечто близкое к пренатальному состоянию, когда ни о чем не надо беспокоиться и лишь следовать кому-то или чему-то. В толпе субъект не всегда осознает себя как отличную от других единицу, по крайней мере, степень этого осознания может быть различной.

В толпе люди могут забываться настолько, что их сознание сводится к минимуму. Так они способны вопить на стадионе, чего не позволили бы себе в обычной жизни. Самозабвение можно наблюдать среди некоторых религиозных сект — в прошлом это были, например, «прыгуны» и «хлысты». Члены таких сект доводили себя до экстатического состояния

Человека в толпе характеризуют следующие черты.

Анонимность. Немаловажная особенность самовосприятия индивида в толпе — это ощущение собственной анонимности. Затерявшись в «безликой массе», поступая «как все», человек перестает отвечать за собственные поступки. Он, не отдавая в этом себе отчета, перестает ощущать себя источником своих же действий. Отсюда и та жестокость, которая обычно сопровождает действия агрессивной толпы. Участник толпы оказывается в ней как бы безымянным. Это создает ложное ощущение независимости от организационных связей, которыми человек, где бы он ни находился, включен в трудовой коллектив, семью и другие социальные общности.

Инстинктивность. В толпе индивид отдает себя во власть таким инстинктам, которым никогда, будучи в иных ситуациях, не дает волю. Этому способствуют анонимность и безответственность

¹ Приводится по: Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 138—139.

человека в толпе. У него уменьшается способность к рациональной переработке воспринимаемой информации. Способность к наблюдению и критике, существующая у изолированных индивидов, полностью исчезает в толпе.

Бессознательность. Об этой особенности уже было сказано выше. В толпе исчезает, растворяется сознательная личность. В толпе наблюдается преобладание бессознательных влечений, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи. Немаловажно отметить, что отдельный человек не только не контролирует себя, но и других тоже.

Состояние единения (ассоциации). В толпе индивид чувствует силу человеческой ассоциации, которая влияет на него своим присутствием. Воздействие этой силы выражается либо в поддержке и усилении, либо в сдерживании и подавлении индивидуального поведения человека. Известно, что люди в толпе, ощущая психическое давление присутствующих, могут сделать (или, напротив, не сделать) то, чего они никогда бы не сделали (или, напротив, что непременно сделали бы) при иных обстоятельствах. Например, человек не может оказать без ущерба для собственной безопасности помощь жертве при враждебном отношении к этой жертве самой толпы.

Индивид, пробыв некоторое время среди действующей толпы, попадает в такое состояние, которое напоминает состояние загнипнотизированного субъекта, что отмечали Лебон, Московичи и другие исследователи психологии толпы. Он уже не осознает своих поступков. У него, как у загнипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения, приобретаемого в толпе, индивид может совершать действия с неудержимой стремительностью, которая к тому же возрастает, поскольку влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается силой взаимности.

Индивид в толпе приобретает сознание неодолимой силы благодаря одной только численности. Это сознание позволяет ему поддаться скрытым инстинктам: в толпе он не склонен обуздывать эти инстинкты именно потому, что толпа анонимна и ни за что не отвечает. Чувство ответственности, сдерживающее обычно отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе — здесь понятие о невозможности не существует или, во всяком случае, о ней никто не задумывается.

Заражаемость. В толпе всякое действие заразительно до такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу толпы. Подобное поведение противоречит самой человеческой природе, и потому человек оказывается спосо-

бен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы. Здесь полностью стираются индивидуальные черты людей, исчезает их оригинальность и личностная неповторимость.

Утрачивается индивидуальная надстройка каждой личности и вскрывается, выходит на поверхность аморфная однородность. Поведение индивида в толпе обуславливается одинаковыми установками, побуждениями и взаимной стимуляцией. Не замечая оттенков, индивид в толпе воспринимает все впечатления в целом и не знает никаких переходов.

Социальная деградация. Становясь частицей толпы, человек как бы опускается на несколько ступеней ниже в своем развитии. В изолированном положении — в обычной жизни — он, скорее всего, был культурным человеком, в толпе же это варвар, т.е. существо инстинктивное. В толпе у индивида обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости. Человек в толпе претерпевает и снижение интеллектуальной деятельности.

Для человека толпы также характерна повышенная эмоциональность восприятия всего, что он видит и слышит вокруг себя.

Часто поведение толпы определяется наличием или отсутствием в ней лидера. *Лидер* в толпе может объявиться в результате стихийного выбора, а нередко — и в порядке самоназначения. Самозванный лидер обычно подлаживается под настроения и чувства людей толпы и сравнительно легко может побудить участников ее к поведению определенного типа. В других случаях он назначается властью, хотя это тщательно скрывается.

Любое скопление индивидов инстинктивно подчиняется власти вождя. Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее бог. В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения. Толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином. Это древнейшее влечение, архетип, устоявшийся веками. Вождь почти всегда мифологизирован.

Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил. Всегда готовая восстать против слабой власти, толпа раболепствует и преклоняется перед властью сильной. Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству. Тут лидер или вождь может начать свою религиозную или политическую карьеру. Он должен учитывать, что толпа столь не нетерпима, сколь и доверчива в отношении авторитета. Она уважает силу и мало поддается воздействию доброты, означающей для нее лишь своего рода слабость. Она требует от своего героя силы и даже насилия, хочет, чтобы ею владели, ее подавляли. Она жаждет бо-

яться своего властелина. Власть вожаков очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет толпу подчиняться. Гитлер и Сталин это блестяще продемонстрировали.

В толпе людей лидер часто бывает только вожаком. Но тем не менее роль его значительна. Его воля — это ядро, вокруг которого кристаллизируются и объединяются мнения. Роль вожаков состоит главным образом в том, чтобы создать веру, все равно какую. Именно этим объясняется их большое влияние на толпу. Однако власть вожаков по сравнению с вождями временна и подвержена разным случайностям. Вожакими бывают и психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на грани безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они объявляют и защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Есть и еще одно качество, которым обыкновенно отличаются вожаки толпы: они не принадлежат к числу мыслителей, это люди действия. Однако они могут выдавать себя за мыслителей или духовных вождей, даже за спасителей и в этом качестве очень опасны. В таких ипостасях вожаки часто выступают в религиозных сектах, которые способны на самые эксцентричные поступки.

Среди вожаков выделяются люди энергичные, с сильной, но появляющейся у них лишь на короткое время волей, а также люди, обладающие сильной и в то же время стойкой волей, готовые управлять толпой длительное время. Один из важных факторов, определяющих влияние лидера на толпу, — это его обаяние. Оно может складываться из восхищения и страха. Личное обаяние не зависит ни от титула, ни от власти. Оно основывается на личном превосходстве, на военной славе, на религиозном страхе, но не только на этом. В природе обаяния участвует множество различных факторов, но одним из самых главных всегда был и остается успех. Он особенно важен в случае длительного управления толпой, и он обязательно должен быть у вождя.

Механизмами массового поведения может воспользоваться политик с любыми взглядами и любого морального уровня. В таких случаях толпа становится игрушкой в руках лидера. Обычно люди, жаждущие вести за собой толпу, интуитивно владеют приемами воздействия на нее. Они знают: чтобы убедить толпу, надо сначала понять, какие чувства ее воодушевляют, притвориться, что разделяешь их, а затем вызвать в воображении толпы прельщающие ее образы. Толпе надо всегда предъявлять какие-либо идеи в цельных образах, не указывая на их происхождение. Оратор, желающий увлечь толпу, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями — вот способы аргументации для толпы.

Однако не каждый вождь обязан быть оратором, особенно если он управляет массой (например, Сталин). В речи оратора утверждение тогда лишь воздействует на толпу, когда оно многократно повторяется в одних и тех же выражениях: в таком случае идея внедряется в умы так прочно, что в конце концов воспринимается как доказанная истина, а затем и врезается в самые глубокие области бессознательного. Этот прием также вполне успешно применяется лидерами или вожаками толпы.

Нельзя считать, что во всех случаях толпа-стая (скопище людей) ведет себя неразумно, как единый безумный механизм. Многие люди в этих скоплениях ведут себя вполне разумно, преследуя вполне определенные и личные и групповые цели. Вот почему мотивы группового, например революционного, поведения не могут быть сведены только к иррациональному, разрушительному началу. Поэтому не всегда верно утверждение Фрейда относительно невротической связи между лидером и толпой, тем более что не каждая толпа имеет своего ведущего, некоторые группы не подчиняются групповым решениям. Точно так же не каждого, который провозгласил себя лидером, толпа примет в этом качестве. Но если она признала в ком-то хозяина, она может беспрекословно подчиниться ему, формируя не критическое отношение к нему.

Заключение

Человека за всю его историю пытались переделать не один раз. Наиболее заметными были усилия Иисуса Христа и современных лжемессий — Ленина, Сталина, Гитлера ...Но если первый был олицетворением добродетелей и солнечным богом, то трое последних — грязными крысами из грязного подземелья. Иисус Христос пытался сделать человека таким, каким был он сам, — любящим, прощающим, милосердным, а упомянутая тройка — противоположно другим — подлым, надменным, коварным, жестоким. Все попытки (и те и другие) ни к чему не привели — человек остался тем, чем был всегда, и не ангелом, и не дьяволом.

Таким образом, мы можем констатировать победу человеческой природы, ее устойчивость, даже незыблемость. Она, биологическая и социальная, остается неизменной. Это позволяет думать, что и все последующие попытки такого рода обречены на провал, и человеку есть чем гордиться.

Люди до тех пор будут ждать мессию и верить ему, пока они несчастны, тревожны, потеряли надежду и смысл жизни, боятся завтрашнего дня, и особенно того, что будет с ними за гробом.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Мессия	7
1.1. Понятие мессии	7
1.2. Мессия как общественная потребность	19
1.3. Посредник между богом-творцом и людьми и искупитель	29
Глава 2. Мессия как архетип	44
Глава 3. Виртуальность образа мессии	56
3.1. Общая постановка проблемы	56
3.2. Виртуальное бытие мессии	66
Глава 4. Современные «мессии» — главари преступных режимов	80
4.1. Вождизм	80
4.2. Тираны — лжемессии нашего времени: убийцы, некрофилы, людоеды	93
Глава 5. Субкультура лжемессий, охватывающая толпу	111
5.1. Особая культура лжемессий	111
5.2. Нумера и примитив	123
5.3. Лжемессии и искусство	134
Глава 6. Толпа	144
6.1. Толпа как слой общества	144
6.2. Толпа в тоталитарном режиме лжемессий	159
6.3. Лидер толпы	176
6.4. Толпа-стая	186
Заключение	206